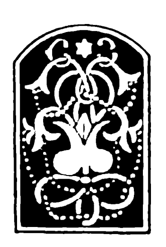
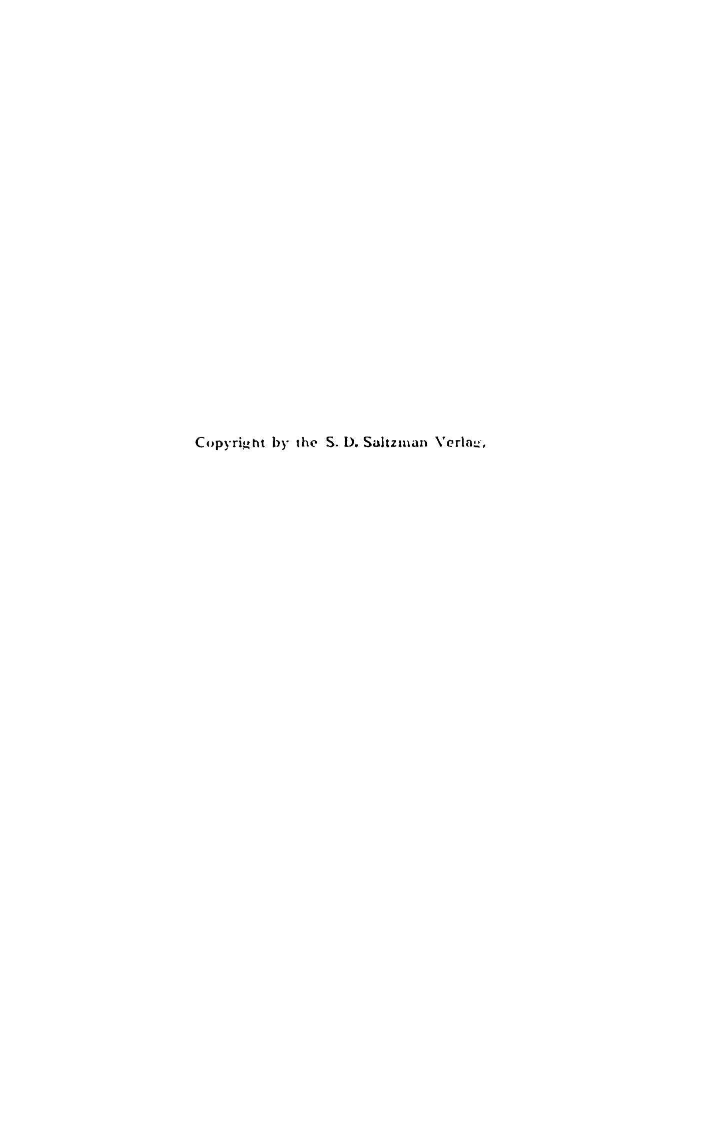
ВЛ. ЖАБОТИНСКІЙ

ФЕЛЬЕТОНЫ

ВЛ. ЖАБОТИНСКІЙ

ФЕЛЬЕТОНЫ

Третье дополненное
изданіе

Издательство С. Д. Зальцманъ
Берлинъ
1922

ЕВРЕИ

РОССІЯ

НАЦІЯ

LA BÊTE HUMAINE

Въ настоящій сборникъ вошли наброски и замѣтки о еврейскомъ вопросѣ и близкихъ къ нему проблемахъ, составленные въ разное время и для разныхъ аудиторій. Здѣсь имѣются и такіе очерки, въ которыхъ собраны выводы долгаго и кропотливаго изученія, имѣются и отрывки лирическаго характера, и полемика, и публичныя рѣчи. Но въ этомъ разнородномъ матеріалѣ есть одна общая черта: каждая строка была рождена въ атмосферѣ борьбы, каждое слово было откликомъ на боевой вызовъ. Отсюда нервность тона, преобладаніе темперамента. Чтобы отмѣтить этотъ общій характеръ разнороднаго матеріала, сборнику дано имя «Фельетоны».

Въ такой книгѣ не можетъ не быть отдѣльныхъ противорѣчій. Далеко не каждая строка въ ней съ идеальной точностью отражаетъ теперешній взглядъ автора на тѣ или иные вопросы. Но въ общемъ и цѣломъ въ этой книгѣ сказано именно то, что авторъ хотѣлъ сказать.

СПБ. 1912.

ЕВРЕИ

ВМѢСТО АПОЛОГІИ

(1911)

Если вникнуть какъ слѣдуетъ во вкусъ ритуальнаго обвиненія, возникаетъ ощущеніе очень тяжелое, для впечатлительнаго человѣка нестерпимое. Вы вдумайтесь: вѣдь это про насъ — про меня, васъ, вашу мать! Каждый изъ насъ, говоря съ иновѣрцемъ, долженъ, значитъ, помнить, что тотъ, быть можетъ, въ эту самую минуту ежится и думаетъ: «а кто тебя знаетъ, не хлебнулъ ли когда-нибудь и ты изъ ритуальной рюмочки?» Попробуйте во все это вникнуть! Въ сущности, вѣдь это ужаснѣе, чѣмъ все остальное, что мы переносимъ въ этой тюрьмѣ. Я себѣ представляю, что впечатлительный человѣкъ, вдумавшись въ это обвиненіе какъ слѣдуетъ, во всю глубину, можетъ сойти съ ума отъ обиды и отчаянія, или, по крайней мѣрѣ, долженъ рыдать и рвать на себѣ волосы. . .

Человѣкъ менѣе слабонервный, но зато наивный, долженъ выбѣжать на улицу, хватать тамъ прохожихъ за полу или за пуговицу и доказывать имъ, пока не охрипнетъ горло, что это клевета, что мы ни въ чемъ подобномъ не виноваты. Наконецъ, человѣкъ слѣпорожденный (среди насъ такихъ очень много) поступитъ иначе. Онъ себя успокоитъ обычными успокоительными фразами: что въ такую нелѣпость никто въ сущности не вѣритъ; что сами обвинители въ нее не вѣрятъ; что это просто политическій маневръ; что вся благоразумная часть христіанскаго населенія (а таковая, конечно, въ подавляющемъ большинствѣ) слушать не желаетъ подобной клеветы, даже возмущена ею; что, словомъ, все обстоитъ благополучно и на Шипкѣ спокойно.

Я не принадлежу ни къ впечатлительнымъ, которые охаютъ, ни къ наивнымъ, которые оправдываются, ни къ слѣпорожденнымъ, которые не видятъ, что у нихъ подъ носомъ происходитъ. Особенно рѣзко долженъ отмежеваться отъ послѣдней категоріи. Конечно, очень удобно и очень пріятно воображать, будто всѣ твои враги просто мошенники и сознательные обманщики; но такое упрощенное пониманіе непріятельской психологіи всегда въ конечномъ итогѣ приводитъ къ величайшимъ пораженіямъ. Ибо оно неправильно и несправедливо. Среди нашихъ враговъ далеко не всѣ лыкомъ шиты и далеко не всѣ сознательные лжецы. Очень совѣтую одноплеменникамъ моимъ не заблуждаться на этотъ счетъ. Среди правыхъ есть и вполнѣ искренніе люди. Эти люди совершенно искренно вѣрятъ, что евреи дѣйствительно употребляютъ въ пищу кровь христіанскихъ младенцевъ; по крайней мѣрѣ, что среди евреевъ есть такая секта. Эти люди могутъ также совершенно искренно думать, что убійство Ющинскаго въ этомъ смыслѣ подозрительно и что надо его разслѣдовать съ особенной тщательностью, иначе богатые евреи подкупятъ отечественную Ѳемиду, и дѣло будетъ замазано. Они совершенно искренно считаютъ евреевъ богатыми, а отечественную Ѳемиду покладистой. Поэтому отдѣлаться отъ нихъ будетъ не такъ легко и не такъ просто, какъ это думаютъ многіе изъ насъ. Вообще все это дѣло гораздо сложнѣе.

Оно особенно сложно потому, что вѣра въ ритуальныя убійства распространена не только среди правыхъ. Въ нейтральной, безпартійной массѣ, даже интеллигентной, тоже далеко еще не искоренилось это подозрѣніе. Смѣшно и глупо замалчивать это обстоятельство. Мало ли разъ всякій изъ насъ, кому только приходилось встрѣчаться съ христіанами, слышалъ отъ самыхъ милыхъ людей откровенныя признанія въ этомъ сомнѣніи? Конечно, милые люди выражаютъ это сомнѣніе не въ такой грубой формѣ. Они обыкновенно говорятъ такъ: — конечно, мы не сомнѣваемся, вы и ваши близкіе объ этомъ не знаете. Но. . . можетъ быть, ваши раввины знаютъ? Мало ли такихъ древнихъ религій, въ кото-

рыхъ высшія тайнства извѣстны только немногимъ посвященнымъ? Другіе еще добрѣе, они идутъ еще дальше по пути уступокъ и ставятъ вопросъ такъ: можетъ быть это какая нибудь особенная секта? Можете ли вы поручиться, что знаете наперечетъ всѣ секты въ лонѣ еврейства и всѣ тайны каждой секты? Вотъ и у насъ есть изувѣры — хлысты и скопцы — развѣ мы за нихъ въ отвѣтѣ? Зачѣмъ же вамъ такъ волноваться и огуломъ отрицать то, что все-таки, быть можетъ, имѣется въ дѣйствительности? Такъ говорятъ многіе, очень многіе изъ самыхъ милыхъ нашихъ сосѣдей; причемъ я ихъ называю милыми безъ всякой ироніи, а серьезно. Есть вполнѣ порядочные, совершенно благожелательные люди, которые, однако, высказываются именно въ этомъ смыслѣ. Кто скажетъ, будто такихъ нѣтъ, тому я просто отвѣчу, что онъ говоритъ неправду. Они есть, и всякій изъ насъ имѣлъ случай ихъ видѣть и слышать. А сколько такихъ, которые не высказываютъ вслухъ, но думаютъ то же или еще хуже? И больше спрошу: гдѣ гарантія, что это подозрѣніе такъ цѣпко держится только въ безпартійной, нейтральной средѣ? Неужели для того, чтобы стать кадетомъ, надо раньше искоренить въ себѣ всѣ предразсудки, даже взрощенные вѣками? Неужели въ рядахъ трудовиковъ нѣтъ мѣста человѣку, который подписывается подъ всей партійной программой, но все-таки еще не можетъ, положа руку на сердце, поручиться, что въ Талмудѣ, который знать онъ не обязанъ, нѣтъ параграфа о ритуальномъ убійствѣ? Не хочу вести это разсужденіе дальше налѣво, только напомню, что главный матеріалъ, изъ котораго строятся или должны-бы строиться русскія лѣвыя партіи, это — или крестьянство, или фабричные, вчера вышедшіе изъ деревни. Наши слѣпорожденные горько ошибаются, и суждено имъ еще горько разочароваться.

Ошибаются во многомъ и наивные — тѣ, что по всякому поводу становятся въ позу и начинаютъ защитительную рѣчь. Ихъ доводы такъ же однообразны, какъ обвиненія противной стороны. Одно и то же изъ вѣка въ вѣкъ. Сначала доказывается, что еврейская вѣра воспрещаетъ употреб-

леніе крови; затѣмъ идетъ доказательство, что самые знаменитые ритуальные процессы всегда кончались торжествомъ истины, оправданіемъ невиновныхъ и посрамленіемъ клеветниковъ. И толпа этихъ доводовъ не слушаетъ, и никто въ толпѣ съ ними не считается. На перечень оправдательныхъ приговоровъ отвѣчаютъ: жиды подкупили судъ. На перечень текстовъ, запрещающихъ употребленіе крови, отвѣчаютъ: значитъ, есть еще одинъ текстъ, который разрѣшаетъ, и его - то вы намъ не хотите процитировать. Вся аргументація пропадаетъ даромъ, какъ вода въ дырявой бочкѣ. Я не вообще отрицаю полезность документальной защиты, но она полезна только въ свое время и на своемъ мѣстѣ. Мѣсто ей — на судѣ, мѣсто ей — въ настоящемъ парламентѣ, но только въ *настоящемъ,* гдѣ происходитъ дѣйствительно серьезное разсмотрѣніе серьезныхъ вопросовъ. Когда вмѣсто парламента имѣется митингъ, чтобы не сказать хуже, — митингъ, гдѣ съ трибуны несутся ругательства, оскорбленія, призывы «бей», гдѣ резоновъ никто не слушаетъ и документами никто не интересуется, — тогда защитительное краснорѣчіе не имѣетъ никакой цѣнности и никакого смысла. Двѣсти раввиновъ (въ который разъ) печатно побожились, что евреи не пьютъ крови младенцевъ, — и никто этого не замѣтилъ, даже черносотенная пресса не огрызнулась какъ слѣдуетъ: просто прошла мимо, не оглянувшись. То же самое впечатлѣніе произвели и произведутъ всѣ бывшія и будущія рѣчи на эту тему еврейскихъ депутатовъ. Съ документами и доводами считаются тамъ, гдѣ собрались люди съ намѣреніемъ спокойно и безпристрастно изслѣдовать. Въ атмосферѣ свалки, бѣшенства, битья чѣмъ попало — всѣ оправдательныя словеса неумѣстны.

Можетъ быть, даже вредны. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ евреи въ Россіи плотно сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ. Это не ихъ вина. Но вотъ что безспорно *ихъ* вина: они себя держатъ, какъ подсудимые. Мы все время и во все горло оправдываемся. Мы божимся, что мы совсѣмъ не революціонеры, не уклоняемся отъ воинской повинности и не продавали Россію японцамъ. Выскочилъ Азефъ — мы начинаемъ

божиться, что мы не виноваты, что мы совсѣмъ не такіе какъ онъ. Выскочилъ Богровъ и опять насъ за шиворотъ тащутъ на скамью подсудимыхъ, и опять мы входимъ въ навязанную роль и начинаемъ оправдываться. Вмѣсто того, чтобы повернуть обвинителямъ спину, ибо не въ чемъ и не передъ кѣмъ намъ извиняться, мы опять божимся, что мы тутъ не при чемъ, и для пущей убѣдительности начинаемъ усердно отплевываться отъ памяти Богрова, хотя надъ этимъ каковъ бы онъ ни былъ несчастнымъ юношей, въ часъ изумительной его кончины, и безъ насъ достаточно надругались тѣ десять хамовъ изъ выгребной ямы кіевскаго черносотенства. Теперь подняли гвалтъ о ритуальномъ убійствѣ и вотъ уже мы опять вошли въ роль подсудимыхъ, мы прижимаемъ руки къ сердцу, перебираемъ дрожащими пальцами старыя кипы оправдательныхъ документовъ, которыми никто не интересуется, и божимся на всѣ стороны, что мы этого питья не потребляемъ, отродясь ни капельки во рту не бывало, разрази меня Богъ на этомъ мѣстѣ... Доколѣ? Скажите, друзья мои, неужели вамъ эта канитель еще не надоѣла? И не время ли, въ отвѣтъ на всѣ эти и на всѣ будущія обвиненія, попреки, заподазриванія, оговоры и доносы, просто скрестить руки на груди и громко, отчетливо, холодно и спокойно, въ качествѣ единственнаго аргумента, который понятенъ и доступенъ этой публикѣ, заявить: убирайтесь вы всѣ къ чорту? Кто мы такіе, чтобы предъ ними оправдываться, кто они такіе, чтобы насъ допрашивать? Какой смыслъ во всей этой комедіи суда надъ цѣлымъ народомъ, гдѣ приговоръ заранѣе извѣстенъ? Съ какой радости намъ по доброй волѣ участвовать въ этой комедіи, освящать гнусную процедуру издѣвательства нашими защитительными рѣчами? Наша защита безполезна и безнадежна, враги не повѣрятъ, равнодушные не вслушаются. Апологіи отжили свой вѣкъ.

Наша привычка постоянно и усердно отчитываться передъ всякимъ сбродомъ принесла намъ уже огромный вредъ и принесетъ еще большій. Населеніе привыкло къ этому, привыкло слышать изъ нашихъ устъ жалобный тонъ обвиняемаго. Положеніе, которое создалось въ результатѣ, трагически под-

тверждаетъ извѣстную поговорку: qui s'excuse s'accuse. Мы сами пріучили сосѣдей къ мысли, что за всякаго проворовавшагося еврея можно тащить къ отвѣту цѣлый древній народъ, который законодательствовалъ уже въ тѣ времена, когда сосѣди еще и до лаптя не успѣли додуматься. Каждое обвиненіе вызываетъ среди насъ такой переполохъ, что люди невольно думаютъ: какъ они всего боятся! Видно, совѣсть нечиста. Именно потому, что мы согласны въ любую минуту вытянуть руки по швамъ и принесть присягу, развивается въ населеніи неискоренимый взглядъ на насъ, какъ на какое-то спеціально-вороватое племя. Мы думаемъ, будто наша постоянная готовность безропотно подвергнуться обыску и выворотить карманы въ концѣ-концовъ убѣдитъ человѣчество въ нашемъ благородствѣ: вотъ мы молъ какіе джентльмены — намъ нечего прятать! Но это грубая ошибка. Настоящіе джентльмены — это тѣ, которые никому и ни за что не позволятъ обыскивать свою квартиру, свои карманы и свою душу. Только поднадзорные готовы къ обыску во всякій часъ. И мы себя ставимъ именно въ такое положеніе, не считаясь съ самой ужасной опасностью: а что, если намъ подбросятъ краденую вещь?

До сихъ поръ ритуальныя убійства подбрасывались намъ почти всегда неумѣлыми, топорными руками. Но я считаю вполнѣ возможнымъ, чтобы и въ этой области сказался однажды общій техническій прогрессъ нашего времени. Можетъ найтись виртуозъ, который такъ умно и тщательно разработаетъ планъ, учтетъ и предусмотритъ всѣ неожиданности, что эффектъ получится самый ослѣпительный. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Среди антисемитовъ теперь есть очень культурные люди, а съ другой стороны — очень богатые и могущественные люди, которымъ доступны самыя вѣрныя средства фальсификаціи. Не такъ трудно теперь найти и еврейчика-лжесвидѣтеля: этого добра и въ прежнія времена было не мало, а теперь особенно. Въ результатѣ могутъ предъ нами въ одинъ прекрасный день разыграть такую правдоподобную комедію ритуальнаго убійства, что самый честный, самый безпристрастный судья по-

колеблется. Что же мы скажемъ тогда — мы, которые чуть не всю свою оборону строимъ на томъ, что судьи насъ по большей части оправдывали? Но я считаю возможнымъ, даже вполнѣ вѣроятнымъ и другой, гораздо болѣе ужасный случай. Еврейство сильно изнервничалось; кажется, мы одинъ изъ первыхъ народовъ по количеству душевно-больныхъ. Въ той атмосферѣ травли, которую создаетъ вокругъ насъ басня о ритуальномъ убоѣ, могутъ въ концѣ-концовъ у насъ народиться и маніаки, помѣшавшіеся на этой баснѣ. Если не ошибаюсь, въ Падуѣ въ XVI вѣкѣ былъ такой случай: еврей Давидъ Морпурго впалъ въ безуміе и сталъ кричать, чтобы къ нему привели 3-лѣтнюю дочь сосѣда-католика — онъ ее зарѣжетъ и окропитъ ея кровью опрѣснокъ. Раввины связали его и выдали властямъ; по счастью, безуміе его оказалось очевиднымъ, и дѣло не кончилось погромомъ. Но за 400 лѣтъ наши нервы сильно расшатались, и теперь не будетъ чудомъ, если явится болѣе утонченный маніакъ, который кричать не станетъ, а просто возьметъ и сдѣлаетъ. Я считаю страннымъ счастьемъ, что этого до сихъ поръ не случилось. Не забудьте, среди какого кошмара мы живемъ, подъ какимъ ужасомъ воспитывается наша молодежь. Мы уже видѣли такихъ, которые помѣшались на революціи, на террорѣ, на экспропріаціяхъ; въ эпидеміи самоубійствъ есть несомнѣнная примѣсь психическаго разстройства; недавнее половое повѣтріе тоже выдвинуло замѣтный элементъ явныхъ маніаковъ. И вотъ, если разразится такая бѣда, что мы скажемъ, какіе тексты вытащимъ? Будемъ ждать реабилитаціи своего народнаго имени отъ суда и экспертовъ: если они признаютъ, что это сумасшедшій, то наша честь спасена; а если маніакъ попадается вродѣ Джека-потрошителя, трезвый и уравновѣшенный во всемъ, кромѣ своей маніи, и покажется экспертамъ здоровымъ, тогда мы, значитъ, признаемъ себя обезчещенными навѣкъ? Ибо таковъ будетъ неотвратимый выводъ изъ *нашей* маніи — реагировать на каждый попрекъ, принимать всенародно отвѣтственность за каждый проступокъ еврея, оправдываться передъ кѣмъ попало — въ томъ числѣ и чортъ знаетъ передъ кѣмъ.

Я считаю эту систему ложной до самаго корня. Насъ не любятъ не потому, что на насъ взведены всяческія обвиненія: на насъ взводятъ обвиненія потому, что не любятъ. Оттого этихъ обвиненій такъ много, они такъ разнообразны и такъ противорѣчивы. Сегодня намъ кричатъ, что мы эксплоатируемъ бѣдныхъ, завтра кричатъ, что мы сѣемъ соціализмъ, ведемъ бѣдныхъ противъ эксплоататоровъ. Одна польская газета на дняхъ увѣряла, что евреи расчленили Польшу и отдали ее Россіи, а 100 русскихъ газетъ увѣряютъ, что евреи хотятъ расчленить Россію и возстановить Польшу. Итальянцы увѣряютъ, что нападки на нихъ во всей европейской прессѣ — дѣло евреевъ, а турецкая оппозиція утверждаетъ, что на захватъ Триполи подбили Италію евреи. Что же, на весь этотъ визгъ и лай со всѣхъ сторонъ надо откликаться, божиться, увѣрять, присягать? Немыслимо и безполезно. Если даже опровергнемъ одно, родится другое. Человѣческая злоба и глупость неистощимы. Съ оправданіями можно выступать только въ рѣдкіе, исключительно важные моменты, когда есть полная увѣренность, что сидящій предъ тобою ареопагъ дѣйствительно имѣетъ справедливыя намѣренія и надлежащую компетенцію. Но дѣлать изъ апологіи систему для каждаго дня, выносить ее на улицы, на трибуну митинга, хотя бы и именуемаго парламентомъ, на летучіе столбцы газеты — это значитъ унижать себя до равенства съ лающей псарней.

Намъ не въ чемъ извиняться. Мы народъ, какъ всѣ народы; не имѣемъ никакого притязанія быть лучше. Въ качествѣ одного изъ первыхъ условій равноправія, требуемъ признать за нами право имѣть своихъ мерзавцевъ, точно такъ же, какъ имѣютъ ихъ и другіе народы. Да, есть у насъ и провокаторы, и торговцы живымъ товаромъ, и уклоняющіеся отъ воинской повинности, есть, и даже странно, что ихъ такъ мало при нынѣшнихъ условіяхъ. У другихъ народовъ тоже много этого добра, а зато еще есть и казнокрады, и погромщики, и истязатели, — и, однако, ничего, сосѣди живутъ и не стѣсняются. Нравимся мы, или не нравимся, это намъ, въ концѣ-концовъ, совершенно безразлично. Ритуальнаго убійства у

насъ ихъ и никогда не было, но если они хотятъ непремѣнно вѣрить, что «есть такая секта» — пожалуйста, пусть вѣрятъ, сколько влѣзетъ. Какое намъ дѣло, съ какой стати намъ стѣсняться? Краснѣютъ развѣ наши сосѣди за то, что христіане въ Кишиневѣ вбивали гвозди въ глаза еврейскимъ младенцамъ? Нисколько: ходятъ, поднявъ голову, смотрятъ всѣмъ прямо въ лицо, и совершенно правы, ибо такъ и надо, ибо особа народа царственна, не подлежитъ отвѣтственности и не обязана оправдываться. Даже тогда, когда есть въ чемъ оправдываться. Съ какой же радости лѣзть на скамью подсудимыхъ намъ, которые давнымъ-давно слышали всю эту клевету, когда нынѣшнихъ культурныхъ народовъ еще не было на свѣтѣ, и знаемъ цѣну ей, себѣ, имъ? Никому мы не обязаны отчетомъ, ни передъ кѣмъ не держимъ экзамена и никто не доросъ звать насъ къ отвѣту. Раньше ихъ мы пришли и позже уйдемъ. Мы такіе, какъ есть, для себя хороши, иными не будемъ и быть не хотимъ.

ВЪ ТРАУРНЫЕ ДНИ
(1906).

...Вотъ уже сколько прошло погромовъ, а я никакъ не могу себя пропитать внутреннимъ интересомъ къ событіямъ этого рода. Конечно, я не умаляю ихъ разрушительной силы, не обезцѣниваю человѣческаго горя, что они приносятъ, но внутренняго интереса не могу въ себѣ вызвать. Какъ я ни стараюсь себя расшевелить, мнѣ все кажется, что надъ нами совершается большая кровавая безсмыслица, по поводу которой можно плакать, кто еще не разучился, но не стоитъ и не о чемъ размышлять. Я писалъ объ этомъ недавно — въ погромахъ есть ведра крови и пуды человѣческаго мяса, но нѣтъ въ нихъ для еврейскаго сознанія того сокрытаго урока — mussar Elohim, который возвысилъ бы ихъ до степени трагедіи. Въ трагедіи обязательно должна содержаться нѣкая невѣдомая правда, новое слово, которое познается въ этихъ мукахъ и открываетъ народу новые пути. А что и кому изъ насъ открыли эти погромы, кого изъ насъ и чему могли научить? Только кишеневская рѣзня сыграла крупную роль въ нашемъ общественномъ сознаніи, потому что мы тогда обратили вниманіе на еврейскую трусость. Но остальные погромы свелись просто къ огромной, животной и безсмысленной уголовщинѣ — больше ничего.

Мы истекаемъ кровью и не знаемъ, во имя чего, и какіе выводы сдѣлать изъ нашихъ страданій. Въ октябрѣ 1905 г. насъ громили разные слои русскаго общества и народа, но мы и раньше знали, что мы окружены врагами; къ этому знанію ни октябрь, ни Бѣлостокъ ничего не прибавили. Въ Сѣдлецѣ насъ громили оффиціально, повидимому безъ участія общественныхъ элементовъ, — но вѣдь даже хасиды Сѣд-

чеца давно знають цѣну пану урядннку. Такъ мѣняется обстановка погромовъ, списокъ участниковъ и форма ранъ, но по существу остается одно и то же — остается вѣщее слово Бялика: «нѣтъ смысла въ вашей смерти» . . .

Когда мнѣ разсказываютъ подробности погромовъ, мое вниманіе помимо воли отрывается и ускользаетъ на другіе пути. Мнѣ хочется уяснить себѣ вопросъ: хорошо, допустимъ, что я дослушаю до конца и буду знать, гдѣ, какъ и кого они убили, но вѣдь не въ этомъ дѣло, а вотъ какъ быть дальше, что можно сдѣлать противъ погромовъ?

Самооборона — врядъ ли объ этомъ можно говорить серьезно. Она не принесла намъ въ итогѣ никакой пользы; вначалѣ страхъ передъ нею дѣйствительно предотвратилъ нѣсколько погромовъ, но теперь, когда *тѣ* ее испытали на дѣлѣ и сравнили количество убитыхъ евреевъ и погромщиковъ, кто съ ней считается?

Итоги самообороны надо подводить по общимъ результатамъ, и эти итоги ясно говорятъ: когда *имъ* угодно, они устраиваютъ погромъ и убиваютъ столько евреевъ, сколько имъ нужно, а самооборона тутъ не при чемъ. Конечно, въ самооборонѣ есть утѣшеніе. Но ея практическій итогъ равенъ нулю и нулемъ останется, и пора спокойно признать это вслухъ, чтобы люди даромъ не надѣялись.

Нѣкоторые господа въ послѣднее время придумали новое средство — антипогромную пропаганду. Одна моя знакомая дѣвочка увѣряетъ, что бѣлокъ ловятъ очень просто: надо къ ней подойти на полшага разстоянія и насыпать ей соли на хвостъ, и готово — бѣлка въ плѣну. Я всегда объ этомъ вспоминаю, когда мнѣ говорятъ объ антипогромной агитаціи. Старая пѣсня, давно знакомая иллюзія — эти люди будутъ печатать статьи и брошюры, устраивать лекціи, и они думаютъ, что русскіе станутъ ихъ читать или слушать. Еще бы, держите карманъ. Я помню жалкій восторгъ евреевъ, когда въ 1905 г. въ «Сынѣ Отечества» появилась большая и скверная статья «Трагедія шестимилліоннаго народа». Имъ казалось, что вся Россія читаетъ и умиляется. А на самомъ дѣлѣ только евреи одни и расхватали этотъ знаменитый но-

2*

меръ газеты, памятникъ нашей глупости, и на русскихъ она никакого впечатлѣнія не произвела просто потому, что у каждаго есть свои заботы и ему не до чужихъ, особенно въ наше время. Еще ярче выказалась наша глупость, когда послѣ октября въ Петербургѣ устроили отъ имени союза союзовъ «русскій» митингъ протеста и приложили всѣ старанія чтобы евреи сидѣли дома, а русскіе пришли; оказалось, конечно, что русскіе остались дома, а ораторамъ пришлось ломать комедію передъ сплошной еврейской публикой, призывая ее протестовать отъ благороднаго русскаго сердца. И это вполнѣ понятно — русскіе не пришли вовсе не по злобѣ, а изъ самаго законнаго равнодушія, потому что каждый человѣкъ, въ особенности серьезный и дѣльный человѣкъ, естественно удѣляетъ вниманіе *своимъ* насущнымъ интересамъ и не обязанъ его удѣлять интересамъ другихъ.

Я знаю, теперь эта идея многихъ увлекаетъ, и образовались даже нарочитыя книгоиздательства для печатанія классическихъ апологій, надъ которыми сами евреи зѣваютъ, а не-евреямъ, безъ сомнѣнія, даже и зѣвать не приходится. Образовались также въ разныхъ мѣстахъ досужія комиссіи, которыя разсылаютъ такую словесность направо и налѣво, по случайнымъ адресамъ, или даже при газетахъ . . . Сыпьте, сыпьте бѣлкѣ соль на хвостъ! Получитъ еврей брошюрку — позѣваетъ, но прочтетъ; получитъ русскій — посмотритъ: а, это про евреевъ? — и отложитъ въ сторону. У него своихъ хлопотъ довольно. Что, — онъ, по вашему, обязанъ досконально знать и про армянъ, и про чукчей?

Всѣ эти вѣрующіе господа думаютъ, что если русская масса охотно читаетъ юдофобскую литературу, она столь же охотно будетъ читать и юдофильскую. Большая и наивная ошибка. Прежде всего надо помнить о тѣхъ элементахъ, которые въ данномъ случаѣ стоятъ на первомъ планѣ - о черной сотнѣ въ простѣйшемъ смыслѣ, которая хочетъ погрома ради грабежа и обѣщанной мзды: имъ не нужна даже погромная литература, а пронять ихъ еще антипогромной проповѣдью — вѣдь это была бы совсѣмъ ужъ глупая мечта. Наши проповѣдники, несомнѣнно, имѣютъ въ виду другую

часть массы — среднюю, обывательски-честную, ту самую, которую дѣйствительно почти такъ же легко будетъ въ надлежащую минуту послать на баррикады, какъ и на погромъ. Но эта масса и есть именно та, которая психологически не можетъ заняться чтеніемъ брошюръ о еврейскихъ добродѣтеляхъ. Погромную брошюру она жадно читаетъ по той самой причинѣ, почему она жадно читаетъ и летучій листокъ революціонеровъ — если онъ, конечно, изложенъ понятнымъ языкомъ: здѣсь ей говорятъ о причинахъ *ея* собственныхъ страданій, указываютъ ей средства къ облегченію *ея* собственныхъ бѣдъ. Разница только въ томъ, что погромная брошюра во всемъ винитъ жида, революціонный листокъ — урядника, но и здѣсь, и тамъ ей прежде всего говорятъ не о жидахъ и не объ урядникахъ, а о *ней* самой, объ *ея* кровныхъ интересахъ. Совершенно другое дѣло — антипогромная литература. Въ самомъ ея назначеніи коренится абсолютная невозможность ея успѣха: она вся посвящена доказательству именно того, что къ страданіямъ русской массы жидъ нисколько не причастенъ, что не онъ виноватъ, не въ немъ причина — словомъ, что ей, русской массѣ, отъ еврея ни тепло, ни холодно. Но тогда съ какой же стати будетъ она тратить время на чтеніе о томъ, отъ чего ей ни тепло, ни холодно? Массовому человѣку чтеніе дается нелегко; онъ не умѣетъ «пробѣгать» строки, онъ вчитывается и вникаетъ. И именно поэтому онъ беретъ въ руки только ту книжку, о которой ему доподлинно извѣстно, что тутъ — вѣрно или невѣрно, другой вопросъ — объяснены причины его нужды и горя. Не можетъ онъ, органически не можетъ и по совѣсти даже не обязанъ интересоваться какими-то евреями какъ таковыми. Съ того самаго момента, какъ они перестаютъ быть причиной его бѣдъ, они для него теряютъ всякій интересъ. Сказать ему, что въ этой брошюрѣ доказывается невинность евреевъ, значитъ сказать ему, что эта брошюра до него не касается. Русская масса глотаетъ и будетъ глотать погромную литературу, потому что это литература о ней, и не будетъ читать антипогромныхъ брошюръ, потому что это литература о евреяхъ.

Моя знакомая дѣвочка очень наивная дѣвочка. Она не соображаетъ, что прежде чѣмъ насыпать бѣлкѣ соли на хвостъ, надо подойти къ бѣлкѣ, а въ этомъ и вся загвоздка.

... Я прекрасно понимаю тѣ добрыя побужденія, которыя заставляютъ разныхъ господъ измышлять всѣ эти проекты спасенія, но ничего изъ этого не выйдетъ. Спасенія нѣтъ. Не злая воля подстрекателей, не темнота народной толпы, но сама объективная сила вещей, имя которой чужбина, обратилась нынѣ противъ нашего народа, и мы безсильны и безпомощны. Молодежь наша будетъ честно защищаться, но лавина разгрома съ хохотомъ погребетъ эти хрупкія дружины и даже не замедлитъ своего хода. Кратеры голуса разверзлись, буря сорвалась съ цѣпи, и чужбина сотворитъ надъ нами все, что ей будетъ угодно. Вы будете корчиться отъ бѣшенства и подымать яркія знамена борьбы, вы напряжете всѣ силы духа, чтобы найти тропинку спасенія, и сами себѣ повѣрите на мигъ, будто нашли ее, — но я не вѣрю и гнушаюсь утѣшать себя сказками, и говорю вамъ со спокойнымъ холодомъ въ каждомъ атомѣ моего существа: нѣтъ спасенія, вы въ чужой землѣ, и до конца свершится надъ вами воля чужбины!

Одинъ еврей-журналистъ воспользовался недавно Бѣлостокомъ, чтобы сунуть мнѣ въ душу свои пальцы и пощупать тамъ, какова моя «погромная философія». И нашелъ, что я равнодушенъ къ еврейскому горю. Я ему не отвѣтилъ — я слишкомъ хорошо понимаю настроеніе людей этого типа, чтобы гнѣваться на нихъ за несправедливость или обиду. Здѣсь было повтореніе старой еврейской исторіи — человѣкъ отдалъ лучшіе соки своей жизни на то, чтобы распахать чужую ниву, и въ послѣднюю минуту хозяева убили его братьевъ и трупами ихъ удобрили свое поле; и человѣкъ пошатнулся отъ оскорбленія, и судорожно хватается за соломинки, и злится на всѣхъ людей за каждое слово правды, и хочетъ непремѣнно что-то такое кропотливо и мелочно доказать или опровергнуть — даже нельзя понять, что именно. Я не сталъ ему отвѣчать, да и нечего мнѣ было ему отвѣтить: у меня нѣтъ никакой погромной философіи ...

У меня нѣтъ погромной философіи. Я не изъ тѣхъ, которымъ она необходима, чтобъ было чѣмъ заштопать прорѣхи, было за что ухватиться, когда чужой ураганъ опрокинетъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ истуканами. Я ничему не учусь на погромахъ нашего народа, и ничего мнѣ сказать не могутъ они такого, чего бы я раньше не зналъ. И я не ищу понапрасну лѣкарственной травы противъ отдѣльныхъ нарывовъ голуса, потому что я въ нее не вѣрю. У меня нѣтъ ни погромной философіи, ни погромной медицины. Я люблю мой народъ и Палестину: это моя вѣра, это ремесло моей жизни, и ничего мнѣ на свѣтѣ больше не нужно. И когда разражается громъ, и рабскія души мечутся съ жалобнымъ воемъ и ищутъ пластыря для скорой помощи, я стискиваю зубы, собираю мои силы и дѣлаю дальше работу моего ремесла. Я хочу торговать шекелями среди погрома, я клею голубую марку на списокъ убитыхъ: въ этомъ моя гордость. Вы сунули пальцы въ мою душу и не нащупали въ ней ничего, кромѣ равнодушія — видно, толстая кожа стала на вашихъ пальцахъ отъ чуждой работы. Но что бы ни творилось у меня на душѣ, — никогда не приду я на страшное пожарище моего народа съ заплаканнымъ носовымъ платкомъ въ рукахъ, и ни его, ни себя не оскверню надругательствомъ жалкихъ утѣшеній. У меня нѣтъ лѣкарствъ отъ погрома — у меня есть моя вѣра и мое ремесло; не изъ погромовъ я вынесъ эту вѣру, и не ради погрома я оставлю даже на часъ это ремесло. Вѣра моя говоритъ, что пробьетъ день, когда мой народъ будетъ великъ и независимъ, и Палестина будетъ сверкать всѣми лучами своей радужной природы отъ его сыновняго рабочаго пота. Ремесло мое — ремесло одного изъ каменщиковъ на постройкѣ новаго храма для моего самодержавнаго Бога, имя которому еврейскій народъ. Когда молнія рѣжетъ насквозь черное небо чужбины, я велю моему сердцу не биться и глазамъ не глядѣть: я беру и кладу очередной кирпичъ, и въ этомъ мой единственный откликъ на грохотъ разрушенія.

ЕВРЕЙСКАЯ КРАМОЛА
(1906).

Наше движеніе пробиваетъ себѣ дорогу въ атмосферѣ непониманія и клеветы. Кто близко видѣлъ жизнь разныхъ партій и слѣдилъ за ихъ враждою, знаетъ, что ни противъ одной изъ нихъ не пущено въ ходъ столько ненависти, сколько противъ насъ. Сдѣлано все, чтобы насъ изолировать. Свѣжій человѣкъ изъ средняго круга, примкнувшій къ нашему лагерю, замѣчаетъ, какъ понемногу отъ него ускользаютъ старыя связи, падаетъ общественное признаніе, вмѣсто уваженія въ глазахъ окружающихъ мелькаютъ искорки пренебрежительнаго недоумѣнія. Съ поражающей быстротой создается вокругъ него — за предѣлами партійной жизни холодъ одиночества.

Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Такъ было и всегда будетъ. Когда на улицѣ праздникъ, люди требуютъ, чтобы всѣ были въ брачныхъ одеждахъ; среди еврейской интеллигенціи до сихъ поръ еще держится вѣра, что праздникъ относится и къ нашей улицѣ; и когда между ними проходитъ человѣкъ съ траурной повязкой на рукѣ и съ кличемъ: «не вѣрьте!» — они раздраженно отворачиваются. Это вполнѣ естественно, роптать противъ этого безполезно. Навстрѣчу недружелюбію, навстрѣчу злобѣ и клеветѣ надо нести нашу горькую правду безъ прикрасъ и безъ смягченій.

Я хочу начать сегодня съ самаго горькаго зерна этой горькой правды, и не только потому, что оно горше всѣхъ остальныхъ, но еще больше потому, что въ этомъ вопросѣ главный корень упрямой ненависти, которой окружено наше движеніе. Флагъ надо подымать сразу надъ тѣмъ мѣстомъ, ку-

да направленъ самый жестокій натискъ противника. Это вопросъ о еврейской роли въ русскихъ событіяхъ.

Почти уже десять лѣтъ, какъ люди нашего лагеря ведутъ настойчивую проповѣдь осторожнаго и сдержаннаго отношенія къ этой роли. Можетъ быть, эта проповѣдь была ошибкой съ ихъ стороны, потому что она тактически много намъ повредила, а практически не принесла результата: всѣ, въ комъ только было достаточно задору, всѣ побѣжали на шумную площадь творить еврейскими руками русскую исторію. Разъ оно такъ случилось, значитъ и не могло быть иначе, и наша проповѣдь осуждена была на безплодіе, и было бы расчетливѣе совсѣмъ не тратить нашей силы на этотъ споръ. Въ *этомъ* смыслѣ мы, быть можетъ, сдѣлали дѣйствительно ошибку, но только въ *этомъ*. Есть и другой смыслъ—смыслъ исторической правды, которая не всегда во время проникаетъ въ сознаніе людей, но всегда остается правдой. Эта правда была за нами. И теперь, когда накопленъ еврействомъ Россіи неслыханный, чудовищно-богатый опытъ, когда пережито все, что можно было пережить на быстромъ пути между верхомъ восторга и пропастью отчаянія, теперь мы подводимъ итогъ и спрашиваемъ: кто былъ правъ?

Намъ до сихъ поръ стараются втолковать, что дѣло Россіи есть общее дѣло, какъ будто противъ этого кто-нибудь спорилъ. Суть спора въ томъ, что на общее дѣло надо и расходовать сообща, а сообща значитъ пропорціонально. Затраты каждой общественной группы должны быть точно соразмѣрены и съ ея интересами, и съ ея силами. Больше долженъ тратить на общее дѣло тотъ, кто получитъ бóльшую выгоду отъ его осуществленія; больше долженъ тратить тотъ, у кого силы и средствъ больше. Пропорціональное представительство въ революціи! — Наша еврейская затрата на дѣло обновленія Россіи не была соразмѣрна ни съ нашими интересами, ни съ нашимъ значеніемъ, ни съ нашими силами. Даже въ моменты наибольшаго опьяненія надеждами не было въ рядахъ еврейской арміи ни одного глупца настолько безсовѣстнаго, чтобы ждать отъ успѣха борьбы полнаго отвѣта на еврейскій вопросъ, — ни одного, кто въ глубинѣ души не

понимать бы, что въ обновленной Россіи намъ придется жить съ тѣми же сосѣдями, а психологія сосѣдей въ этомъ отношеніи еще нигдѣ и никогда не перерождалась отъ политической реформы, и суть неравенства не мѣняется отъ замѣны казеннаго гнета общественнымъ непризнаніемъ. Это всѣ понимали. Всѣ понимали, что намъ обновленіе Россіи дастъ меньше, непомѣрно меньше, — и все же мы заплатили больше, непомѣрно, безумно больше того, что могли заплатить, и того, что стоило заплатить. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ мы собственною волей систематически вносили на алтарь общаго дѣла удесятеренную живую подать, — а когда взошелъ посѣвъ, судьба взыскала съ насъ уже помимо нашей воли неслыханную доплату. . . Кто же былъ правъ? Или все это теперь окупится? Или не разумнѣе было бы для раздавленнаго и опустошеннаго племени уступить переднее мѣсто въ бою сильнѣйшимъ? И если даже повѣрить, что отъ этого, по чужой косности, ходъ событій растянулся бы на болѣе долгіе годы, — кто рѣшится сказать, что не лучше было бы для нашего народа встрѣтить обновленіе позже, но не за такую цѣну?

Наши политическіе плясуны въ отвѣтъ на все это кричатъ о психологіи лавочника, о мелочныхъ расчетахъ, достойныхъ мѣщанской души. Да. Надъ народнымъ достояніемъ и благомъ честный человѣкъ долженъ стоять на стражѣ скупо и расчетливо, какъ лавочникъ надъ своею кровною кассой. Семь разъ отмѣрь и одинъ разъ отрѣжь — это правило мѣщанина, но политическая партія совершаетъ низкое и нечестное дѣло, если она хоть на мгновеніе забываетъ объ этомъ правилѣ. Звать массу на трудный подвигъ, не взвѣсивъ раньше до золотника, во что это ей обойдется, не разоритъ ли ее непомѣрное бремя и стóитъ ли вся игра свѣчъ, —это значитъ быть въ худшемъ случаѣ предателемъ, въ лучшемъ случаѣ болтуномъ. — Но тутъ есть и другая сторона расчета. Наши затраты не окупятся для насъ, но окупятся ли онѣ хоть для общаго дѣла? Правда ли то, что еврейская энергія облегчила и ускорила восходъ русской свободы?

За каждымъ изъ насъ должно быть признано право, на исходѣ опредѣленнаго періода исторіи, въ такіе дни затишья, какъ нынѣшніе, сѣсть за столъ и подсчитать итоги, подсчитать все то хорошее и все то дурное, что произошло отъ участія нашего народа въ революціи. Я хочу это сдѣлать. Попытаюсь это сдѣлать исключительно помощью трезваго разсудка, намѣренно сухо, безъ всякихъ апелляцій къ чувству. Рѣчь идетъ о подсчетѣ, объ итогѣ, и я хочу дѣйствовать, какъ безличный и добросовѣстный бухгалтеръ, у котораго, быть можетъ, не всѣ данныя въ рукахъ, но одна только прямая цѣль — получить, насколько это въ его силахъ, правильный балансъ.

Ходячее представленіе такъ формулируетъ роль, сыгранную въ освободительномъ движеніи евреями:

Революціи не было. Надо было вызвать ее. И это взяли на себя евреи. Они — легко воспламеняющійся матеріалъ, они — грибокъ фермента, который призванъ былъ возбудить брожение въ огромной, тяжелой на подъемъ Россіи. И такъ далѣе. Все это много разъ уже сказано, много разъ писано чернымъ на бѣломъ, и считается большою истиной. Но я, счетоводъ, надъ этой затратой еврейскаго народа останавливаюсь въ нелегкомъ раздумьи, и не знаю, окупилась и окупится ли она.

О, безспорно, это заманчивая задача: быть застрѣльщиками великаго дѣла, разбудить политическое сознаніе въ 150-тимилліонномъ народѣ, поднять красное знамя на Литвѣ такъ высоко, чтобъ увидалъ и Тамбовъ, и Саратовъ, и Кострома, — чтобъ увидали и сказали другъ другу: «Пойдемъ за нимъ». И, конечно, все это было сдѣлано, поскольку оно зависѣло отъ еврейскихъ революціонеровъ: знамя было поднято, и такъ высоко, и съ такимъ шумомъ, что Кострома, несомнѣнно, увидѣла. Но какое дѣйствіе произвело это на политическое сознаніе Костромы?

Я вспоминаю, отмѣчаю, подсчитываю, и вижу ясно, что дѣйствіе было двоякаго рода. Съ одной стороны Кострома, безспорно, вводилась во искушеніе. Эта борьба на другомъ концѣ Россіи не могла не вызывать у нея, Костромы, соблаз-

нительной мысли: значить, можно и у насъ попробовать тѣмъ же манеромъ? — Въ то же время отдѣльные евреи добирались и до самой Костромы, и лично старались тамъ претворить эту соблазнительную мысль въ дѣйствіе. Все это вело, конечно, къ пробужденію политическаго сознанія. Но... А съ другой стороны?

Я вспоминаю потемкинскіе дни въ одесскомъ порту. Огромная толпа гаванскихъ и заводскихъ рабочихъ, самодѣльная трибуна и ораторы на этой трибунѣ. Днемъ толпа еще не была пьяна, даже не подозрѣвала, что черезъ нѣсколько часовъ она же будетъ лизать ликеръ съ булыжника мостовой и жечь пакгаузы. Днемъ толпа эта была настроена нѣсколько торжественно и необычайно, благодаря присутствію мертвеца въ палаткѣ и вообще всей обстановкѣ того страннаго дня. Толпа была въ томъ состояніи неопредѣленнаго подъема, когда изъ нея можно сдѣлать все, что угодно: и мятежъ, и погромъ. Рѣчистый молодецъ, съ открытымъ славянскимъ лицомъ и широкими плечами, могъ бы ее повести за собою штурмомъ на городъ. И ораторовъ, дѣйствительно, слушали съ захватывающимъ вниманіемъ. Но рѣчистый добрый молодецъ не появлялся, а выходили больше «знакомыя все лица» — съ большими круглыми глазами, съ большими ушами и нечистымъ *р*. И въ толпѣ всякій разъ, со второго слова каждаго оратора, слышалось замѣчаніе: А онъ жидъ? — Именно замѣчаніе, а не возгласъ, не окрикъ; въ этомъ, сохрани Боже, не чуялось никакой злобы — это просто, такъ сказать, принималось къ свѣдѣнію. Но ясно въ то же время ощущалось, что подъемъ толпы гаснетъ. Ибо въ такія минуты, какъ та, нужно, чтобы «толпа» и ея «герой» звучали въ унисонъ, чтобы ораторъ былъ *свой* отъ головы до ногъ, чтобы отъ голоса, отъ говора, отъ лица, отъ всей повадки его вѣяло роднымъ — деревней, степью, Русью.

Тутъ были вѣдь не спропагандированные люди, которыхъ можно взять резонами, — тутъ была масса, неподготовленная, но ко всему готовая, если ее схватить за душу. Но чтобы схватить за душу, надо имѣть доступъ къ душѣ, а чтобы умѣть проникать въ душу народа, нужно принадлежать къ

этому народу. Нужно тогда, чтобы ничто, ни одна нотка, ни одинъ жестъ не покоробили, не оттолкнули стихійнаго чутья толпы. Здѣсь этого сродства не было. Выходили евреи и говорили о чемъ-то, и толпа слушала ихъ безъ злобы, но безъ увлеченія; чувствовалось, что съ появленія перваго оратора-еврея у этихъ русаковъ и хохловъ мгновенно создалась мысль: жиды пошли — ну, значитъ, все это, видимо, ихъ только, жидовъ, и касается. Создалось впечатлѣніе чужого, не своего дѣла, разъ о немъ, главнымъ образомъ, радѣютъ чужіе. И больше ничего. Да и этого было довольно: расплылось и упало настроеніе, толпа стала разбредаться, появились награбленныя бутылки, и безпомощные агитаторы ушли въ городъ, оставивъ портъ и босячество на волю судьбы.

Я далекъ отъ того, чтобы медленный ростъ политическаго сознанія въ русскихъ массахъ объяснять всецѣло обиліемъ евреевъ-агитаторовъ. Но я не сомнѣваюсь въ одномъ: подымать народную новь можетъ только свой. У чужого — если онъ не Лассаль, но вѣдь Лассаль былъ геній агитаціи, а геніи не повторяются, — у чужого нѣтъ того обаянія, которое въ такихъ случаяхъ необходимо. Народъ чуетъ чужака и особенно чужаковъ, если ихъ много, и инстинктивно сторонится.

А враги этимъ пользуются. Изъ двадцати процентовъ евреевъ они дѣлаютъ девяносто, и кричатъ народу: берегись, это еврейское дѣло! И народъ имъ вѣритъ, или, по крайней мѣрѣ, долго и упорно вѣрилъ, и мы это чувствовали на своей спинѣ. Когда не въ моготу становились страданія русскаго народа, и вотъ-вотъ готовъ былъ прорваться его гнѣвъ, кто сосчитаетъ, сколько разъ въ такіе моменты реакція спасала себя искусной игрою на этой слабой стрункѣ стихійнаго существа — на недовѣріи къ революціи, предводимой инородцами?

Я прекрасно знаю, что еврейскіе революціонеры нисколько не отвѣтственны за то, какъ освѣщала реакція ихъ роль въ освободительномъ движеніи. Да я никого и не виню, я только подсчитываю результаты. И говорю, что если съ одной сто-

роны еврейская революція будила политическое сознаніе русскихъ массъ, то съ другой стороны преизобиліе евреевъ въ рядахъ крамолы давало реакціи цѣнный и богатый матеріалъ для затемненія политическаго сознанія этихъ массъ. Отрицать это значило бы лгать самимъ себѣ. И пусть не думаютъ, что это былъ слабый или недѣйствительный факторъ затемненія! Въ 1863 году реакція сыграла такую же спекуляцію на польскомъ повстаніи, и успѣхъ этой спекуляціи всѣмъ извѣстенъ. Недовѣріе къ чужаку всегда было и долго еще будетъ могучимъ тормазомъ для правды, приходящей извнѣ.

И я, бухгалтеръ, не знаю, что мнѣ дѣлать съ этой статьею баланса, на какую страницу вписать ее. Революціонный пылъ еврейскихъ соціалистовъ будилъ политическое сознаніе остальной Россіи, но онъ же способствовалъ и затемненію этого сознанія. Онъ давалъ топливо для революціи и пищу для реакціи. Что же было сильнѣе: первое или второе? Иными словами: ускорила или замедлила еврейская крамола наступленіе всероссійской революціи? И если даже ускорила, то на великій ли срокъ? И стоитъ ли этотъ срокъ той крови стариковъ, и женщинъ, и дѣтей, которой насъ заставили заплатить, подъ ножами предателей, за крушеніе стараго строя? Не выгоднѣй ли было для народа подождать еще нѣсколько лѣтъ — вѣдь и безъ евреевъ, наконецъ, не погибла бы Россія, — но дешевле заплатить за свободу?

Пусть, положа руку на сердце, отвѣчаетъ, кто можетъ, — я не могу, потому что не знаю отвѣта.

Я написалъ недавно въ одной русской газетѣ, что еврейская кровь на баррикадахъ лилась «по собственной волѣ еврейскаго народа», и меня упрекали за эту фразу. Но я именно такъ думаю. Я считаю невѣжественной болтовнею всѣ модныя фразы о томъ, что у евреевъ нѣтъ народной политики, а есть классовая. У евреевъ нѣтъ классовой политики, а была и есть (хотя только въ зародышѣ) политика національнаго блока, и тѣмъ глупѣе роль тѣхъ, которые всегда дѣлали именно эту политику, сами того не подозрѣвая. Они дѣлали ее на свой ладъ, съ эксцессами и излишествами.

но по существу они были всѣ только выразителями разныхъ сторонъ единой воли еврейскаго народа. И если онъ выдѣлилъ много революціонеровъ — значитъ, такова была атмосфера національнаго настроенія. Еврейскія баррикады были воздвигнуты по волѣ еврейскаго народа. Я въ это вѣрю, и разъ оно такъ, я преклоняюсь и привѣтствую еврейскую революцію.

Но на пользу ли народу пошла эта революція? Не знаю. Воля народа не во всякій отдѣльный моментъ ведетъ къ его благу, потому что не всегда народъ способенъ вѣрно учесть объективные шансы за и противъ себя. И въ особенности легко ошибиться тогда, когда весь расчетъ основанъ на вѣрѣ въ сильнаго союзника, на вѣрѣ въ то, что онъ поймѣтъ, онъ откликнется, онъ поможетъ, — а на дѣлѣ никто изъ насъ этого союзника не знаетъ, и Богъ вѣсть еще, какъ онъ насъ отблагодаритъ...

Только тамъ, гдѣ на себя самого и ни на кого больше не долженъ расчитывать народъ, — только тамъ воля народа всегда ко благу его. Таково наше движеніе. Мы не звали народъ ни къ кому въ объятія, не сулили ему ничьей благодарности за услуги и заслуги: мы строили и скрѣпляли народное единство, и воспитывали сознаніе національныхъ задачъ. И потомки благословятъ насъ за наши суровые призывы къ эгоизму, за наше открытое и явное невѣріе въ чужую помощь, и скажутъ: благо тѣмъ, которые въ то смутное время, полное миражей и обольщеній, умѣли выбрать прямую дорогу и повели свой народъ навѣки прочь отъ чужой помощи и чужого предательства.

Мы — партія національнаго зодчества — никогда не хотѣли играть въ слѣпую, и въ этомъ вся разница между нами и другими. Мы всегда знали, что работа на полѣ, гдѣ не мы хозяева, есть игра съ завязанными глазами и ничѣмъ инымъ не можетъ быть, и мы протестовали противъ вовлеченія народной массы въ эту безумную авантюру. И теперь, послѣ новыхъ и рѣшающихъ опытовъ, мы съ полнымъ сознаніемъ остаемся на старой позиціи. Мы честно и дружно пойдемъ съ освободительнымъ движеніемъ, ибо внѣ свободы немыслимо

національное сплоченіе, но самая сила вещей отвела евреямъ мѣсто во вторыхъ рядахъ, и мы оставляемъ первыя шеренги представителямъ націи-большинства. Мы отклоняемъ отъ себя несбыточную претензію *вести:* мы *присоединяемся* — это все что объективно подъ силу нашему народу. Въ этой землѣ не намъ принадлежитъ созидательная роль, и мы отказываемся отъ всякихъ притязаній на творчество чужой исторіи.

Поле нашего творчества внутри еврейства. Мы служимъ еврейскому народу и не желаемъ другого служенія. Здѣсь мы не слѣпы, здѣсь не ведемъ народъ въ безвѣстную темноту, на добрую волю союзниковъ, которыхъ не знаемъ, за которыхъ не вправѣ ручаться. Здѣсь мы даемъ народу цѣль и говоримъ: у тебя нѣтъ союзниковъ — или самъ за себя, или нѣтъ спасенія. Никто на свѣтѣ не поддержитъ твоей борьбы за твою свободу. Вѣрь только въ себя, сосчитай *свои* силы, измѣрь *свою* волю, и тогда — или иди за нами, или да свершится надъ тобою судьба побѣжденныхъ.

ВАШЪ НОВЫЙ ГОДЪ

Письмо изъ Вѣны.

(1-ое января 1908 года.)

Между Одессой и Петербургомъ ходитъ скорый поѣздъ. Въ полдень ему даютъ третій звонокъ на перронѣ одесскаго вокзала, а приходитъ онъ въ столицу на вторыя сутки въ девять утра; обратно онъ выходитъ вечеромъ и прибываетъ въ Одессу около шести часовъ послѣ обѣда. Если вы сосчитаете, то увидите, что по дорогѣ туда онъ встрѣчаетъ первую полночь около Бердичева, а вторую нѣсколько дальше Двинска; на обратномъ пути первая полночь у него приблизительно въ Лугѣ, а вторая гдѣ-то не доѣзжая Ровно. По обѣ стороны его полотна разстилается многоземельная, но тѣсная страна — черта еврейской осѣдлости.

Я встрѣтилъ первое января 1904 года въ вагонѣ близъ станціи Луга. Первое января 1905 года въ вагонѣ за Двинскомъ. Первое января 1906 года въ вагонѣ около Бердичева. Первое января 1907 года въ вагонѣ гдѣ-то не доѣзжая Ровно. — Я немного усталъ.

Въ этотъ разъ я никуда не поѣхалъ и никуда не пошелъ. Люди Вѣны ждутъ первой январьской полночи на площади у собора св. Стефана, веселятся и шумятъ; но я никуда не пошелъ. Я усталъ, я слишкомъ много шуму переслышалъ эти четыре года.

У меня горѣла на столѣ моя лампа и въ печкѣ рдѣли угольки, у меня былъ чай, диванъ, книги, опущенныя занавѣси и тепло въ комнатѣ. Это было, вѣроятно, то самое, что люди зовутъ мѣщанскимъ уютомъ. Ну, и пусть. Я заработалъ

свое право одинъ разъ дождаться новогодней полночи въ ласкѣ домашняго тепла. Иногда надо жить, какъ всѣ живутъ. Если носишь постоянно не такія калоши, какъ у всѣхъ, то наконецъ душа не вытерпитъ. Перетянутымъ нервамъ лучшее лѣкарство шаблонъ. И, кромѣ того, послѣ такой жизни именно шаблонъ представляетъ все очарованіе новизны.

Добрый австрійскій Богъ понялъ меня и устроилъ все какъ полагается въ книжкахъ для хорошаго зимняго вечера въ укромномъ уголкѣ: на улицѣ гудѣлъ вѣтеръ, выла отъ времени до времени проволока трамвая, а дома было тихо, всѣ ушли, печка не дымила и лампа не коптила, ветчина и масло попались хорошія. Завтра я нахлобучу шапку, подыму воротникъ и пойду своей дорогой по жесткому вѣтру, но одинъ вечеръ можно провести въ мягко-нагрѣтой ваннѣ своего собственнаго, беззлобнаго, безмятежнаго эгоизма.

Такъ я сидѣлъ и праздновалъ самъ не знаю что. Люди Вѣны праздновали свой Новый годъ; вы отстали отъ нихъ на тринадцать дней (говоря вообще, для васъ это совсѣмъ немного) и празднуете свой Новый годъ на двѣ недѣли позже. Мнѣ все равно, я люблю всѣ народы на свѣтѣ и праздники всѣхъ народовъ; когда они ликуютъ о своихъ годовщинахъ и мнѣ случится быть неподалеку, я просто радъ тому, что людямъ весело, и праздную въ душѣ ихъ веселый часъ — если только нѣтъ у меня въ тотъ самый день собственныхъ траурныхъ поминокъ.

Такъ я сидѣлъ и омывалъ запыленную душу покоемъ и воспоминаніями о далекихъ людяхъ и пробѣжавшихъ дняхъ, объ умирающемъ годѣ и обо всей грустной аллеѣ лѣтъ, рожденныхъ и ушедшихъ за мою память. Гдѣ я въ послѣдній разъ пилъ въ эту полночь шампанское и желалъ сосѣдямъ несбыточныхъ вещей? А, это было у васъ, въ вашемъ городѣ, въ то милое наивное время пять лѣтъ назадъ. Помните ли вы, какъ было все тогда по другому? Городъ вашъ былъ тогда веселымъ и красивымъ городомъ, братоубійство еще не обезобразило его улицъ и не обратило въ пустыри, по которымъ, озираючись, прошмыгиваютъ рѣдкія тѣни. Сами вы ждали каждый день чего-то великаго и радостнаго. Какъ

дѣти передъ елкой, мы много суетились и волновались. Внутренній огонь вашъ нарасталъ, что день, то жарче, и не было такой мелочи, для которой у васъ не хватило бы пылу и о которой вы не спорили бы съ увлеченіемъ и страстью. Все вамъ казалось странно важнымъ, все играло роль въ вашей жизни. Новая книжка толстаго журнала была событіемъ. Удачная статья производила впечатлѣніе большой политической побѣды. Не въ тонъ сказанное слово называлось измѣной. Пять лѣтъ ссылки на поселеніе считались драконовской жестокостью. Когда по улицѣ проходилъ актеръ, художникъ или писатель, вы толкали другъ друга въ бокъ и шептали: смотри, кто идетъ!

Теперь не то. Захолустный небывальщина, котораго легко было удивить, переродился. Не знаю, сталъ ли онъ умнѣй и лучше, но онъ навидался видовъ — навидался такихъ вещей, которыя, быть можетъ, изъ десяти поколѣній одному показываетъ исторія. Такъ же, какъ это было нетрудно въ тѣ времена, трудно теперь овладѣть его пресыщеннымъ вниманіемъ, разбудить его исчерпанный энтузіазмъ, задѣть за одну изъ немногихъ еще не лопнувшихъ у него струнъ. Максимъ Горькій могъ бы теперь свободно показаться въ фойэ театра, это не собрало бы толпы Коренные римляне рѣдко ходятъ глазѣть на новаго папу или на пріѣзжаго заграничнаго монарха, они это предоставляютъ новоселамъ города: имъ самимъ уже неинтересно, они за тридцать вѣковъ видали и царей, и папъ куда большаго калибра, вообще видали событія, предъ которыми все величіе первосвященниковъ и королей подобно свѣчкѣ подъ лучами солнца. На это немного похожа теперь ваша психологія. Когда теперь оглядываешься на тѣ еще недавніе годы, кажется, что предъ тобою дѣтски-счастливая молоденькая дѣвушка съ ясными глазами, нарядная въ своемъ незатѣйливомъ ситцевомъ платьицѣ, и хочется сказать: — Какое простенькое время.

Просто жилось и вѣрилось тогда, и простыя пожеланія къ Новому году дѣлали мы другъ другу въ невозвратимые вечера юношескихъ надеждъ. Я еще помню, чего я пожелалъ своимъ сосѣдямъ въ тотъ послѣдній канунъ, я имъ сказалъ: не

3*

пожелаю вамъ ни счастья, ни здоровья, ничего. У меня для васъ нѣтъ сегодня пожеланій. Но между нами только что невидимо явился нѣкто новый, годомъ зовутъ его люди, и не вамъ, а ему я хочу принести свое пожеланіе. Я ему желаю запечатлѣть четыре цифры своего имени на вѣчныя времена въ памяти Россіи и человѣчества: я ему желаю свершить великое. Оттого я не пожелаю вамъ, людямъ, ни счастья, ни здоровья, ничего. Ибо счастье людей помѣха величію года. Чтобы стать великимъ, онъ долженъ перешагнуть черезъ ваше счастье. И сколько бы ни было между вами тѣхъ, кому суждено схоронить свое счастье и самую жизнь подъ стопами побѣдоноснаго года, и какъ бы они близки ни были моему сердцу, — да свершится.

Я разучился теперь говорить такія слова. Мнѣ все чаще кажется, что я вообще разучился говорить съ вами. Если бы я сидѣлъ сегодня за вашимъ столомъ, я бы не сталъ пить ваше вино и не сказалъ бы вамъ ни одного слова.

Я молчалъ бы съ вами не потому, что не вѣрю больше въ великое». Напротивъ, я не сомнѣваюсь въ его неизбѣжности. Но душа моя холодна.

Я молчалъ бы оттого, что мнѣ чуждо ваше завтра, чужда ваша вѣра и чужды вы сами. Вы —единственные на свѣтѣ, чьихъ праздниковъ я не дѣлю. Ни одна ваша радость не задѣваетъ меня, ваши горести кажутся мнѣ мелкими, ваши надежды жалкими и вся жизнь ваша ничтожною. Когда вы плачете о своихъ увѣчьяхъ, мнѣ противно, потому что вы размѣняли на полушки большую трагедію. Надо играть ее со стиснутыми зубами, съ блѣдными лицами, сухими глазами: вы ее ведете въ тонѣ плаксивой жалобы, и мнѣ тяжело смотрѣть на ваше надругательство. Когда же вы радуетесь или надѣетесь, непреодолимая волна отвращенія подымается къ моему горлу, потому что я вижу, за какіе гроши вы продаете свою радость, на какіе мелкіе крючки можно поймать вашу надежду. Я думалъ, что вамъ больше цѣна.

Оттого одно только могъ бы я сказать вамъ сегодня, будь я сегодня съ вами: мнѣ вамъ нечего желать, потому что мнѣ безразличенъ вашъ завтрашній день. Для меня существуетъ

только мое завтра, только моя заря, въ которую вѣрю всѣмъ трепетомъ моего существа, и ничего мнѣ больше не нужно. Не могу я сказать: желаю вамъ счастья въ наступившемъ году, — это было бы неискренно. Ибо если вамъ на минуту покажется, будто вы счастливы, я надѣну трауръ и приду на вашъ праздникъ, осмѣю ваше легковѣріе, вынучу ваши тосты, прокаркаю надъ вами злую правду и отравлю каждую каплю вашего благодушества. Это единственное, что меня еще связываетъ съ вами: я хочу колоть правдою ваши глаза, опрокидывать ваши карточные домики, тушить ваши волшебные фонари съ пестрыми картинками, чтобы вы ясно видѣли предъ собою глухую стѣну и вокругъ себя унылую безнадежность; и сколько станетъ моей силы, я вамъ не дамъ ни на день забыться, я вамъ не дамъ тѣшить себя и мечтать.

Больше мнѣ съ вами не о чемъ говорить; все остальное, чѣмъ вы живете, не интересуетъ меня, только насильно могу я сосредоточить свои мысли на вашихъ вещахъ и дѣлахъ, лишенныхъ для меня всякой цѣнности, — и это мнѣ съ каждымъ днемъ становится труднѣе. Съ каждымъ днемъ растетъ отдаленіе между мною и вашимъ міромъ: я уже съ трудомъ различаю, что у васъ тамъ копошится, и скоро, можетъ быть, совсѣмъ перестану различать.

Я не служу и не хочу служить ничему изъ всего того, что вамъ дорого. У васъ тамъ есть свои идеалы: я ихъ очень цѣню, но въ рукахъ у васъ они смѣшны и безплодны; поэтому я издѣваюсь надъ ними и надъ вами и буду бороться съ ними и съ вами, для торжества моей вѣры, всѣми путями и всѣми орудіями, во что бы то ни стало.

Я когда-то сильно чувствовалъ красоту свободнаго, не-рядового человѣка, «человѣка безъ ярлыка», человѣка безъ должности на землѣ, безпристрастнаго къ своимъ и чужимъ, идущаго путями собственной воли черезъ головы ближнихъ и дальнихъ. Я и теперь въ этомъ вижу красоту. Но за себя я отъ нея отказался. Въ моемъ народѣ былъ жестокій, но глубокій обычай: когда женщина отдавалась мужу, она срѣзала волосы. Какъ общій обрядъ, это дико. Но воистину бываетъ такая степень любви, когда хочется отдать все, даже

свою красоту. Можетъ быть, и я бы могъ летать по вольной волѣ, звенѣть красивыми пѣснями и купаться въ недорогомъ трескѣ вашихъ рукоплесканій. Но не хочу. Я срѣзалъ волосы, потому что я люблю мою вѣру. Я люблю мою вѣру, въ ней я счастливъ, какъ вы никогда не были и не будете счастливы, и ничего мнѣ больше не нужно.

Поздравляйте другъ друга съ Новымъ годомъ, если вамъ это не надоѣло. Я не вижу для васъ разницы между вчерашнимъ и нынѣшнимъ днемъ и не имѣю для васъ ничего, ни добраго, ни худого слова.

НАШЕ БЫТОВОЕ ЯВЛЕНІЕ

(1910.)

Недавно, по поводу одной моей газетной статьи, я удостоился получить нѣсколько писемъ отъ молодыхъ людей, обиженныхъ замѣчаніемъ, что еврейскіе дезертиры, принимающіе христіанскую вѣру ради выгодъ, засоряютъ ту христіанскую общину, къ которой приписываются. Молодые люди находятъ, что это напраслина. Во-первыхъ, они не дезертиры: «развѣ переходъ изъ іудейскаго вѣроисповѣданія въ другое обусловливаетъ собою переходъ въ другую національность?» Во-вторыхъ, они ничего не засоряютъ. «Развѣ окроплявшій насъ водою священникъ водрузилъ насъ тѣмъ на нивѣ своей общины? Нѣтъ, онъ насъ только вписалъ въ метрическую книгу. Что жъ мы засоряемъ?» А въ другомъ письмѣ идутъ еще дальше: если дезертиръ даже «водружается» на чужой нивѣ, то онъ ее не только не «засоряетъ», а даже напротивъ — украшаетъ: въ доказательство цитируется нѣсколько именъ изъ книги Когута «Знаменитые евреи и еврейки». Вообще же молодые люди находятъ, что писать о нихъ неделикатно: «существуетъ кругъ такихъ явленій, которыя являются дѣломъ личной совѣсти, и куда человѣкъ интеллигентный не долженъ залѣзать руками».

Это пишетъ одна сторона. А вотъ любопытный откликъ съ другой стороны: письмо одного популярнаго хулигана. Оно напечатано въ «Земщинѣ» и гласитъ:

«Въ главной палатѣ русскаго народнаго союза имени Михаила Архангела почти ежедневно получаются письма отъ евреевъ на мое имя съ просьбой: «будьте мнѣ крестнымъ

отцомъ — хочу креститься». Письма рву, взглянувъ на подпись жида, но на завтра новое. Сегодня получилъ такое: «Ваше высокопревосходительство! Я еврей г. Винницы. Желая принять православіе, имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство стать моимъ крестнымъ отцомъ. Беръ Заксъ. 17-го сентября 1910 г. Винница. Почтовая ул., д. Шерра». Вступать въ какую бы то ни было переписку съ жидами не намѣренъ, посему, въ цѣляхъ сберечь время и бумагу тѣмъ, которые пожелали бы послѣдовать примѣру Закса, считаю нужнымъ уяснить мою принципіальную точку зрѣнія на этотъ вопросъ и полагаю, что жидкамъ она будетъ ясна изъ слѣдующей телеграммы, посланной мною въ отвѣтъ юркому Заксу: «Винница, Почтовая ул., д. Шерра. Беру Заксу. Для евреевъ крещеніе — видъ гешефта: окончившій гимназію крестится, дабы попасть въ университетъ, купецъ, чтобы устроиться внѣ черты осѣдлости, и такъ далѣе. Отказываюсь быть пособникомъ неблаговидныхъ поступковъ, предпочитая еврея не крещенаго выкрестившемуся изъ-за побужденій, чуждыхъ душевнымъ запросамъ, а наличности таковыхъ у евреевъ не имѣется».

Конечно, мнѣніе этого лица не можетъ служить этическимъ мѣриломъ; привожу его не какъ аргументъ, а просто для характеристики настроеній. Что и говорить, съ пощечиной Полишинеля можно не считаться. Но да будетъ позволено напомнить по этому поводу старую басню Федра. Тамъ изображенъ умирающій левъ, къ которому приходятъ разные звѣри, и каждый норовитъ его какъ-нибудь обидѣть. И левъ все терпитъ; но когда напослѣдокъ явился asinus, asini, второго склоненія, и тоже лягнулъ въ больное мѣсто, левъ не выдержалъ и заплакалъ, сказавъ: «Твой пинокъ, о срамъ природы, усугубляетъ для меня горечь смерти». А ужъ на что левъ — гордый звѣрь. Очевидно, во времена Федра еще полагали, что *такой* пинокъ — это ужъ самое послѣднее дѣло, предѣлъ надругательства. Но мы теперь умные, и предразсудки давно ликвидированы.

Предразсудки до того начисто ликвидированы, душа человѣка превращена въ такое идеально-гладкое, зеркально-лысое

пустое мѣсто, что стоишь и рядомъ чувствуешь себя безпомощнымъ и беззащитнымъ предъ этой абсолютною плѣшью, гдѣ не осталось ничего со вчерашняго дня — ни одного разъ навсегда вбитаго гвоздя, ни одной глубоко вросшей былинки, ни традицій, ни аксіомъ, ни простой брезгливости, даже ничего похожаго на доску съ надписью: «здѣсь воспрещается». И когда вы пытаетесь напомнить, что все таки должно же быть на свѣтѣ нѣчто воспрещенное, нѣчто такое, отъ чего сама собою отдергивается рука, васъ огорашиваютъ вопросомъ: «А почему нельзя?» — И вы вдругъ постигаете, растерянный, что, въ сущности, отвѣта у васъ нѣтъ. Ибо есть вещи, которыя доказать невозможно. И, какъ на зло, жизнь такъ глупо устроена, что именно тѣ щекотливыя вещи, которыя невозможно доказать, — именно онѣ дѣлаютъ разницу между человѣкомъ порядочнымъ и человѣкомъ пакостнымъ.

Кто скитался за послѣдніе годы по такъ называемой «еврейской улицѣ», тому хорошо знакомъ этотъ убійственный вопросъ: «А почему нельзя?» Сталъ онъ раздаваться недавно. Прежде было совсѣмъ другое время: прежде, въ эпоху подъема и до него, было всѣмъ ясно само собою, что на человѣкѣ лежитъ нѣкій долгъ, и что не все ему дозволено; каждый понималъ этотъ долгъ по своему, но атмосфера нѣкоторой нравственной дисциплины ощущалась повсюду, на какихъ угодно общественныхъ задворкахъ. И если кому ужъ приходилось нарушить эту дисциплину, сдѣлать что-нибудь такое, чего совѣсть не позволяла, то онъ старался стушеваться, а не выступалъ гоголемъ на площади и не спрашивалъ: «А почему бы нѣтъ?» — Но прошелъ подъемъ, и все это измѣнилось. Нравственная дисциплина лопнула, и значительная часть молодежи пустилась въ погоню за своей долей, граціозно прыгая чрезъ какія угодно препятствія. При этомъ они держатъ голову гордо и высоко, пишутъ письма въ редакцію и требуютъ: одно изъ двухъ — или докажи имъ, осязательно, какъ дважды два, почему нельзя перепрыгивать чрезъ нѣкоторыя препятствія, или сними шапку, расшаркайся и признай ихъ полноправными джентльменами.

Конечно, для себя, для своей души, каждый изъ насъ хорошо знаетъ, «почему нельзя». Когда мы себя объ этомъ спрашиваемъ, то оглядываемся назадъ, и нашему духовному взору открывается картина, которая лучше всякаго отвѣта. Передъ нами разстилается необозримая равнина двухтысячелѣтняго мученичества; и на этой равнинѣ, въ любой странѣ, въ любую эпоху, видимъ мы одно и то же зрѣлище: кучка бѣдныхъ, бородатыхъ, горбоносыхъ людей сгрудилась въ кружокъ подъ ударами, что сыплются отовсюду, и цѣпко держится нервными руками за какую-то святыню. Эта двадцативѣковая самооборона, молчаливая, непрерывная, обыденная, есть величайшій изъ національныхъ подвиговъ міра, предъ которымъ ничтожны даже греко-персидскія войны, даже исторія Четырехъ Лѣсныхъ Кантоновъ, даже возстановленіе Италіи. Сами враги наши снимаютъ шапку предъ величіемъ этого грандіознаго упорства. Въ концѣ концовъ, люди забыли всѣ наши заслуги, забыли, кто имъ далъ единаго Бога и идею соціальной правды; насъ они считаютъ изолгавшимся племенемъ, въ душѣ котораго ничего не осталось, кромѣ коллекціи уловокъ и увертокъ, на подобіе связки отмычекъ у вора; и если передъ чѣмъ-нибудь еще преклоняется даже злѣйшій изъ клеветниковъ, если въ чемъ нибудь еще видитъ, не можетъ не видѣть символъ и послѣдній остатокъ великой, исполинской нравственной мощи, — это только въ уцѣлѣвшей, ни на мигъ доселѣ не дрогнувшей способности страдать безъ конца за нѣкое древнее знамя. Въ этомъ упорствѣ наша высокая аристократичность, нашъ царскій титулъ, наше единственное право смотрѣть сверху внизъ. И теперь, надъ могилами несмѣтнаго ряда мученическихъ поколѣній, разорвать этотъ кругъ, распустить самооборону, выдать старое знамя старьевщикамъ? Что же намъ останется? Какъ это мыслимо? Какъ это возможно?! — Такъ ощущаемъ мы, еще не ликвидировавшіе предразсудковъ. Но вѣдь это ощущеніе, а не доказательство.

Не знаю, какъ другіе, которые умнѣе меня, но я долженъ сознаться, что не все могу доказать. Въ 1907 г. пришелъ ко мнѣ (было это въ Одессѣ) одинъ юноша, когда-то мой

протеже, и изложилъ мнѣ обычный въ тѣ дни планъ устройства личной жизни: онъ напишетъ банкиру такому-то письмо съ требованіемъ дать столько-то тысячъ, а если не дастъ, то его подстрѣлятъ. Я возмутился, заволновался, сталъ его отговаривать, а онъ меня срѣзалъ вопросомъ.

А почему нельзя? докажите!

И со своей стороны изложилъ мнѣ свои аргументы. Онъ голодаетъ, мать голодаетъ... А банкиръ богатъ. И такъ далѣе эту аргументацію всѣ мы слышали, и у всѣхъ она жива еще въ памяти. И сколько мы съ нимъ ни спорили, верхъ оставался за нимъ, потому что по логикѣ онъ былъ логиченъ, а все-таки есть вещи, которыя не доказываются.

Другіе молодые люди пошли дальше. Они увидѣли, всмотрѣвшись поглубже, что если «можно» экспропріировать у банкира, то «почему нельзя» у лавочницы предмѣстья? Богатство понятіе относительное и гибкое. Богатъ для меня тотъ, кто въ данную минуту богаче меня: если у лавочницы въ кассѣ лежитъ 80 копѣекъ выручки, а я голоденъ, она для меня богачка, и я имѣю полное право... А потомъ другіе пошли еще дальше. Почему я для этого непремѣнно долженъ быть голоденъ въ грубомъ смыслѣ слова, физически голоденъ? А если желудокъ мой полонъ, но душа голодна, если мнѣ тоже хочется прифрантиться, сходить въ театръ, покататься съ барышнями, то почему я долженъ страдать, за что должна увядать безъ блеска и радости моя молодость, когда одинъ удачный налетъ можетъ распахнуть предо мною всю полноту жизни? И опять приходилось разводить руками и молчать, не находя отвѣта. Потому что непримѣнима таблица умноженія въ соціальныхъ отношеніяхъ. Тѣ молодые люди, что въ памятную эпоху налетовъ срамили и топтали наше народное доброе имя, что хуже черной сотни съ ея резинами терзали и разоряли нашу нищую массу, были, по большей части, ловкіе діалектики, и по таблицѣ умноженія очень искусно доказывали свою высшую правоту. Но въ то же время нестерпимый чадъ гнусной, неслыханной деморализаціи разливался отъ нихъ вокругъ, и было ясно, что, наперекоръ всякой діалектикѣ, все-таки есть вещи не-

дозволенныя, и должна быть въ человѣкѣ внутренняя брезгливость, которая безъ словъ, непосредственно подсказывала бы ему, «почему нельзя». Этическое познается не разсужденіями, а ощупью, и въ комъ этого таланта ощупи нѣтъ, тотъ калѣка.

Бываютъ, конечно, калѣки разной степени. Изъ примѣровъ, которые приведены только что, не слѣдуетъ заключать, что я ставлю дезертировъ на одну доску съ кѣмъ либо изъ перечисленныхъ героевъ. Понятно нѣтъ. Но, съ другой стороны, я не награжденъ отъ Бога и той снисходительностью, которая считаетъ переходъ въ чужую вѣру ради голой выгоды за нѣчто невинное. Думаю, что этотъ актъ ясно и непреложно говоритъ о нравственной глухотѣ субъекта. И въ особенности тогда, когда онъ совершается въ нашихъ здѣшнихъ условіяхъ, надъ поверженнымъ и израненнымъ тѣломъ затравленнаго, окруженнаго повсюду врагами и беззащитнаго россійскаго еврейства.

Въ эпоху студенческихъ волненій былъ однажды такой случай. Десять студентовъ посадили въ одну небольшую камеру; имъ было тамъ невыносимо тѣсно, душно и грязно. Одного изъ нихъ приставъ зналъ, такъ какъ игрывалъ въ карты съ его отцомъ; онъ вызвалъ этого студента и предложилъ перевести его въ камеру вѣстового. — И вамъ будетъ удобнѣе, и товарищамъ все-таки легче, — сказалъ любезный приставъ. Но студентъ отказался. Собственно говоря, почему было ему не согласиться? Вѣдь отъ него за то никакихъ «услугъ» не требовали, и товарищамъ его отказъ никакой видимой пользы не принесъ — напротивъ, если бы одинъ выбылъ, все же стало бы просторнѣе. Но студентъ отказался, потому что у него было этическое чутье. Онъ понялъ, или, вѣроятнѣе, просто почувствовалъ, что его переходъ на привилегированное положеніе, когда товарищи по бѣдѣ остаются въ ямѣ, посѣялъ бы въ атмосферѣ какую-то неуловимую, невѣсомую деморализацію, которая гораздо ядовитѣе спертаго воздуха. — То былъ маленькій случай, и бѣда была сравнительно маленькая. Теперь мы стоимъ предъ великимъ національнымъ горемъ, въ глубокой ямѣ коно-

шатся не десять человѣкъ, а шесть милліоновъ, цѣлая Португалія, двѣ Норвегіи, и вопросъ о томъ, есть ли у насъ это чутье невѣсомыхъ преградъ, разрастается до размѣровъ огромной національной трагедіи. Передъ лицомъ этой трагедіи человѣкъ, которому дано перо въ руки, не имѣетъ права считаться съ личными переживаніями отдѣльныхъ дезертировъ. Онъ долженъ напомнить во всеуслышаніе старую истину, черезъ которую вы слишкомъ цинично переступили: что именно талантъ внутренней брезгливости, именно чутье невѣсомыхъ святынь и преградъ создаетъ то, что мы называемъ порядочностью, sittlicher Ernst; и у кого въ такую тяжелую эпоху медленной пытки, затяжного погрома не оказывается въ наличности этого чутья, тотъ долженъ самъ понять себѣ цѣну и не удивляться, если другіе называютъ ее вслухъ.

Хочется говорить объ этомъ какъ можно болѣе сдержанно, и оттого, главнымъ образомъ, приходится настаивать на невѣсомыхъ моментахъ. Вѣдь съ той стороны это главный доводъ: «живя согласно со строгою моралью, я никому не сдѣлалъ въ жизни зла». Хочется напомнить людямъ, что если даже допустить, будто и въ самомъ дѣлѣ «никому не сдѣлано зла», это еще само по себѣ далеко не отворяетъ двери въ ту комнату, гдѣ у Бога помѣщены джентльмены, люди, которымъ можно довѣрять, люди, съ которыми можно вмѣстѣ страдать и которые не вылѣзутъ въ окошко. Но, въ концѣ концовъ, этотъ вѣчный припѣвъ каждаго дезертира, что онъ «никому не сдѣлалъ зла», тоже неправда.

Когда люди еще вѣрили въ Государственную Думу, въ одномъ городѣ черты осѣдлости была выставлена кандидатура бывшаго еврея, популярнаго мѣстнаго дѣятеля. Націоналисты были противъ этого, и одинъ изъ нихъ сказалъ мѣткое слово: — Вамъ нуженъ въ Думѣ человѣкъ, который отстаивалъ бы ваше равноправіе. Такъ не посылайте въ Думу человѣка, который самъ является живымъ доказательствомъ того, что можно великолѣпно обойтись и безъ равноправія.

Сейчасъ выборовъ нѣтъ и больше о такихъ кандидатурахъ не слышно, и всѣ эти безобидные молодые люди, кото-

рые «никому не дѣлаютъ зла», идутъ представительствовать насъ не въ Думу, а на самое торжище жизни. Но тѣмъ глубже политическое вліяніе этого массоваго представительства, и мы, остающіеся въ ямѣ, еще учтемъ его плоды на своей шкурѣ. Ибо никогда еще мы не выпускали въ міръ съ такой легкостью такого множества живыхъ доказательствъ, что можно при желаніи обойтись и безъ равноправія. Въ Германіи, напримѣръ, уже давно знаютъ, что «ренегатство, оказывая губительнѣйшее нравственное вліяніе, кромѣ того еще тормозитъ борьбу германскаго еврейства за фактическое осуществленіе его политическихъ и гражданскихъ правъ. Теперь, когда нѣмецкое еврейство ведетъ упорную борьбу за свои конституціонныя права, ренегаты, добиваясь этихъ правъ при помощи «Taufzettel», наносятъ общему дѣлу еврейства непоправимый ущербъ» (резолюція съѣзда германскихъ еврейскихъ дѣятелей въ 1910 г.). Тѣмъ хуже положеніе въ Россіи. На глазахъ у враговъ и равнодушныхъ наша молодежь съ такой легкостью мѣняетъ религію, что у зрителя возможенъ только одинъ выводъ: разъ это такъ легко и просто, то, очевидно, тѣ, которые этого не продѣлываютъ, далеко не такъ страшно угнетены, и особенно о нихъ безпокоиться нечего. Этотъ выводъ естественно складывается и осѣдаетъ не только у враговъ, но, что гораздо важнѣе, у равнодушныхъ, т. е. именно въ томъ кругу, отъ котораго зависитъ дать перевѣсъ друзьямъ или врагамъ. Какъ, какими доводами бороться тутъ за отмѣну еврейскаго безправія, за созданіе выхода изъ ямы, когда намъ отвѣтятъ: позвольте, но вѣдь выходъ уже есть, и очевидно вполнѣ для васъ пріемлемый! Какъ, какими словами отстаивать эмансипацію общины, изъ которой сотнями дезертируетъ ея «цвѣтъ», ея молодая интеллигенція, и самымъ фактомъ своего массового бѣгства кричитъ на всю Россію: монастырь оставленъ на вымираніе, стоитъ ли о немъ еще думать!

Въ концѣ концовъ все это выливается въ подстрекательство къ новому гнету. Свѣтская власть, можетъ быть, и не особенно рада этому новому устремленію строптиваго племени и склонна его разсматривать (не безъ основанія), какъ

новый массовый «обходъ закона», новую еврейскую уловку», по безжастѣнчивому цинизму превосходящую всѣ прежнія. Но вѣдь есть въ Россіи и духовная власть, очень вліятельная, въ иные періоды даже всемогущая. Духовенство господствующей церкви нигдѣ и никогда не оставалось безучастнымъ къ приросту своей паствы: призванное блюсти интересъ церкви, оно всегда и всюду смотрѣло на такой прирость, какъ на явленіе положительное, и не особенно допытывалось о причинахъ и внутреннихъ побужденіяхъ, справедливо разсуждая, что, каковы бы ни были эти побужденія, во второмъ поколѣніи отъ нихъ не останется ни слѣда, а останется только чистый приростъ. Такъ разсуждала и по сей день разсуждаетъ господствующая церковь всюду на Западѣ и на Востокѣ. Какъ отнесется она въ Россіи къ этому еще небывалому урожаю неофитовъ, предсказать не берусь. Но очень боюсь, что мы даемъ въ могущественныя, очень могущественныя и принципіально-враждебныя намъ руки сильнѣйшій доводъ въ пользу не только сохраненія, но и усиленія висящаго надъ нами гнета.

Зато молодые люди насъ утѣшаютъ, что «выходъ изъ религіи не есть выходъ изъ національности». Нація наша, значитъ, и впредь будетъ почтена ихъ присутствіемъ. Лестно. Но тутъ опять сказывается нечуткое резонерство, неспособность ощутить то важное, что невѣсомо. Говоря вообще, это — совершенно справедливый принципъ: національность сама по себѣ, а религія сама по себѣ. Въ дни свободы, когда мы еще мечтали о созывѣ «національнаго собранія», многіе даже среди сіонистовъ и националистовъ провозглашали, что «членомъ еврейской національной общины является каждое лицо, признающее свою принадлежность къ еврейской національности, безъ различія вѣроисповѣданія». Но — нашимъ мечтамъ тогда рисовалась совершенно другая картина, чѣмъ то, что видимъ теперь. Намъ рисовался большой праздникъ свободы, когда еврейскій народъ на радостяхъ амнистировалъ бы старыхъ дезертировъ за старый грѣхъ, а впредь уже крещенія могли бы происходить только по убѣжденію. Это было бы совсѣмъ, совсѣмъ другое дѣло. Перемѣна вѣры изъ

внутренняго убѣжденія въ превосходствѣ новой религіи это къ чести человѣка, а не къ стыду... Но когда *эти* сегодняшніе молодые люди, только что ради голой выгоды съ легкостью вальса увильнувшіе отъ той круговой поруки, которой только и можетъ нація держаться, милостиво предлагаютъ и впредь числиться по нашему національному списку — то ужъ это съ ихъ стороны любезность чрезмѣрная и излишняя. Нѣтъ ужъ, молодые люди, скатертью дорога, а намъ въ утѣшеніе останется умное слово Герцля: «мы теряемъ тѣхъ, въ лицѣ которыхъ мы ничего не теряемъ».

«Выходъ изъ еврейской религіи не обусловливаетъ выхода изъ еврейской національности». Если эти молодые люди искренно такъ думаютъ, то они горько обманываются. До сихъ поръ уходившіе изъ нашей религіи уходили и изъ нашей національности. И больше того: въ Европѣ существуетъ формула: «дѣдъ ассимиляторъ, отецъ крещенъ, сынъ антисемитъ». Это вполнѣ естественно. У «отца» еще все-таки что-то теплое осталось въ душѣ отъ воспоминаній дѣтства, связанныхъ съ субботой, или хоть отъ слезъ матери въ тотъ день, когда онъ пошелъ къ священнику. Но ужъ у его сына не можетъ быть ничего, кромѣ глухой досады на всѣхъ евреевъ за то, что его еще все-таки иногда поругиваютъ Judenbub'омъ. Забыть о еврействѣ ему не дадутъ, любить еврейство онъ не можетъ — остается одно: ненавидѣть, и это *одно* съ неизбѣжностью, въ той или иной степени, повторится и въ Россіи. Еврейскій народъ не новичокъ въ этомъ вопросѣ — онъ уже привыкъ, глядя въ догонку уходящему дезертиру, горестно думать о томъ, что, можетъ быть, ровно черезъ одно поколѣніе новый камень съ улицы ударится въ его окошко. Кто знаетъ, еще можетъ быть ихъ дѣти нѣкогда будутъ выселять изъ Кіева нашихъ дѣтей.

Множество софизмовъ пущено теперь по улицѣ, чтобъ оправдать эту вакханалію бѣгства, и всѣ софизмы гнилые и неискренніе. Самый ходкій тотъ, что, молъ, крестятся вовсе не «для голой выгоды», а ради науки. Это болтовня. Науку юридическую, философскую, историческую и т. п. можно получить въ публичной библіотекѣ, и еще безплатно. А науку

медицинскую или инженерную можно получить заранней въ крайнемъ случаѣ голодая, какъ голодаютъ тысячи на шихъ юношей и дѣвушекъ въ разныхъ Бернахъ и Женевахъ, предпочитающіе мучиться, но не креститься. Крестятся ради диплома, т. е. ради выгоды, ради того, чтобы вести потомъ сравнительно привольную жизнь адвоката, инженера или врача, а не быть вынужденнымъ (о, ужасъ!) пасть, например, до приказчика. Я понимаю, что страшно больно бросить посрединѣ разъ намѣченное русло жизни, ликвидировать мечты; но если люди не чувствуютъ, что дезертирство это еще страшнѣе, еще больнѣе, если изо всѣхъ тяжелыхъ перспективъ имъ представляется наиболѣе пріемлемой именно та, которая для здороваго чутья должна казаться самой ужасной — отступничество, то какое подыщешь имя, кромѣ нравственной глухоты? Да, наконецъ, развѣ только ради университета крестятся въ наше просвѣщенное время? Больно перечислять въ печати, предъ чужими людьми, изъ за какихъ пустяковъ это продѣлывается на каждомъ шагу. . Ибо зачѣмъ терпѣть даже малое неудобство, когда есть такой легкій выходъ, понимаете ли, такой *легкій?!* Эта легкость, необыкновенная, безпримѣрная, еще неслыханная въ еврейской исторіи — это и есть главная особенность теперешней эпидеміи, придающая послѣдней совершенно своеобразный характеръ полнаго паралича высшихъ этическихъ центровъ. Гдѣ-то въ ямѣ копошатся шесть милліоновъ, голодаютъ, стонутъ, рвутъ на себѣ волосы; сто тысячъ ежегодно берутъ въ руки посохъ, пробираются черезъ границу, иногда безъ паспорта, подъ выстрѣлами, — ѣдутъ на край свѣта бороться за кусокъ хлѣба, и все это для нихъ оказывается легче, чѣмъ отступничество! Дураки — они еще не поняли, что отступничество-то легче всего. .

При всемъ томъ эти молодые люди находятъ, что, пуская корни на новой нивѣ, они оную ничуть не «засоряютъ». Это дѣло вкуса, судить объ этомъ, въ концѣ концовъ, могутъ только сами новые единовѣрцы нашихъ бѣглецовъ. Что-то, однако, не слышно, чтобы неофиты изъ евреевъ гдѣ-либо, въ какой-бы то ни было христіанской общинѣ слыли укра

щеніемъ. Еврейству, впрочемъ, все равно, какъ и гдѣ акклиматизируются тѣ, которые отъ него уходятъ. Но что не «все равно» — это самый фактъ, что намъ, сидящимъ въ ямѣ, назначена премія за отступничество, и что въ этомъ растлѣвающемъ сознаніи выростаетъ наша молодежь. Въ концѣ концовъ, ничего мудренаго, если въ ея душѣ развивается такая готовность къ дезертирству по первому востребованію жизни. Она съ дѣтства знаетъ и ей не даютъ ни на минуту забыть, что все запретное станетъ дозволеннымъ, если только согласишься, съ ложью въ душѣ, поклониться чужимъ алтарямъ. Это сознаніе распатываетъ характеры, ослабляетъ задерживающіе центры, вытравляетъ нравственную брезгливость. А что можетъ наша молодежь противопоставить этому соблазну? Изъ современнаго еврейскаго воспитанія выброшено все, что могло бы закрѣпить въ ея душѣ положительныя связи съ еврействомъ. Чуда нѣтъ, если въ результатѣ остается голая, плѣшивая, пустая душа. Пусть это инымъ покажется жестокостью, но, мнѣ думается, лучше было бы россійскому еврейству остаться совсѣмъ взаперти, безъ выхода, чѣмъ имѣть передъ собою *этотъ одинъ выходъ,* эту развращающую перспективу уплаты наличными за самое отвратительное изъ лицемѣрій. Одно время долго держался слухъ, будто этихъ молодыхъ людей такъ и не примутъ въ университетъ. Сознаюсь, я бы очень мало этимъ огорчился. И еще менѣе огорчился бы, если бы это стало правиломъ, распространяющимся на всѣ области полноправія. Ибо личная судьба нѣсколькихъ «юркихъ Заксовъ» интересуетъ насъ, какъ прошлогодній снѣгъ; но для народа нашего, для подрастающихъ дѣтей нашихъ не было ли бы здоровѣе, если бы во мракѣ нашего бытія перестали мерцать эти тридцать серебренниковъ равноправія, покупаемые такимъ путемъ. . .

ЧЕТЫРЕ СЫНА
(1911)

По еврейскому обряду полагается, разсказывая въ пасхальный вечеръ объ исходѣ изъ Египта, примѣняться къ психологіи четырехъ типовъ дѣтей. Одинъ — умный, другой — нахалъ, третій — простакъ, а четвертый — «такой, что даже спросить не умѣетъ». И надо отвѣтить каждому по порядку, каждому по его вкусу и по мѣрѣ его пониманія.

Умный мальчикъ пытливо морщитъ выпуклый лобъ, всматривается большими глазами и хочетъ понять, въ чемъ было дѣло. Почему его предковъ сначала любили въ Египтѣ, приняли съ раскрытыми объятіями, а потомъ начали притѣснять и мучить; и такъ странно — притѣснять притѣсняли, мучить мучили, мальчиковъ въ воду бросали, а выпустить ни за что не хотѣли. Какъ это понять, папа? — спрашиваетъ умный.

«Видишь-ли, сынъ мой, философія исхода изъ Египта заключается въ двухъ фразахъ, которыя записаны въ Вѣчной книгѣ. Эти двѣ фразы — какъ альфа и омега въ азбукѣ, начало и конецъ благополучія твоихъ прадѣдовъ въ Египтѣ; и еще можно сравнить ихъ съ двумя полюсами, между которыми проходитъ ось, а вокругъ этой оси вращается весь еврейскій вопросъ въ Египтѣ. И не въ одномъ Египтѣ. Когда выростешь и будешь читать много книгъ, ясно тебѣ станетъ, что во всѣхъ скитаніяхъ твоего народа, въ каждомъ этапѣ есть и эта альфа, и эта омега; что каждый этапъ съ того же начинается и тѣмъ же кончается, чѣмъ начался и кончился въ Египтѣ; и что полюсы, между которыми судьба швыряетъ твое племя, съ той незапамятной поры не измѣнились и не передвинулись.

«Что же это за двѣ фразы? Одну ты найдешь въ книгѣ Бытія, гдѣ разсказывается, какъ Іосифъ представилъ фа-

раону своихъ братьевъ и что имъ передъ этимъ совѣтовалъ. Умный и хитрый человѣкъ былъ Іосифъ, истинный сынъ отца своего Іакова, того самаго, который такъ ловко обошелъ и собственнаго родителя, и брата, и тестя, что антисемиты — объ этомъ ты въ свое время узнаешь — называютъ его «первымъ жидомъ на землѣ». Ты, кстати, этого не стыдись, потому что умѣлъ Іаковъ и хитрить, умѣлъ и бороться — съ самимъ Богомъ боролся лицомъ къ лицу всю ночь до зари, и остался непобѣжденнымъ; умѣлъ и любить, и четырнадцать лѣтъ служилъ батракомъ за любимую женщину. Былъ это удалой человѣкъ, на всѣ руки мастеръ, и купецъ, и боецъ, и рыцарь, и судья, хищный и благородный, осторожный и отважный, расчетливый и сердечный — настоящій человѣкъ, широкій, съ великими доблестями и недостатками, съ душой, какъ семицвѣтная радуга, или какъ арфа, на которой всѣ струны. Жизнь его была и осталась самой увлекательной поэмой, какая только разсказана была на землѣ, и ты читай ее почаще и учись изъ нея уму-разуму. Учись и любить, учись и бороться, учись и хитрить, ибо земля есть волчье царство, гдѣ нужно владѣть всѣми орудіями защиты и натиска.

«Сынъ его Іосифъ былъ тоже уменъ и хитеръ. Зналъ онъ хорошо всѣ дѣла египетскія, зналъ, чего египтянамъ недостаетъ, а особенно хорошо зналъ душу фараона и его людей. И вотъ далъ онъ своимъ братьямъ, которые просились въ Египетъ, такой совѣтъ: скажите, что вы скотоводы. И прибавилъ фразу, которую ты, сынъ мой, затверди на память, ибо въ ней скрыта главная мудрость нашего народнаго скитанія: «*Ибо мерзость для египтянъ всякій пастухъ*».

«Вторую фразу ты найдешь въ книгѣ Исхода. Прошло уже много лѣтъ, одни говорятъ — 400, другіе меньше, но, во всякомъ случаѣ, давно умеръ и Іосифъ, и братья его, и все то поколѣніе, и тотъ фараонъ, который зналъ Іосифа. Воцарился новый царь и нашелъ, что потомки Іосифа черезчуръ сильно расплодились. Тогда и произнесъ онъ вторую фразу, которую надо тебѣ затвердить на память, ибо съ тѣхъ поръ и понынѣ замыкается этой фразой каждый при-

кала, каждая передышка твоего народа на пути его скитаній, и какъ только прозвучитъ эта фраза, приходится ему опять укладывать пожитки въ дорожную торбу. «*Давайте ухитримся противъ него, чтобы онъ не умножился*», сказалъ новый фараонъ.

«Изъ этихъ двухъ фразъ, сынъ мой, складывается, въ сущности, вся философія нашихъ кочеваній. Ты спросишь: какъ такъ? Зачѣмъ велѣлъ Іосифъ своимъ братьямъ называться скотоводами, если скотоводы — мерзость въ глазахъ египтянъ? А въ томъ-то и дѣло. Заниматься пастушескимъ дѣломъ египтяне считали непристойнымъ, но скота-то у нихъ было много, и творогъ они ѣли съ удовольствіемъ. Потому и нужны были имъ скотоводы. Самъ фараонъ, когда услышалъ то, что сказали ему сыновья стараго Іакова по мудрому совѣту Іосифа, очень обрадовался и тотчасъ распорядился назначить ихъ смотрителями царскихъ табуновъ и стадъ. И вообще, должно быть, не малая радость была въ Египтѣ, что, вотъ, нашлись добрые люди, которые за насъ сдѣлаютъ то, чего мы сами дѣлать не любимъ...

«Что же произошло за тѣ годы, что отдѣляютъ эпоху первой фразы отъ эпохи второй? Почему вдругъ стали такъ обременительны потомки ханаанскихъ скотоводовъ? Неужели рѣшено было во всемъ Египтѣ не держать болѣе скота? Напротивъ. Скота было много, и египтяне очень имъ дорожили: одной изъ самыхъ чувствительныхъ казней оказался для нихъ, по преданію, падежъ скота. Въ чемъ же дѣло? Ты не понимаешь? Сынъ мой, если бы ты зналъ исторію нашихъ новыхъ скитаній, ты бы легко догадался, въ чемъ причина охлажденія. — Очевидно, египтяне сами за это время привыкли къ скотоводству. Сначала стѣснялись и гнушались, а потомъ научились у евреевъ же, начали дѣлать на первыхъ порахъ робкія, единичныя попытки, а потомъ пріободрились, вошли во вкусъ занятія — и въ одинъ прекрасный день вдругъ нашли, что теперь евреевъ слишкомъ много, и можно бы уже и безъ нихъ смѣло обойтись. Конечно, не сразу: массоваго ухода фараонъ не хотѣлъ допустить, ибо тогда все-таки еще могла бы остаться безъ при-

смотра извѣстная часть отечественной скотины. Но помаленьку, полегоньку, черезъ постепенное вымираніе — это дѣло другое, перспектива пріятная и не грозящая никакими неудобствами, ибо тѣмъ временемъ коренное населеніе окончательно приберетъ къ своимъ рукамъ всю захваченную чужаками отрасль отечественнаго хозяйства. И вотъ, «давайте ухитримся»...

«Такъ, сынъ мой, съ тѣхъ поръ и пошло. Будешь ты потомъ изучать исторію нашихъ скитаній по бѣлому свѣту и увидишь, что всюду было то же самое. Начиналось съ того, что «мерзость для египтянъ всякій пастухъ», и потому опальныя профессіи охотно предоставляли намъ.

«У египтянъ былъ своеобразный вкусъ, и имъ не нравилось именно скотоводство. А, напримѣръ, у европейскихъ народовъ былъ вкусъ другой, и имъ долго не нравилась торговля. Быдло пахало землю, а знатные господа пили вино и разбойничали по большимъ дорогамъ, грабя проѣзжихъ купцовъ. Грабить купца считалось вполнѣ приличнымъ, но быть купцомъ считалось очень неприличнымъ. Это была «мерзость для египтянъ». И эту «мерзость» отмежевали намъ, да еще какъ охотно. Давали привилегіи, защищали отъ дворянъ и черни; отъ времени до времени грабили насъ и жгли, но потомъ опять задабривали привилегіями. Одинъ ученый нѣмецъ Зомбартъ, хорошо изучившій все это дѣло, утверждаетъ, что вмѣстѣ съ евреями шелъ по Европѣ изъ страны въ страну всякій хозяйственный прогрессъ, что они, собственно, дали міру ту международную торговлю, безъ которой величайшія столицы земли по сей день остались бы грязными захолустьями, они развили кредитъ и банковое дѣло, они снарядили Колумба на открытіе Америки. И пока они все это дѣлали и, зарабатывая для себя тысячи, клали десятки милліоновъ въ ненасытную утробу фараоновыхъ кармановъ, — европейцы приглядывались, учились, стали пробовать и свои силы, привыкли, пріободрились, вошли во вкусъ «мерзости» — и, конечно, вдругъ увидѣли, что евреевъ развелось что-то слишкомъ много. «Давайте ухитримся»... Когда мальчикъ научился грамотѣ, гувернера выбрасываютъ

на улицу. Такъ это и повторялось съ твоими предками въ каждой странѣ. Примутъ, окажутъ покровительство, возьмутъ, что надо, а потомъ начнутъ «ухитряться, чтобы *онъ* не умножился...

Ты не думай, сынъ мой, что слово «мерзость» надо понимать въ буквальномъ смыслѣ. Часто египтяне чуждаются пастушества не потому, что оно мерзко въ ихъ глазахъ, а потому, что руки у нихъ коротки, или страшно обжечься. Тогда они очень бываютъ рады, если найдется пришелецъ, у котораго руки подлиннѣе и пальцы не боятся ожога, — и станетъ таскать для нихъ каштаны изъ огня. Такъ бывало, напримѣръ, при нѣкоторыхъ революціяхъ. Въ 1848 году въ Вѣнѣ первую революціонную рѣчь произнесъ еврей Фишгофъ; а въ Берлинѣ тогдашній король издавалъ прокламаціи, гдѣ увѣрялъ, что все это евреи бунтуютъ, и когда хоронили убитыхъ, то, дѣйствительно, много работы по отпѣванію выпало на долю тамошняго раввина. Зато и ласковы были съ нами тогда египтяне. А потомъ — вымерло то поколѣніе египтянъ, и дѣти его снова нашли, что слишкомъ много осталось потомства отъ Іосифа, такъ недавно обжигавшаго для нихъ пальцы горячими каштанами...

«Такъ было, такъ есть, такъ будетъ.»

Второй мальчикъ — «нахалъ» — сидитъ, развалясь, заложивъ ногу на ногу, иронически скалитъ зубы и спрашиваетъ: — что это у *васъ* за курьезные какіе-то обычаи и воспоминанія? Пора бы давно забыть старыя глупости!

Разскажите ему, въ отвѣтъ на насмѣшку, что были уже такіе, какъ онъ, были и въ старомъ Египтѣ. Скалили зубы на всѣ надежды своего племени и предпочитали льнуть къ сторонѣ фараона. Объ одномъ изъ нихъ уцѣлѣла память и въ Библіи. Юноша Моисей заступился за еврея, котораго билъ египтянинъ, и убилъ того египтянина, а другой еврей это видѣлъ и вознегодовалъ на Моисея. Можно ли поднять руку на хозяина? И на завтра онъ, или другой изъ его породы, началъ показывать зубы Моисею. «Кто тебя поставилъ начальникомъ и судьею надъ нами?» А потомъ еще

кто-то изъ этой породы донесъ фараону, что явился такой опасный фантазеръ и занимается перевоспитаніемъ еврейской воли. Въ тѣ времена міръ былъ устроенъ просто, общественнаго мнѣнія не существовало, и потому доносчикъ обратился прямо во дворецъ; будь это въ наше время, онъ, вѣроятно, какъ человѣкъ приличный, избралъ бы другіе пути, постарался бы очернить Моисея не передъ личнымъ, а передъ коллективнымъ фараономъ — передъ просвѣщеннымъ обществомъ Египта. Про убійство насильника онъ, какъ человѣкъ приличный, умолчалъ бы, но обрушился бы на ту психологію, которая побудила Моисея обратить вниманіе, изо всего множества насилій, несомнѣнно чинимыхъ ежедневно въ Египтѣ, только на эту расправу египтянина съ евреемъ. Мало ли вообще было рабовъ въ Египтѣ? Зачѣмъ такой человѣкъ, какъ Моисей, тратитъ свои силы на эмансипацію какой-то горсти пастуховъ, а не на преобразованіе и обновленіе всего Египта? И куда это онъ ихъ зоветъ? Господи! Да развѣ не грѣхъ оторваться отъ этой богатой страны, гдѣ есть въ изобиліи всякая всячина, и хлѣбъ, и горшки съ мясомъ, и лукъ, и чеснокъ, и много папирусовъ, исписанныхъ мудрыми іероглифами, тогда какъ родичи Моисея — бѣдняки безъ собственности и культуры? «Что это у *васъ* за выдумки?» — иронически спрашивалъ тотъ человѣкъ у Моисея и Аарона, развалясь, заложивъ ногу на ногу и оскаливъ зубы.

«Притупи ему зубы» — совѣтуетъ относительно этого сына ритуалъ пасхальной вечери. Но я сомнѣваюсь, чтобы можно было притупить ему зубы. Онъ слишкомъ хорошо вооруженъ, ибо вѣдь нѣтъ ничего болѣе непобѣдимаго, чѣмъ равнодушіе. Ничѣмъ вы его не прошибете; разъ онъ уже научился говорить о своемъ народѣ: «у *васъ*» — пиши пропало. Онъ васъ высмѣетъ, а матеріалу для насмѣшки у него сколько угодно. Надъ побѣжденными нетрудно издѣваться, особенно, когда издѣвающійся — свой человѣкъ и знаетъ всѣ раны и прорѣхи. Шишекъ на лбу у насъ много, спина порядкомъ сгорбилась, отъ вѣкового перепуту руки трясутся; скарбъ нашъ убогъ и сдѣланъ по старой модѣ . . .

есть надъ чѣмъ посмѣяться при желаніи, уничижительно сравнивая нашу скудость съ богатствомъ Египта. Правда, сынокъ этотъ и самъ-то Египту приходится седьмой водой на киселѣ; но вѣдь извѣстно, что съ наибольшимъ презрѣніемъ къ бѣдному родичу барина относится не самъ баринъ, а его лакей. Оскалитъ на васъ зубы, и ничѣмъ вы ихъ не притупите.

Да и не надо вамъ притуплять зубы этого сына. Пусть идетъ своей дорогой съ крѣпкими зубами. Бѣдняга, они ему еще понадобятся тамъ, въ станѣ ликующихъ, куда его тянетъ. Твердые орѣхи придется ему тамъ разгрызать: изъ нихъ самый твердый – орѣхъ презрѣнія. И много, много разъ придется ему молча глотать пинки въ отвѣтъ на любовныя признанія и плевки въ отвѣтъ на лесть, — и смиряться, и стискивать зубы. И въ концѣ жизненнаго пути, когда онъ увидитъ, что весь этотъ путь былъ притворствомъ и ложью передъ людьми и собственной душою, и если сама душа и повѣрила этой лжи, то люди ни на минуту не повѣрили, — тогда бросится, быть можетъ, въ отчаяніи бѣглый сынъ нашъ лицомъ внизъ, и будетъ ломать руки, рвать на себѣ волосы и грызть землю — тѣми самыми зубами, что теперь оскалены насмѣшкой надъ нашими святынями. Пусть сохранитъ свои зубы, они ему еще понадобятся и для фальшивыхъ улыбокъ, и для скрежета безсильной злобы. . .

А третій мальчикъ — простакъ. Глаза у него честные, ясные, прямые. Онъ не изъ тѣхъ, которые допытываются, доѣдываются, копаются въ противорѣчіяхъ. Міръ для него простъ и непререкаемъ; онъ любитъ вѣрить и благоговѣть ясной вѣрой примитивнаго человѣка. Въ такомъ родѣ былъ простакомъ и Самсонъ: любилъ драться, любилъ и шутить, и острить, и загадки загадывать, и проказничать, и вкусно поѣсть, и сладко выпить, а довѣрчивъ былъ до того, что послѣ трехъ обмановъ опять уснулъ на груди у Далилы. У сегодняшняго сына-простака нѣтъ, конечно, той полнокровной жизнерадостности, что была у Самсона — времена не тѣ, — но основа типа та же самая — безхитростная, прямодушная довѣрчивость.

Папа! — спрашиваетъ онъ, и кладетъ локти на столъ, прижимается грудью, вытягиваетъ шею и весь тянется къ вамъ, словно къ источнику въ день жажды, и уже заранѣе вѣритъ во все, что скажутъ ему, ибо хочетъ вѣрить: папа! Когда станетъ лучше?

И вы разскажите ему просто и тихо про все, что дѣлается теперь въ великой, необъятной діаспорѣ. Разскажите ему, какъ въ тысячѣ мѣстъ тысячами рукъ строится вновь разсыпанная храмина безсмертнаго племени. Разскажите ему, какъ постепенно снова на нашихъ глазахъ сростается распыленная донынѣ народная воля, какъ снова изъ обломковъ складывается настоящій народъ, настойчивый, эгоистичный, исключительный, какъ всѣ здоровыя націи. Разскажите ему, какъ рушатся одна за другою послѣднія кафедры, съ которыхъ еще недавно раздавалась проповѣдь національнаго самоубійства. Разскажите про еврейскую молодежь университетовъ Берлина, Вѣны, про этихъ сыновей онѣмеченныхъ коммерціенратовъ, про то, какъ они гордо носятъ на груди еврейскіе цвѣта:

Бѣлый — какъ снѣгъ въ этомъ краѣ печали;
Синій — какъ вы, о влекущія дали;
Желтый — какъ нашъ позоръ.

Разскажите, какъ повсюду съ каждымъ днемъ растетъ гордость, уваженіе къ собственной самобытности и горькая ненависть къ ренегатству; какъ научились и парижскій драматургъ, избалованный успѣхами, и нищій шинкарь въ галиційскомъ мѣстечкѣ, дрожащій передъ паномъ, кричать въ лицо всему свѣту: я еврей! Разскажите про то, какіе дивные поэты пишутъ теперь на нашемъ языкѣ, и какъ прекрасенъ и могучъ этотъ языкъ, и что за великое счастье для народа — обладать такимъ языкомъ. И еще разскажите ему, какъ бойко и весело щебечутъ на этомъ языкѣ дѣти палестинскаго колониста, и какъ шагъ за шагомъ, по малому камушку, съ великимъ трудомъ, сквозь строй тысячи препятствій, начиная съ жгучаго солнца и кончая пулей бедуина, воздвигается тамъ и растетъ нѣчто новое, точка опоры для самыхъ грандіозныхъ замысловъ и пророчествъ. Разскажите про-

стой и вѣрующей душѣ все это и многое другое. Онъ возьметъ ваши слова полными пригоршнями и бережно сложитъ ихъ въ открытомъ сердцѣ, и съ той минуты однимъ борцомъ больше станетъ въ нашемъ полку.

Четвертый мальчикъ не умѣетъ спрашивать. Сидитъ на вечерѣ чинно, дѣлаетъ, что полагается, и не приходитъ ему въ голову разспрашивать, какъ и что, отчего и почему. Ритуалъ велитъ не ждать его вопроса и разсказать ему все по собственному почину. Я въ этомъ несогласенъ съ ритуаломъ. Цѣнная вещь любознательность; но есть иногда высшая мудрость, высшее чутье и въ томъ, что человѣкъ беретъ нѣчто изъ прошлаго, какъ должное, и не любопытствуетъ ни о причинахъ, ни о слѣдствіяхъ. Такую мудрость надо беречь и не спугивать ее лишними словами.

Такою мудростью мудръ бываетъ сѣрый, массовый человѣкъ. Это — тотъ невзрачный горемыка, что тачаетъ сапоги, шьетъ платья, разноситъ яйца, скупаетъ старыя вещи, переписываетъ свитки завѣта, торгуетъ въ мелкихъ лавченкахъ, бѣгаетъ на посылкахъ, тянетъ всѣ тѣ полунадорванныя лямки, отъ которыхъ его еще не прогнали, кряхтитъ, а по пятницамъ вечеромъ наполняетъ дома молитвы. Это онъ, знаменитый Бонця-Молчальникъ изъ сказки Леона Переца, несетъ на своемъ горбу все бремя діаспоры, поставляя изъ своей среды человѣческое мясо и для эмиграціи, и для погромовъ; онъ агонизируетъ и не умираетъ, гибнетъ и не погибаетъ, и творитъ исконный обрядъ, какъ творили дѣды, почти машинально, почти равнодушно, съ той подъ-сознательной вѣрой, которая, быть можетъ, въ глазахъ Божіихъ прочнѣе всякаго экстаза. Онъ, этотъ сѣрый массовый молчальникъ, «не умѣющій спросить», онъ есть ядро вѣчнаго народа и главный носитель его безсмертія.

Ритуалъ велитъ разсказать этому сыну про все то, о чемъ онъ не спрашиваетъ. А по моему, пусть и отецъ промолчитъ и молча поцѣлуетъ въ лобъ этого сына — самаго вѣрнаго изъ хранителей той святыни, о которой молчатъ его уста.

EDMÉE

Разсказъ пожилого доктора.

(1912)

— Востокъ? Онъ совершенно чуждъ моей душѣ. Вотъ вамъ живое опроверженіе вашихъ теорій о расѣ, о голосѣ крови. Я рожденъ западникомъ, несмотря на предательскую форму носа. Однажды, впрочемъ, и я рискнулъ заглянуть на Востокъ. Можетъ быть, тутъ и сыграло нѣкоторую мимолетную роль обиженное расовое чувство. Вы знаете, у насъ въ Германіи еще сильны нѣкоторые предразсудки. Безъ ложной скромности могу сказать, что я давно заслужилъ каѳедру, полагаю, что и ваши русскіе спеціалисты слыхали о моихъ трудахъ по анатоміи. Я связанъ тѣсной дружбой съ профессорами университета въ нашемъ городѣ и знаю, что они съ живѣйшимъ удовольствіемъ привѣтствовали бы меня въ своей средѣ. Но прусское министерство имѣетъ свои пути и средства вліянія, противъ которыхъ безсильна академическая автономія. Доцентуру я могъ бы получить, но согласитесь — въ мои годы, съ моимъ именемъ, это прямо неловко. Друзья въ Берлинѣ пробовали хлопотать, но имъ дали понять, что это преждевременно. Я былъ очень огорченъ, до того, что работа валилась изъ рукъ. Вы повѣрите, надѣюсь, что при моей практикѣ я не нуждаюсь въ выгодахъ государственной службы; я холостъ, братья и сестры имѣютъ свои средства, а на мой вѣкъ хватитъ съ меня и денегъ, и почету безъ этой каѳедры. Но все-таки я былъ очень огорченъ. Вы спросите: но вѣдь есть простое средство?.. На это я вамъ скажу: вашихъ предразсудковъ я не раздѣляю, съ религіей и общиной давно порвалъ всѣ связи, но есть вещи,

которыя мнѣ эстетически противны. Оставалось одно: примириться. Такъ я и сдѣлалъ, а чтобы развлечься поѣхалъ на Востокъ. Повторяю, возможно, что въ выборѣ этого мѣста отдохновенія сыгралъ нѣкоторую роль безсознательный протестъ расоваго чувства. Вы меня обидѣли, такъ вотъ же вамъ, на зло вамъ ѣду въ родную сторону моей расы. Однако же далеко я не поѣхалъ, а удовольствовался Константинополемъ.

Тутъ я и убѣдился, что душа моя душа западника. Рискуя показаться вамъ человѣкомъ безъ чувства прекраснаго, рискуя даже худшимъ - что вы меня заподозрите въ желаніи оригинальничать, я вамъ долженъ признаться, что Константинополь мнѣ совершенно не понравился. Начиная съ прославленнаго Босфора. Я не выношу этой яркости, этого солнца, которое не знаетъ нюансовъ и полутѣней, которое мажетъ грубыми крикливыми красками, словно деревенскій малярь. Увѣряю васъ, что нашъ Гарцъ или Шварцвальдъ изобилуютъ видами, которые гораздо красивѣе Босфора и Золотого Рога. Наше солнце утонченнѣе, деликатнѣе, plus distingué, расчитано на болѣе благородный вкусъ. О самомъ городѣ нечего и говорить. Я ничего не имѣю противъ извилистыхъ и гористыхъ переулковъ, они представляютъ главную прелесть многихъ очаровательныхъ старинныхъ городовъ нашего германскаго юга; но при этомъ нужна же хоть какая ни на есть архитектура, стиль, тонъ. Переулки Стамбула по-моему просто безобразны. Со мною ходилъ по городу одинъ художникъ и очень восхищался, но я въ глубинѣ души думаю, что это было изъ снобизма. А толпа! Шумная, пестрая толпа есть и въ Италіи, но тамъ она всегда благородна, сохраняетъ и въ разнообразіи красокъ, и въ гамѣ извѣстное прирожденное чувство мѣры, никогда не превращается въ то, что видишь на Востокѣ — въ какую-то хроническую свалку воющихъ людей, одѣтыхъ въ дико-окрашенныя тряпки. Нѣтъ, я и въ эстетикѣ западникъ, европеецъ. Эта закваска во мнѣ такъ сильна, что даже романическое приключеніе, которое я тамъ пережилъ, посвящено было дочери Запада и проникнуто западной мечтательно-

стью von einem Hauch westlicher Schwärmerei. Ибо вы должны знать, что я тамъ пережилъ и романическое приключеніе, несмотря на свои пятьдесятъ два года, соціальное положеніе и малую привычку къ дамскому обществу. Правда, это былъ чрезвычайно невинный романъ; переживая это приключеніе, я даже не подозрѣвалъ его романическаго оттѣнка, и понялъ это лишь послѣ развязки.

Я поселился на Принцевыхъ островахъ. Въ сущности, жить по-человѣчески въ Константинополѣ можно только въ роскошныхъ отеляхъ Терапіи и Буюкъ-Дере, потому что тамъ много европейцевъ, мало туземцевъ и почти совсѣмъ не пахнетъ Константинополемъ. Но одна бѣда: всѣ эти мѣста лежатъ на Босфорѣ и главной ихъ прелестью считается видъ на Босфоръ, а я вамъ сказалъ, что этотъ отвратительный проливъ, со своимъ моремъ, размалеваннымъ въ синее, и берегами, размалеванными въ зеленое, былъ мнѣ нестерпимъ. Я поселился на Принкипо. Не спорю, хорошенькій островокъ. Но... его слѣдовало бы отнять у турокъ. Pardon, вы, кажется, туркофилъ; но такъ какъ я-то не собираюсь выпросить у нихъ Палестину, то могу искренно сказать свое мнѣніе. Если бы отобрать Принкипо у турокъ, да завести тамъ европейскій порядокъ, это былъ бы очаровательный островъ. Я поселился въ «Hôtel Giacomo» и тамъ встрѣтилъ ее. Ее звали Edmée, а было ей отъ роду двѣнадцать лѣтъ.

Завтракъ и обѣдъ намъ подавали на террасѣ, надъ самымъ моремъ, за отдѣльными столиками. Неподалеку отъ меня обѣдала семья французскаго консула; мѣсто службы его было не въ Константинополѣ, но онъ сюда пріѣхалъ отдыхать. Онъ и жена были парижане, младшія дѣти родились уже здѣсь, но Эдмэ увидѣла свѣтъ еще въ Парижѣ и росла тамъ до четырехъ лѣтъ. Это мало, но не шутите съ отпечаткомъ Европы! Онъ сказывается. Ему достаточно маленькой щели и крошечнаго мгновенія, чтобы пустить свои корни, оставить свой налетъ. Какъ это происходитъ, я не знаю; въ этомъ есть что-то мистическое. Эдмэ не помнила, конечно, Парижа, воспитывалась она гдѣ-то въ Дедеагачѣ съ до-

черьми левантинцевъ, но на всемъ ея существѣ лежала печать Запада, и она казалась воплощеніемъ утонченной западной культуры in partibus infidelium.

Я еще не былъ знакомъ съ ея семьею, только раскланивался, но ее тотчасъ же замѣтилъ. Она выдѣлялась. Въ нашемъ отелѣ было много левантинцевъ. Надо знать, что это за публика, что это за раса! Много трубятъ о нивеллирующемъ вліяніи Сѣверной Америки, о ея великомъ котлѣ, гдѣ перемѣшиваются и перевариваются всѣ племена, сплавляясь въ единый американскій народъ. И при этомъ никто еще, кажется, не замѣтилъ, что нѣчто подобное наблюдается въ европейскихъ кварталахъ Константинополя, Каира, Александріи. Туда тоже всѣ націи сбываютъ свои осколки, тамъ они перемѣшиваются, и создается новый народъ — левантинцы. Въ Константинополѣ это племя называютъ спеціальнымъ прозвищемъ — «perotte», отъ квартала Перы, гдѣ живутъ эти «европейцы». Хотите знать обычную, типическую родословную средней перотской семьи? Отецъ — итальянецъ, рожденный отъ хорвата и шведки; мать — гречанка, рожденная отъ польскаго эмигранта и румынской цыганки; по паспорту они англичане, а въ семьѣ говорятъ по-французски. Представьте себѣ этотъ букетъ! Вообразите культурную атмосферу, въ которой воспитываются дѣти такой семьи, эту бакалейную смѣсь традицій, предразсудковъ, обычаевъ, возникшихъ подъ разными широтами, дисгармоничныхъ, несоизмѣримыхъ, несовмѣстимыхъ! Они не могутъ привить своимъ дѣтямъ ничего похожаго на чувство общественности, потому что эти люди живутъ абсолютно внѣ всякаго гражданскаго обихода. У нихъ не только нѣтъ гражданскихъ мотивовъ въ душѣ, но нѣтъ и почвы, на которой могли бы вырости цивическія чувства. Возведите понятіе sans-patrie въ кубъ, и вы получите отдаленный намекъ на эту психологію съ совершенно атрофированнымъ нервомъ патріотизма. Отсюда глубочайшій эгоизмъ, самодовольная тупость, полное отсутствіе стимуловъ къ общественной жизни, невѣжество и, наконецъ, простая неблаговоспитанность, всегда свойственная средѣ, потерявшей прочныя традиціи. Таковы они,

таковы ихъ дѣти. Эдмэ была въ этой обстановкѣ, если позволите вспомнить Шекспира, словно бѣлая голубка среди черныхъ воронъ.

Эдмэ была блондинка; личико было у нея миловидное, не больше. Фигура тоненькая, еще совсѣмъ дѣтская, очень граціозная. Одѣвали ее просто, но мило, видна была рука умной матери, хорошій вкусъ и хорошій журналъ дѣтскихъ модъ. Ея левантинскія сверстницы, игравшія вмѣстѣ съ нею на той же террасѣ и въ саду не помню въ какія игры, были почти всѣ гораздо красивѣе; притомъ это были уже маленькія женщины, и одѣвали ихъ нарочно такъ, чтобы подчеркнуть зарождающіяся женственныя линіи. Сами дѣвченки, казалось, объ этомъ знали и поглядывали на мужскую молодежь отеля дразнящими взглядами. Въ этомъ антуражѣ Эдмэ казалась воздушной, существомъ высшаго разряда. Она рѣзвилась гораздо искреннѣе своихъ подругъ, съ гораздо большимъ увлеченіемъ, потому что не думала въ эту минуту о томъ, какъ бы казаться пошзяпгнѣе; но выходило само собою, что она и въ весельи изяшнѣе всѣхъ. сдержаннѣе всѣхъ — болѣе шаловлива, но не такъ крикліва и не такъ рѣзка въ движеніяхъ. Чувствовалось хорошее воспитаніе, всосавшееся въ самую кровь. Глядя на нее, я повѣрилъ въ то, во что никогда не вѣрилъ: что дѣйствительно бываютъ вполнѣ нормальныя, здоровыя, даже умныя дѣвушки, которыя созрѣваютъ въ спокойномъ невѣдѣніи, недоступныя даже мимолетному прикосновенію нечистой мысли, недоступныя даже простому любопытству. Система воспитанія, сложившаяся въ теченіе столѣтій, провѣренная опытомъ многихъ поколѣній, такъ направила ихъ мысль, что она сама собой инстинктивно отскакиваетъ отъ точекъ, которыхъ опасно касаться. Эти дѣвушки созрѣваютъ, не замѣчая своего созрѣванія; бури переходнаго возраста проносятся у нихъ гдѣ-то въ сферѣ подсознательнаго; онѣ растутъ въ здоровой безмятежности, нѣчто предчувствуя, ничего не сознавая, ни о чемъ не любопытствуя. Такою будетъ Эдмэ.

Но и тогда она была уже не ребенкомъ. Я это замѣтилъ, сравнивая съ ея младшей сестрою, которой было лѣтъ десять.

Та иначе обходилась съ мальчиками во время игры, болѣе запросто, болѣе беззаботно, и сама еще была неуловимо похожа на мальчика. Одно уже нѣсколько сторонилась. Молодымъ людямъ отеля она еще кланялась первая и не обижалась, когда они говорили ей ты, но я видѣлъ, что при встрѣчѣ съ существомъ другого пола въ ней уже что-то инстинктивно настораживалось, подбиралось, подтягивалось. Она этого не сознавала, но я это видѣлъ. Великое притяженіе, первые признаки котораго, по странной и мудрой волѣ природы, выражаются въ отталкиваніи, уже смутно пробуждалось въ тайникахъ души, недоступныхъ ея собственному взгляду. Фигура у нея была еще совершенно дѣтская, но жесты, походка, манера, когда она нагибалась, подымалась на цыпочки, останавливалась на бѣгу — все это уже было отъ дѣвушки.

Когда я узналъ ее ближе и присмотрѣлся къ ней, мнѣ пришло въ голову, что это, быть можетъ, самая красивая пора въ развитіи женскаго существа. Конечно, не у всѣхъ женщинъ. Есть вѣдь и знаменитый типъ дѣвочки-подростка съ красными руками и угловатыми манерами; впрочемъ, повѣрьте мнѣ, чѣмъ дальше на Западъ, чѣмъ выше по культурной лѣстницѣ, тѣмъ рѣже онъ попадается. Но есть натуры, у которыхъ этотъ переломъ совершается безъ рѣзкости, какъ бы внутренно, подъ кожей. У такихъ натуръ возрастъ подростка — самый обаятельный, самый поэтическій, самый благоуханный. Я вообще того мнѣнія, что заря лучше утра и полудня, апрѣль лучше мая. Именно тамъ, гдѣ незамѣтно совершаются загадочные переходы природы отъ одного состоянія къ другому, тамъ всего явственнѣе внятенъ ароматъ великой тайны, вѣяніе Бога, пролетающаго мимо съ волшебной палочкой въ рукахъ. Тамъ душа твоя смутно угадываетъ миріады дивныхъ возможностей, изъ которыхъ, вѣроятно, ни одна потомъ не осуществится. Три прекрасныя вещи создалъ Богъ: дѣтство, юность и женщину. Вдумайтесь, какъ возвышенно-красивъ долженъ быть моментъ, когда эти три прекрасныя вещи сплетаются воедино — когда въ душѣ и тѣлѣ женщины свершается перерожденіе отъ дѣтства къ

юности! Если бы я не боялся, что вы меня примете, Gott bewahre, за любителя парадоксовъ, я бы сказалъ, что женщина, собственно говоря, съ четырнадцати лѣтъ начинаетъ старѣть. — Впрочемъ, можетъ быть это все объясняется тѣмъ, что я старый, убѣжденный холостякъ, слишкомъ мало женщинъ видавшій на своемъ вѣку. Можетъ быть. Какъ хотите. Но это — мое мнѣніе, и при немъ я остаюсь.

Мы подружились. Передъ закатомъ, когда дѣти переставали играть, Эдмэ приходила ко мнѣ въ садъ, еще съ куклой, серсо или скакалкой въ рукахъ, и мы начинали бесѣдовать. Она говорила и какъ дитя, и какъ женщина. Болтала она обо всѣхъ пустякахъ дѣтской жизни, объ играхъ, о пансіонѣ, мило и чуть-чуть сплетничала о своихъ подругахъ здѣшнихъ и школьныхъ, объ ихъ семьяхъ и гувернанткахъ, передавала свои проказы — чрезвычайно тонкія, граціозныя, хорошаго тона проказы; и вдругъ переходила къ серьезнымъ вопросамъ — о добрѣ, о злѣ, о Богѣ. Однажды она мнѣ разсказала свои мысли объ эгоизмѣ. Ея миссъ увѣряетъ, что человѣкъ долженъ быть такой добрый, чтобы ему легче было самому умереть съ голоду. чѣмъ не дать голодному хлѣба. Но если такъ, то гдѣ же заслуга? Если творишь благо потому, что это тебѣ доставляетъ удовольствіе, то развѣ это не тотъ же эгоизмъ? Она сама, Эдмэ, подарила однажды дѣвочкѣ въ пансіонѣ свою брошку съ сердоликомъ, потому что дѣвочка ужасно завидовала ей и плакала; но Эдмэ совсѣмъ не хотѣлось такъ поступить, она заставила себя, и потомъ сама всю ночь горько плакала. Если послушать миссъ, то это еще не значитъ быть хорошей, а надо стать такою, чтобы твои руки такъ и рвались сами все отдать. Какъ вы думаете, кто правъ? Въ другой разъ оказалось, что она сторонница смертной казни. Казнить надо убійцъ и политическихъ преступниковъ, а, кромѣ того, такихъ мужчинъ, которые покидаютъ жену и дѣтей ради новой любви. Она не понимаетъ, какъ можно примириться съ измѣной. Когда ей въ пансіонѣ измѣнила подруга, Эдмэ съ ней перестала говорить и никогда въ жизни уже не помирится. Со своего младшаго брата Андрэ она взяла клятву, что если когда-нибудь

мужъ ей измѣнитъ, она вызоветъ Андрэ телеграммой изъ Сингапура, гдѣ онъ тогда будетъ консуломъ, и онъ убьетъ того человѣка.

Но о чемъ бы она ни говорила, о Лукени, который убилъ императрицу Елизавету, или о своей подругѣ Клео, которая ужасно прожорлива, она себя держала, какъ взрослая. Содержаніе бесѣды могло быть ребяческимъ, форма и манера говорили о томъ, что предо мною женщина. Въ чемъ это проявлялось, я не могу точно опредѣлить. Un je ne sais quoi. Разъ ко мнѣ пріѣхали два господина и провели на островѣ день; я ихъ познакомилъ съ Эдмэ, и они вынесли то же впечатлѣніе. Она не дичилась, а просто сначала присматривалась и только отвѣчала на вопросы, а потомъ разговорилась, и получилось впечатлѣніе, что это маленькая умная хозяйка занимаетъ свой салонъ. Она то шутила, то становилась серьезна; загадывала намъ загадки, разспрашивала о Россіи (мои гости были ваши соотечественники), разсказывала о городѣ, гдѣ папа былъ консуломъ. Старшій изъ моихъ гостей былъ сѣдой старикъ; когда смерклось, она спросила, не сыро ли, не принесть ли ему плэдъ. Но другой былъ молодой человѣкъ лѣтъ 37, съ красивой бородой, и я замѣтилъ, что она нѣсколько разъ внимательно скользнула по его лицу глазами, а вообще держала себя съ нимъ какъ-то осторожнѣе, чѣмъ съ нами, избѣгала прямо къ нему обращаться, и на его вопросы отвѣчала короче, и голосъ ея тогда звучалъ какъ-то замкнуто.

Черезъ недѣлю послѣ этого Эдмэ пришла въ садъ безъ куклы и серсо и сказала мнѣ, что завтра они уѣзжаютъ. Мнѣ стало невыразимо грустно, до того грустно, что я мысленно разбранилъ себя. Что такое? Какъ не стыдно? Съ одной стороны, мнѣ все-таки пятьдесятъ два года, и не могъ же я влюбиться въ эту дѣвочку; съ другой стороны, я все же еще не такъ одряхлѣлъ, какъ во время оно царь нашъ Давидъ, въ которомъ только теплота чужой юности могла поддерживать біеніе жизни. Такъ я себя уговаривалъ, но сердце мое болѣло, и Эдмэ прочла это по моему лицу. Она вдругъ стихла и пристально, не отводя взора и не мигая, смотрѣла

5*

мнѣ въ глаза; ея синіе глаза совсѣмъ потемнѣли. Одно мгновеніе мнѣ казалось, что изъ подъ ея рѣсницъ побѣгутъ слезы; еще одно мгновеніе мнѣ казалось, что она станетъ колѣнями на скамью и кинется мнѣ на шею. Но она не заплакала и не кинулась, а только тихо, почти неосязаемо положила руку на мой рукавъ и сказала особеннымъ, тихимъ, груднымъ, сосредоточеннымъ голосомъ, какого я еще не слышалъ и не подозрѣвалъ, голосомъ женщины, которая все и давно поняла:

— Я *тоже* буду тосковать о васъ, мой единственный другъ на Принкипо.

Признаюсь, у меня было движеніе поцѣловать ей руку, но я во время опомнился. Я увѣренъ, что она бы не удивилась, но я самъ почувствовалъ, что нельзя. Я даже не погладилъ ея волосъ. Я проглотилъ что - то такое, что стояло поперекъ горла, и сказалъ, лишь бы что - нибудь сказать, криво улыбаясь:

— Развѣ я вашъ единственный другъ на Принкипо, Эдмэ? А подруги ваши по играмъ? А Клео?

И тогда она мнѣ отвѣтила буквально слѣдующее... Эти слова, что называется, еще звучатъ въ моихъ ушахъ. Я, однако, начинаю колебаться, передать ли вамъ ихъ: мнѣ теперь только пришло въ голову, что вы изъ нихъ сдѣлаете свои излюбленные выводы. Впрочемъ, такъ и быть, знаете романъ, знайте и развязку. Она отвѣтила буквально слѣдующее:

— Ахъ, Клео... Знаете, вѣдь она еврейка, этимъ все сказано. Я вообще зато не люблю Принкипо, что тутъ всегда масса евреевъ. Они такіе вульгарные, я не выношу. А вы?

ДІАЛОГЪ

(1912.)

По поводу бойкота евреевъ въ Польшѣ я слышалъ такой діалогъ:

Въ общемъ, знаете, евреи — довольно бездарное племя.

Это парадоксъ. Даровитость евреевъ вошла чуть ли не въ поговорку.

Не всякой поговоркѣ вѣрь. Вотъ, напримѣръ, даже въ еврейскихъ газетахъ пишутъ, будто еврейскіе писатели во всѣхъ странахъ стоятъ на второмъ и третьемъ планѣ. За исключеніемъ Гейне, еврейская нація, молъ, занимается поставкой второстепенностей, посредственностей, компримаріевъ для европейскихъ литературъ. Такъ они пишутъ. Я не берусь судить, правда ли это — литература не моя спеціальность. Я человѣкъ коммерческій. И могу твердо сказать одно: въ торговлѣ — евреи далеко не на высотѣ своей репутаціи. На фонѣ варшавскаго бойкота это теперь ясно видно. Казалось, евреи въ варшавской торговлѣ огромная, непобѣдимая сила. А между тѣмъ — смотрите, они уже не на шутку боятся бойкота, чувствуютъ, что à la longue онъ можетъ ихъ опрокинуть. И теперь обнаруживается, что, собственно, большинство еврейскихъ торговыхъ дѣлъ въ этой самой Варшавѣ лишено настоящей коммерческой солидности и что еврейское купечество дезорганизовано. До сихъ поръ оно ничего не сдѣлало для самопомощи, для самозащиты — и въ его собственной средѣ раздаются голоса, что и впредь ничего не сумѣютъ сдѣлать. Не потому, чтобы было невозможно: напротивъ, если разумно поставить дѣло экономической самозащиты, можно было бы спокойно смѣяться надъ бойкотомъ въ Варшавѣ и даже въ провинціи. Но

они не сумѣютъ. Евреи никуда не годятся какъ органи заторы. Теперь, когда имъ такъ нуженъ кредитъ, вдругъ оказывается, что даже кредитъ не въ ихъ рукахъ. Казалось, будто въ банкахъ евреевъ много, а поляковъ мало — на повѣрку обнаруживается, что банки тоже ведутъ польскую политику Почему? Потому что поляки умѣютъ дѣйствовать, а евреи бездарны. Что, напримѣръ, естественнѣе: разъ поляки бойкотируютъ еврейскія лавки, евреи сами должны поддерживать свою торговлю. Дѣйствительно, теперь много даже богатыхъ еврейскихъ семей (до сихъ поръ богатые льнули къ полякамъ) отъ всей души хотѣли бы все покупать только въ еврейскихъ магазинахъ. Что же оказывается? Что въ этихъ роскошныхъ магазинахъ подъ золотыми вывѣсками на Маршалковской настоящаго первосортнаго товара нѣтъ. Есть «почти первый сортъ», а за дѣйствительно полноцѣннымъ прима-квалитетомъ приходится стучаться къ католикамъ. Смѣшно же требовать отъ богатой женщины, чтобы она изъ патріотизма ходила по улицѣ въ шляпкахъ второго сорта или обставила свою гостиную «тандетной» мебелью. Значитъ, надо еврейскимъ торговцамъ подтянуться, завести первый сортъ. На это нужны деньги, кредитъ. А кредитъ — во враждебныхъ рукахъ Казалось, чего проще: организуйте свой кредитъ? Велика ли мудрость? Кто этого теперь не умѣетъ? А вотъ подите же, они, эти купцы съ Маршалковской, не умѣютъ. Топчутся безтолково на одномъ мѣстѣ, жалуются, охаютъ, и никакихъ результатовъ.

— Это временно. Они еще не собрались съ мыслями. Бойкотъ ударилъ такъ неожиданно. И они вѣдь еще не вѣрятъ въ его продолжительность. Если онъ окажется въ самомъ дѣлѣ долгосрочнымъ, то будьте спокойны, они сорганизуются, будетъ у нихъ и кредитъ, и прима-квалитетъ,и богатые покупатели...

— Я въ это мало вѣрю. Вспоминаю теперь, что признаки этой самой «второсортности» еврейскаго купца наблюдалъ я не въ одной Варшавѣ. Всюду, понимаете ли: *всюду* — настоящаго перваго сорта въ еврейской лавкѣ не ищи. Вотъ

вы одессить. Спросите коммерсантовъ какія фирмы въ Одессѣ солиднѣе — христіанскія или еврейскія? Или же проще: спросите любую даму (хотя бы еврейку) изъ зажиточнаго круга, въ чью лавку она пойдетъ, когда понадобится ей *очень* хорошая матерія, или кому закажетъ бальныя туфли? Къ какому портному вы сами обратитесь, если вамъ приспичило бы одѣться съ настоящимъ шикомъ? Словомъ, я ужъ тамъ не знаю, правда ли, что евреи поставляютъ комприматріевъ въ литературу, но что въ торговлѣ, въ ремеслѣ, вообще въ дѣловой области евреи, за ничтожными исключеніями, только компримаріи — это для меня безспорно.

— Удивительно! Откуда же, извольте объяснить, откуда же все-таки взялась у всего міра увѣренность, что сама исторія выработала въ евреяхъ особый навыкъ къ коммерціи?

— Охотно вѣрю, что это такъ и было. Но многое изъ того, что было, начинаетъ распадаться и разлагаться. У евреевъ когда-то была религія, теперь она трещитъ по всѣмъ швамъ. У нихъ когда-то была прочная семейная жизнь, теперь она постепенно превращается въ то, что изобразилъ Юшкевичъ въ той пьесѣ, какъ ее — не помню. Но знаете, я не націоналистъ, я только практическій человѣкъ; поэтому жалко мнѣ больше всего не религіи, не стараго быта. Я думаю, что въ концѣ концовъ и безъ этого всего можно жить. Жалко мнѣ больше всего одной черты, которая исчезаетъ: доброй старой еврейской расчетливости. Вотъ именно той самой, за которую еврея ругали скрягой, копеечникомъ, гешефтмахеромъ. Въ старину еврей понималъ свое положеніе. Государства у него нѣтъ, физической мощи нѣтъ; остается одно — экономическая сила, и ее надо беречь пуще зѣницы ока. Велика ли она, мала ли, — ее надо беречь, потому что другого оружія нѣтъ. И онъ берегъ и стерегъ это оружіе. Мысль его была всегда направлена на коммерцію... скажу прямо: на деньги — и эта односторонность была совершенно законной въ его положеніи. Анекдотическій мальчикъ изъ хедера, который на вопросъ: сколько будетъ девяносто плюсъ тридцать? — отвѣтилъ:

рубль двадцать копеекъ! — этотъ мальчикъ, повѣрьте мнѣ, былъ молодчина, понималъ свое положеніе и зналъ, въ чемъ сила безправнаго племени. И оттого я вѣрю, что въ старыя времена евреи дѣйствительно были хорошими, первоклассными коммерсантами. Но теперь это все измѣнилось. Того мальчика изъ хедера больше нѣтъ. Онъ давно поступилъ въ гимназію — по крайней мѣрѣ въ частную съ правами для учащихся. Его мама, окончившая восемь классовъ, съ гордостью говоритъ своимъ знакомымъ: — мой Сережа уже въ шестомъ, но я до сихъ поръ кладу ему въ ранецъ салфеточку съ завтракомъ, а не деньги на завтракъ. Не хочу, чтобы онъ привыкалъ къ деньгамъ. Еще станетъ копеечникомъ. Фи! — И въ результатѣ посмотрите: вѣдь и на самомъ дѣлѣ исчезаетъ типъ еврея-копеечника. Въ среднемъ классѣ еврейства почти слѣда уже не осталось отъ копеечничества — отъ того узкаго, мѣщанскаго, жидовскаго копеечничества, которое умѣло соразмѣрять расходы съ доходами и откладывать денежку на черный день. Фи! Нынѣшніе поступаютъ иначе. Для еврейской буржуазіи стало теперь святымъ правиломъ: жить не по средствамъ. Отъ бережливости не осталось и памяти. Никогда русская, польская, нѣмецкая семья при равныхъ достаткахъ — не задаетъ столько шику, сколько еврейская. Начиная съ глупостей. Современный еврей любитъ на всемъ переплачивать. Напримѣръ, онъ даетъ идіотскіе «на-чай» кельнеру, какихъ никогда не дастъ самый тароватый русскій: онъ боится, чтобы «не подумали». Я знаю интеллигентовъ, которые уже рѣшительно не въ состояніи торговаться въ магазинѣ. Съ нихъ запрашиваютъ 10 рублей за вещь, которой цѣна завѣдомо 9, — русскій, нѣмецъ, полякъ безъ всякаго стѣсненія запротестовалъ бы, но образованному еврею неловко, онъ боится, какъ бы «не подумали», будто онъ расчетливъ и бережливъ, будто онъ (фи!) копеечникъ. И всей своей жизнью онъ старается демонстрировать, что онъ, Боже упаси, ничуть не копеечникъ. Для сего его жена и дочки одѣваются не по средствамъ, ходятъ они въ театръ не по средствамъ, ѣздятъ заграницу не по средствамъ, въ ихъ квартирѣ на двѣ комнаты

больше, чѣмъ слѣдуетъ по средствамъ, обстановка не по средствамъ....

Это только доказываетъ, что у нихъ культурныя потребности больше развиты, болѣе утончены.

Ужасайтесь, если васъ это ужасаетъ. А я вижу только одно: въ результатѣ у евреевъ нѣтъ наслѣдственной зажиточности, а у христіанъ она есть. У христіанъ есть семьи, гдѣ прадѣдъ началъ копить, дѣдъ продолжалъ и теперь правнуки продолжаютъ. Въ еврейской буржуазіи обычный типъ таковъ: «когда я былъ маленькій, у насъ дѣла были ничего себѣ, но потомъ обстоятельства испортились, и послѣ смерти отца очистилось намъ триста рублей и двѣ кровати». И каждый начинаетъ сначала, и дѣтямъ оставитъ тоже двѣ кровати. На этой почвѣ идетъ поголовное экономическое вырожденіе. Молодежь безъ оглядки бѣжитъ прочь изъ коммерціи, бѣжитъ прочь съ какимъ-то паническимъ отвращеніемъ, и это ужаснѣе всего. Въ Ярославлѣ купчина, трижды милліонеръ, держитъ сынишку до третьяго класса въ гимназіи, а потомъ забираетъ его въ торговлю, и крупное дѣло перейдетъ отъ отца къ сыну, какъ перешло отъ дѣда къ отцу. А разспросите крупнѣйшихъ изъ еврейскихъ торговцевъ или банкировъ Одессы: велика-ль у нихъ надежда на сыновей? Три четверти этихъ сыновей внутренно стыдятся коммерціи по той же причинѣ, по которой не выносятъ чесноку - милаго чесноку, стараго вѣрнаго друга гонимой націи, столько поколѣній спасавшаго ее отъ голодной смерти... Еще хуже обстоитъ дѣло съ ремесломъ. Послѣдніе годы я шью платье нарочно у разныхъ портныхъ. Все хорошіе еврейскіе портные, съ именемъ и многолѣтней кліентурой. Спрашиваю одного: сынъ есть? Есть. Гдѣ учится? Въ консерваторіи. Другого: сынъ есть? Есть. Гдѣ учится? На юридическомъ — въ Гейдельбергѣ. — Да кому же вы, чортъ васъ побери, оставите мастерскую черезъ сто двадцать лѣтъ? - Отвѣтъ: я знаю? можетъ быть, старшій мастеръ купитъ... — Помяните мое пророчество: черезъ тридцать лѣтъ вся торговля и все ремесло Одессы уйдетъ изъ еврейскихъ рукъ.

— Противъ чего же вы протестуете? Противъ стремленія къ знанію, которое есть лучшая гордость еврейской молодежи?

— Вы меня громкими словами не пугайте. Ломаный грошъ я вамъ дамъ за эту лучшую гордость. Во-первыхъ, не надо преувеличивать. Дѣло тутъ не только въ собственномъ стремленіи. Больше всего внѣшняя сила гонитъ еврейскаго юношу въ школу...

— Побойтесь Бога! Что вы городите? Внѣшняя сила, напротивъ, *не пускаетъ* его въ школу. Вы забыли о процентной нормѣ?

Нѣтъ, не забылъ. Конечно, дверь школы заперта. Но, тѣмъ не менѣе, внѣшняя сила гонитъ еврейскую молодежь къ порогу этой школы, гонитъ подъ неслыханнымъ, безпримѣрнымъ давленіемъ — и заставляетъ биться головой объ эту запертую дверь. Ибо каждое еврейское дитя выростаетъ въ сознаніи, что дипломъ — это единственный честный путь къ элементарнымъ человѣческимъ правамъ. Это — колоссальный стимулъ. Еще нигдѣ, никогда, никого не гнали съ такой силой въ русскую школу, какъ гонятъ евреевъ. Не впускаютъ — но гонятъ. Заставляютъ десятки тысячъ мечтать объ этой школѣ, налаживать всю свою психику примѣнительно къ ея требованіямъ, дрессировать себя по ея дисциплинѣ даже за порогомъ ея — потому что въ ней единственный путь къ избавленію отъ убійственной пытки безправія. А вы, любители громкихъ словъ, называете это стремленіемъ къ знанію, «свойственнымъ еврейской націи». Болтовня. Въ Австріи живутъ такіе же евреи, какъ и здѣсь, процентной нормы нѣтъ, но и такого натиска въ университеты и въ гимназію тоже нѣтъ. Въ университетъ идутъ тамъ люди со средствами; въ Россіи каждый еврейскій бѣднякъ мечтаетъ вывести сына въ доктора. Дѣло тутъ не въ жаждѣ знанія, а въ прелестяхъ россійскаго режима. Этотъ режимъ создаетъ много болѣзненныхъ явленій, и одно изъ нихъ то, что евреи, вмѣсто стремленія къ здоровой экономической дифференціаціи, начинаютъ стремиться къ пре-

вращенію въ сплошную нацию помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. . .

Чортъ знаетъ что. . . вы какой-то гонитель просвѣщенія. Даже слушать тошно.

- Слушать правду всегда тошно. Она горькая. И ничуть я не гонитель просвѣщенія. О пользѣ просвѣщенія могу наговорить не меньше горячихъ словъ, чѣмъ вы, и вполнѣ искренно. Я только прошу не забывать, что здѣсь дѣйствуетъ далеко не одна внутренняя жажда знанія, но и внѣшній факторъ - и факторъ очень уродливый. Противъ жажды знанія ничего не имѣю. Но при одномъ условіи: чтобы она не мѣшала профессіональной дифференціаціи. Бѣда вѣдь не въ томъ, что сынъ крупнаго портного получитъ высшее образованіе (дай Богъ побольше!), а въ томъ, что онъ тогда броситъ отцовскую мастерскую съ ея прочной кліентурой и начнетъ, высуня языкъ, бѣгать по мировымъ судамъ. Въ Европѣ сплошь и рядомъ вы найдете людей съ высшимъ образованіемъ, которые стоятъ во главѣ мебельной и сапожной мастерской, унаслѣдованной отъ отца. Вѣроятно, они даже вносятъ въ старое дѣло новые пріемы, такъ что и дипломъ ихъ идетъ впрокъ ихъ мастерству. Я ужъ и въ Петербургѣ встрѣчалъ за прилавками крупныхъ магазиновъ и крупныхъ мастерскихъ хозяйскаго сына въ эполетахъ политехника, хозяйскую дочь съ дипломомъ Бестужевскихъ курсовъ. Это другое дѣло, это прекрасно. Но вѣдь у евреевъ не то. Еврей съ дипломомъ обязательно гнушается коммерціи, не говоря уже объ его отношеніи къ «какой-нибудь» портняжеской или мебельной мастерской, хотя бы это было старое, прочное, налаженное дѣло. Онъ пойдетъ въ коммерцію только по крайней неизбѣжности, когда всѣ другія щели закрыты, пойдетъ съ опущенной головой, съ внутреннимъ отвращеніемъ, какъ идетъ человѣкъ на нѣчто унизительное. Легко представить, какой изъ него получится коммерсантъ. Позвольте спросить: съ какой стати это презрѣніе? Гдѣ сказано, что коммерція, индустрія, мануфактура даютъ меньшій просторъ интеллигенту, чѣмъ «свободныя» профессіи? Абсурдъ. Да хотя бы ваше одесское хлѣбное

дѣло если взяться за него съ умомъ — требуетъ гораздо больше творчества и знаній, чѣмъ, напримѣръ, адвокатура съ ея бумагой и рутиной... Я живу въ большомъ губернскомъ городѣ, встрѣчаюсь съ разнымъ народомъ, и долженъ васъ увѣрить, что интеллигентность далеко не совпадаетъ съ «интеллигентной профессіей». Наши адвокаты, врачи, инженеры ничего, кромѣ газетъ, не читаютъ — даже по спеціальности. Но, кромѣ того, у нихъ у всѣхъ очень тѣсный кругъ интересовъ: ихъ бесѣда никогда не выходитъ за предѣлы города, уѣзда, максимумъ — округа судебной палаты. Даже сплетни за предѣлами этой грани ихъ не занимаютъ, вѣрнѣе — просто не доходятъ до нихъ, въ силу самой ихъ профессіи. А съ другой стороны есть у насъ сахарные заводчики и сахарные маклера. Это люди безъ дипломовъ, иногда самоучки, и отсутствіе лоска, понятно, чувствуется. Но кругъ ихъ интересовъ гораздо шире. Сказывается то, что имъ въ силу самой профессіи приходится имѣть дѣло съ отголосками міровыхъ конъюнктуръ, учитывать политическія и экономическія явленія, происходящія за тридевять земель. И эту разницу можно прослѣдить не только въ нашемъ городѣ. Она, повидимому, замѣчена и за границей. Недавно я въ вагонѣ прочиталъ романъ «Новь», не помню какого норвежца знаете, въ дешевомъ желтенькомъ изданіи. Весь романъ написанъ для униженія интеллигентовъ и прославленія коммерсантовъ: они, молъ, истинная интеллигенція страны, они надежда родины. Поэтому по всему я вамъ заявляю, что поголовное бѣгство еврейской молодежи прочь отъ коммерціи въ «интеллигентныя» да въ «либеральныя» профессіи не имѣетъ подъ собою никакой либеральной и никакой интеллигентной подкладки. Поскольку оно не есть просто результатъ безправія, оно есть результатъ особой психической болѣзни, которую я раньше назвалъ: боязнь чеснока. Молодой еврей съ дипломомъ (или даже только съ тщетной мечтой о дипломѣ) воротитъ носъ отъ торговли по той же причинѣ, по которой именуетъ себя Игнатіемъ Савельевичемъ. Пора бы взяться за умъ. Все это смѣшно, стыдно — а главное: глупо. Столько вѣковъ

коммерція была главной опорой еврейскаго народа. Съ какой стати выпускать изъ рукъ эту крѣпость? Развѣ уже доказано, что на смѣну готовы новыя крѣпости, достаточно прочныя? Если бы я былъ общественнымъ дѣятелемъ, я выставилъ бы лозунгомъ для еврейской интеллигентной молодежи: назадъ къ прилавку, назадъ въ магазины, въ банки, на биржу; или, вѣрнѣе, не только въ коммерцію, потому что молодежь должна ухватиться обѣими руками и за мануфактуру, и за мастерскія, вообще за «дѣловыя» дѣла. . .

Нижеподписавшійся, по своему обычаю, сидѣлъ въ сторонкѣ, молчалъ, слушалъ, записалъ и не отвѣчаетъ ни за доводы, ни за выводы.

СТРАННОЕ ЯВЛЕНІЕ

(1912)

Газеты одного крупнаго города черты осѣдлости, описывая тамошнюю попытку публичнаго чествованія памяти Коммиссаржевской, устроенную литературно - артистическимъ клубомъ, отмѣтили, что русской публики на торжествѣ было мало, а зато было очень много публики еврейской. Это, дѣйствительно, любопытное явленіе; мнѣ давно хотѣлось его отмѣтить и побесѣдовать на эту тему, но не рѣшался. Ни для кого не тайна, что литературные клубы въ чертѣ осѣдлости вообще на девять десятыхъ посѣщаются евреями; огромное большинство членовъ — тоже евреи. Арійскій элементъ представленъ обычно десяткомъ - другимъ отдѣльныхъ любителей слова и музыки; пусть это талантливые и симпатичные люди, но ихъ мало. Остальная, массовая часть членовъ и посѣтителей состоитъ изъ евреевъ.

Читатель, вѣроятно, тутъ заспоритъ и скажетъ: «позвольте, что же въ этомъ дурного — напротивъ, очень хорошо, что евреи такъ отзывчивы, такъ интересуются — это дѣлаетъ имъ честь»... Честь или не честь, это другой вопросъ, но займемся пока не евреями, а русскими. Гдѣ они? Отчего не приходятъ? Почему они такъ мало отзывчивы, почему они не интересуются, почему они не хотятъ «дѣлать себѣ честь»?

Странно: вѣдь арійская интеллигенція велика и обильна. Несомнѣнно, есть же въ томъ городѣ достаточно образованной русской публики, чтобы заполнить три такихъ зала, особенно, если присчитать учащуюся молодежь. Отчего же *эти* не ходятъ? Вотъ, оказывается, и въ Петербургѣ ихъ не

было на вечерѣ памяти Коммиссаржевской. Петербургъ въ этомъ отношеніи особенно характеренъ. Городъ русскій, евреи тамъ врядъ ли составятъ и 2 сотыхъ населенія. Тамъ тоже было, а можетъ и теперь есть, литературное общество аналогичнаго типа, «объединяющее всѣ національности». И на рефератахъ этого общества очи видѣли ту же знакомую картину: 10—15 репрезентативныхъ христіанъ изъ радикальной литературы, а въ публикѣ почти исключительно евреи. Что за притча? Гдѣ русская интеллигенція? Смѣшно вѣдь даже спрашивать, есть ли она въ столицѣ, интересуется ли дѣлами культуры. Это вѣдь *она* создаетъ русскую культуру, *она* создала все, что было цѣннаго въ русской литературѣ, *она* создала и Коммиссаржевскую. Въ чемъ же дѣло?

Лучшимъ отвѣтомъ на вопросъ было бы узнать мнѣніе самихъ отсутствующихъ — мнѣніе тѣхъ самыхъ русскихъ интеллигентовъ, которые культуру-то создаютъ, а на рефераты и вечера извѣстнаго рода упорно не ходятъ. Но мнѣ ихъ взглядъ совершенно неизвѣстенъ. Зато приходилось часто говорить объ этомъ «странномъ» явленіи съ ихъ, такъ сказать, замѣстителями, — съ еврейскими ассимиляторами. Многіе изъ нихъ вообще не желаютъ говорить на эту тему. Они не замѣчаютъ. Но нѣкоторые, все же, разговорились и разоткровенничались. У меня получилось отъ этой откровенности странное впечатлѣніе. Они мнѣ говорили извѣстныя старыя вещи: что евреи — прекрасный ферментъ, что ихъ миссія — будить всюду интересъ къ идеѣ и культурѣ, что они — авангардъ, увлекающій за собою неповоротливыхъ домохозяевъ, и пр. Я, какъ извѣстно, грѣшникъ, считаю національность альфой и омегой своей вѣры, дорожу ею больше, чѣмъ прогрессомъ, и т. д. Но, признаюсь, я совершенно не способенъ проникнуться этимъ взглядомъ на еврея, какъ на соль земли, безъ которой остальные вахлаки совсѣмъ бы закисли. Для меня совершенно ясно, что не только эллины въ древности, но и многіе народы въ настоящее время, напримѣръ, англичане и нѣмцы, куда талантливѣй евреевъ во всемъ, рѣшительно во всемъ, начиная съ литературы и кончая банкирскими конторами. Я въ этомъ не

вижу никакой обиды для евреевъ, потому что не смотрю на нихъ, какъ на народъ, который всю жизнь держитъ передъ кѣмъ-то экзаменъ и долженъ непремѣнно получать всѣ пятерки. Право народа на самобытность и равенство не нуждается ни въ какихъ оправданіяхъ. Конечно, разъ мы тутъ по Европѣ околачиваемся столько вѣковъ, мы естественно принесли ей много пользы, обогатили ея жизнь; иначе и быть не могло — вѣдь и мы же не лыкомъ шиты, и если занимаемъ среди историческихъ націй не первое мѣсто, то и не послѣднее. Но смѣшно пересаливать. Не будь евреевъ, культурный міръ тоже бы теперь не въ лаптяхъ ходилъ. Въ частности, русскій народъ свою литературу создалъ безъ всякой помощи евреевъ, такъ же, какъ и французскій, и англійскій, и итальянскій. Да будетъ позволено спросить: если бы въ Петербургѣ и Одессѣ совсѣмъ не было евреевъ, неужели тамъ и здѣсь такъ-таки никогда не возникли бы литературные клубы? Мое скромное мнѣніе таково: не только возникли бы, но и процвѣтали бы не меньше теперешняго, только публика была бы въ нихъ — русская.

Здѣсь я долженъ привести мнѣніе одного извѣстнаго журналиста, родомъ изъ евреевъ. Прошу читателя не принять эту ссылку за литературный пріемъ: это былъ настоящій разговоръ съ настоящимъ извѣстнымъ журналистомъ еврейскаго происхожденія. Онъ живетъ въ русскомъ городѣ, русскими интересами, вращается почти исключительно въ русскомъ обществѣ, слѣдовательно, знаетъ ту самую публику, которая «не ходитъ»; кромѣ того, самъ пользуется репутаціей умнаго, образованнаго и хладнокровнаго человѣка. Я всегда зналъ его за ассимилятора; впрочемъ, онъ не отрицалъ того, что еврейство національзируется, но не сочувствовалъ этому процессу. Рѣчь зашла о томъ самомъ «странномъ» явленіи: что «они» «не ходятъ». Совершенно ручаюсь за точную передачу мысли моего собесѣдника:

— Я вотъ что здѣсь наблюдаю уже не въ первый разъ, — сказалъ онъ. — Возникаетъ какое-нибудь общество или, скажемъ, литературный органъ; основатели его — русскіе люди съ именами. (Это не всегда бываетъ такъ, но я на-

рочно беру только тѣ именно случаи, когда основатели русскіе). Когда дѣло налаживается и машина пущена въ ходъ, первое время все идетъ нормально. Русская публика интересуется, участвуетъ, посѣщаетъ, читаетъ и сама пишетъ. Но со второго или третьяго мѣсяца начинается наплывъ евреевъ. Основатели радушно ихъ принимаютъ, даже очень рады — знаете, нѣтъ вѣдь ничего добродушнѣе и искреннѣе хорошаго русскаго интеллигента; онъ, право, по большей части и не замѣчаетъ, кто вы такой. Черезъ нѣсколько недѣль — ваша аудиторія полна евреевъ. И тогда вы начинаете замѣчать странную вещь: по мѣрѣ того, какъ прибываютъ евреи, убываютъ русскіе. Не только въ смыслѣ процента, но абсолютно. Гдѣ ихъ прежде было 100, тамъ ихъ остается 20. Уходятъ. Не ругаются, не сердятся, не жалуются, вообще ничего не говорятъ, а просто отстраняются. Спросишь ихъ: почему? — Сами не умѣютъ объяснить. Да, да, вы правы, надо будетъ опять записаться, просто, знаете ли, вылетѣло изъ головы... Иногда я въ этомъ чувствую привкусъ сознательной юдофобіи; но, право, гораздо чаще ничего подобнаго не могу нащупать. А вижу только разительное паденіе интереса къ дѣлу именно съ того момента, какъ имъ такъ ревностно заинтересовались евреи. Оно съ этого мгновенія какъ бы стало для русской публики чужимъ, ее туда уже больше не тянетъ, ей тамъ больше не уютно и незанятно, хотя сюжеты преній или статей остались тѣ же. Это повторяется и съ обществами, и съ газетами, — быть можетъ и съ партіями — и, говорю вамъ, не въ первый разъ. Чѣмъ это объяснить, я не знаю; но нельзя отрицать, что есть какое-то невидимое «отталкиваніе». И вотъ мой выводъ: хорошо это или печально, но Россія должна будетъ пройти черезъ полосу національнаго размежеванія точно такъ же, какъ проходитъ черезъ нее Австрія. Придется взять эту линію и евреямъ, отмежеваться въ обоихъ смыслахъ: политически и культурно. Я, конечно, исключаю тотъ десятокъ-другой евреевъ, которые для еврейства — отрѣзанные ломти, давно ушли, завязали новыя связи и пустили корни въ чужой средѣ. Но еврейское общество въ цѣломъ

должно будетъ отграничить себя отъ русскаго и въ политикѣ и въ культурѣ. Этимъ оно окажетъ большую услугу и себѣ и русскимъ: оно имъ дастъ, наконецъ, возможность организоваться внутри себя, по своему, безъ постороннихъ примѣсей, которыя въ такомъ количествѣ для нихъ очевидно непріемлемы. . .

За точную передачу мысли, какъ уже сказано, я ручаюсь. Ручаться за правильность наблюденія и вывода, конечно, не мое дѣло. Я не знаю ни той публики, ни ея настроеній. Но позволю себѣ напомнить тѣмъ, для которыхъ эти щекотливые вопросы поневолѣ должны быть интересны, что «странное» явленіе, все-таки, должно имѣть свою причину. И до тѣхъ поръ, пока жива на свѣтѣ логика, эта причина можетъ быть только одна изъ двухъ. Она или въ русской интеллигенціи, или въ еврейской. Или первая органически неспособна интересоваться, откликаться, реагировать и т. д., и только евреи, эти единственные ангелы-хранители русской культуры въ Петербургѣ и на окраинахъ, еще спасаютъ положеніе, держатъ знамя и прочая, и тогда остается только изумлятъся, откуда у этого равнодушнаго русскаго племени взялось столько творческаго подъема, чтобы создать безъ всякой еврейской помощи Толстого или Коммиссаржевскую. — Или *ихъ* къ евреямъ просто «не тянетъ», и когда они видятъ, что на ихъ собственномъ праздникѣ танцуетъ слишкомъ много евреевъ, то даже лучшіе изъ *нихъ* предпочитаютъ праздновать у себя дома; и если это такъ, то евреямъ и дальше придется нести на себѣ лестную роль единственныхъ музыкантовъ на чужой свадьбѣ — съ которой хозяева ушли.

НА ЛОЖНОМЪ ПУТИ

(1912.)

Замѣтка о «странномъ явленіи» вызвала оживленный газетный споръ, но споръ этотъ, къ сожалѣнію, пошелъ по нелѣпой линіи. Получилось такое впечатлѣніе, точно я въ своей замѣткѣ спрашивалъ русскихъ: почему вы, добрые люди, не ходите въ собранія? не потому ли, что вамъ не хочется якшаться съ евреями? И вотъ, нѣсколько почтенныхъ русскихъ согражданъ удостовѣрили, что они, напротивъ, очень рады якшаться съ евреями, да только какъ-то все не случалось, — и нѣсколько почтенныхъ еврейскихъ коллегъ тоже откровенно признались, что настоящая русская интеллигенція чрезвычайно любитъ еврейскую. Очень пріятно, прочелъ съ удовольствіемъ. Но зачѣмъ это все было написано — не знаю. Я этого вопроса не ставилъ. Отчасти потому, что нѣтъ смысла напшичать и спрашивать «любишь ли ты меня?» тамъ, гдѣ каждый ребенокъ на улицѣ знаетъ всю правду. А главнымъ образомъ потому, что какъ разъ я меньше всего этимъ вопросомъ интересуюсь. По моему, онъ никакого отношенія не имѣетъ даже къ спору о томъ, надо ли «размежеваться». Журналистъ еврейскаго происхожденія, о которомъ я въ той статьѣ разсказывалъ, дѣйствительно дошелъ до мысли о необходимости «размежеванія» только потому, что замѣтилъ со стороны русскихъ явное нежеланіе «якшаться». Но на то онъ ассимиляторъ. Для людей моего лагеря суть дѣла совершенно не въ томъ, какъ относятся къ евреямъ остальныя народности. Если бы насъ любили, обожали, звали въ объятія, мы бы такъ же непреклонно требовали «размежеванія». Ибо мы думаемъ, что миссія каждой націи — создать свою особую культуру; и

6*

мы думаемъ, что это достижимо только путемъ полюбовнаго размежеванія. Какое намъ дѣло съ этой точки зрѣнія до любви или антипатіи сосѣдей? Если они евреевъ не любятъ, мы объ этомъ очень жалѣемъ; если полюбятъ, будемъ очень рады и будемъ платить взаимностью; но наше отношеніе къ ассимиляціи отъ этого не зависитъ. Мы не желаемъ, чтобы евреи стали русскими, даже если русская интеллигенція начнетъ скопомъ ходить на вечера литературнаго клуба.

Моя замѣтка имѣла въ виду совершенно другую цѣль. Интересуетъ меня не отношеніе христіанъ къ еврейской ассимиляціи, а самочувствіе еврейскихъ ассимиляторовъ. Я считаю ихъ позицію въ основѣ и по существу ложной и стараюсь прослѣдить и отмѣтить тѣ случаи, когда эта внутренняя ложь обнаруживается особенно выпукло, когда сама жизнь, такъ сказать, демонстрируетъ противъ ассимиляціи. Такой случай, по моему, теперь на лицо, когда ассимилированные евреи въ огромномъ городѣ вынуждены фигурировать въ роли единственныхъ носителей русской культуры — «единственныхъ музыкантовъ на чужой свадьбѣ, съ которой хозяева ушли». На эту ситуацію я хотѣлъ обратить вниманіе самихъ «музыкантовъ», предложить имъ обдумать ее и сдѣлать выводы. Такъ какъ дискуссія вмѣсто того направилась по совершенно постороннему фарватеру, то позволю себѣ вернуться къ сути вопроса и сдѣлать эти выводы такъ, какъ я ихъ понимаю.

Совершенно неопровержимо установленнымъ я считаю тотъ фактъ, что ассимилированные евреи въ нашемъ городѣ дѣйствительно очутились въ роли единственныхъ публичныхъ носителей и насаждателей русской культуры. Этого никто во всей дискуссіи даже не пробовалъ отрицать, ибо это слишкомъ яркая очевидность. Обсуждая и оцѣнивая эту любопытную ситуацію, я прежде всего нахожу ее въ высочайшей степени комичной.

Почему она комична — я доказать не умѣю. Смѣшное не доказывается, анекдотъ не требуетъ аргументаціи. Комизмъ ощущается непосредственно, и баста. И я утверждаю, что этотъ комизмъ положенія, когда евреямъ въ полномъ одиночествѣ приходится чествовать Пушкина и Коммиссар-

жевскую, ощущается рѣшительно всѣми, прежде всего сами ми «музыкантами». Я часто встрѣчаюсь со своими противниками, но не встрѣтилъ еще ни одного, который не чувствовалъ бы этого комизма. Иначе нельзя объяснить и переполоха, который вызвала именно эта моя замѣтка. Мнѣ случалось уже писать, напримѣръ, и о томъ, что много рядовыхъ либеральныхъ христіанъ въ глубинѣ души вѣрятъ въ ритуальную сказку; это похуже, поопаснѣе, чѣмъ нехожденіе на «четверги», и однако никто изъ ассимиляторовъ такъ не взволновался, какъ на сей разъ. На сей разъ было такое впечатлѣніе, словно людей вдругъ обнажили, указали пальцемъ какъ разъ на ту мозоль, за которую имъ въ душѣ особенно неловко, и вотъ они изо всей силы стараются прикрыть ее чѣмъ попало. Очевидно, каждый въ душѣ чувствуетъ, что «ассимиляція», «сліяніе» съ окружающей средой обязательно требуетъ «рецепціи», согласія окружающей среды; для того, чтобы обрусѣніе не было унизительнымъ, необходима тутъ же наличность большей русской толпы, въ которой евреи могли бы разсыпаться, размѣститься, растаять — и притомъ съ ея хотя бы молчаливаго согласія. Тогда бы въ этой массѣ дѣйствительно все перемѣшалось; рядомъ съ тремя русскими ораторами могъ бы тогда выступить четвертымъ и еврей и тоже сказать «мы, русскіе» или «наша русская литература» — и это стерлось бы, утонуло бы въ общемъ впечатлѣніи. Но когда русской толпы нѣтъ и никакъ ея не заманишь и не притянешь, и на празднествахъ русской культуры въ полумилліонномъ городѣ одни евреи, совершенно лишенные русскаго прикрытія, бьютъ въ барабанъ и кричатъ «ура» во славу «нашей литературы», — то эта ситуація комична, потому что комична. Лѣтъ пять тому назадъ польская печать горячо обсуждала вопросъ, ѣхать ли въ Прагу на всеславянскій съѣздъ; наконецъ всѣ согласились что надо ѣхать — Романъ Дмовскій согласился, Сенкевичъ согласился, графы Тышкевичи, князья Радзивиллы и прочіе лидеры и магнаты согласились. Одинъ только Станиславъ Кемпнеръ (тотъ самый, котораго Нѣмоевскій называлъ потомъ «Шая Кемпнеръ») долго еще упирался и настаивалъ,

что «мы, поляки» не должны ѣхать въ Прагу, ибо это братаніе съ остальными славянами можетъ повредить «нашимъ» польскимъ интересамъ. Можетъ быть, я неточно помню всѣ имена, но случай этотъ былъ. И вся Польша хохотала надъ этимъ сверхъ-полякомъ и была права, потому что это было комично. Ассимиляція по природѣ своей требуетъ незамѣтности, *наглядной* возможности утонуть въ громадѣ ассимилирующаго тѣла; гдѣ девять русскихъ, тамъ еврей еще коекакъ можетъ быть «десятымъ русскимъ»; но когда пропорція обратная, или того хуже весь, какъ говорится по еврейски, «миньянъ» состоитъ изъ великороссовъ еврейскаго происхожденія, то это есть явленіе высочайшаго и глубочайшаго соціальнаго комизма.

Конечно, когда обнаруживается соціальный комизмъ какой-нибудь ситуаціи, разные люди по разному на это реагируютъ. Одни, у которыхъ болѣе плеская душа и болѣе толстая кожа на ланитахъ, продолжаютъ выступать гоголемъ; о такихъ нечего разговаривать, такъ какъ это элементъ, лишенный всякой культурной цѣнности. Но есть и въ ассимилированномъ лагерѣ люди болѣе тонкой организаціи. Для такихъ увидѣть себя въ ситуаціи, полной такого органическаго комизма, есть болѣзненный ударъ въ ту самую точку сердца, гдѣ хранится у человѣка его лучшее богатство — его гордость. Для такихъ людей комизмъ превращается въ трагизмъ. Я увѣренъ, переполохъ, вызванный въ станѣ ассимиляторовъ дискуссіей по поводу «страннаго явленія», объясняется еще и тѣмъ, что лучшіе, наиболѣе чуткіе и вдумчивые люди этого стана почувствовали не простую неловкость отъ комическаго положенія, но и настоящую боль, уколъ въ самое чувствительное мѣсто, и имъ на минуту стало жутко отъ мысли: а что, если все это правда? а быть можетъ, я и самъ давно все это подозрѣвалъ, только не рѣшался формулировать? И на минуту почудилось имъ, что, быть можетъ, вся работа ихъ жизни дѣйствительно прошла по ложной колеѣ и завела ихъ вмѣстѣ съ ихъ паствою, куда не надо . . . — Но, конечно, даже чуткій человѣкъ, если онъ уже затратилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ на дан-

ной чертѣ, въ концѣ концовъ прогонитъ черныя мысли и дастъ себя успокоить обычными словесами. Остается только маленькая трещина въ душѣ — и если она осталась, я очень радъ: этого я добивался.

Но патологичность ситуаціи не только въ ея комизмѣ и даже не въ трагическомъ привкусѣ этого комизма. Еще хуже другое. Хотя мы здѣсь «шумимъ, братецъ, шумимъ» — а настоящіе русскіе молчатъ, но тѣмъ не менѣе для всего міра ясно глубокое несоотвѣтствіе между шумомъ и цѣнностью. Ни одинъ серьезный зритель не сомнѣвается, что хоть шумятъ на русскихъ культурныхъ праздникахъ евреи, а все таки истинной, стихійно-нерушимой опорой и источникомъ русской культуры служатъ не тѣ, которые шумятъ, а тѣ, которые молчатъ. Если судить по шуму, то выходитъ, будто русскіе 1-го разряда, активные русскіе — это и есть ассимилированные евреи, тогда какъ люди настоящаго русскаго происхожденія — это, какъ выражается Отто Бауэръ, Hintersassen der Nation, русскіе 2-го сорта. Между тѣмъ ясно и неопровержимо, что это въ сущности какъ разъ наоборотъ. Именно съ момента, когда еврей объявляетъ себя русскимъ, онъ становится гражданиномъ 2-го класса.

Я, націоналистъ, ни за что не признаю себя въ Россіи гражданиномъ 2-го разряда. Я считаю себя принципіально такимъ же хозяиномъ въ этомъ государствѣ, какъ и русскій; я желаю говорить, учиться, писать, судиться, управляться на моемъ національномъ языкѣ, ни къ кому не намѣренъ подлаживаться и приспособляться и требую, напротивъ, чтобы государство приспособлялось къ моимъ національнымъ домогательствамъ точно такъ же, какъ оно должно приспособиться къ домогательствамъ русскихъ, украинцевъ, поляковъ, татаръ и т. д., гармонизировавъ эти всѣ требованія въ общемъ народо-союзномъ строѣ. Покуда я такъ смотрю на свое мѣсто въ Россіи, я не выше другихъ и не ниже другихъ, мы всѣ граждане одного ранга. Но если я захочу пролѣзть непремѣнно въ русскіе, то дѣло сразу мѣняется. Тутъ я попадаю въ положеніе неофита. Чужая національная сущность, чужая психика и ею пропитанная куль-

тура не могутъ быть по-настоящему усвоены даже за срокъ цѣлаго поколѣнія, даже за срокъ нѣсколькихъ поколѣній. Сохраняется акцентъ въ рѣчи и точно такъ же сохраняется особый «акцентъ» души. Могутъ ли эти оттѣнки совершенно исчезнуть впослѣдствіи, черезъ много-много лѣтъ, это вопросъ другой, котораго я здѣсь не касаюсь; но покуда они есть, до тѣхъ поръ я обреченъ числиться не-настоящимъ, неполнымъ русскимъ, кандидатомъ въ русскіе, подмастерьемъ русско-культурнаго цеха. Меня могутъ любить или не любить, это къ дѣлу не относится; но совершенно ясно, что источникъ и оплотъ русской культуры не въ неофитѣ, а въ той массѣ, съ которой онъ еще только старается слиться. Когда людямъ понадобится настоящее русское творчество, они оттолкнутъ издѣлье неофита и скажутъ: можетъ быть это подделано очень мило, можетъ быть это и лучше, чѣмъ настоящее русское, — но извините, намъ нужно не это, а настоящее русское. Это и значитъ быть русскими 2-го разряда. Надо различать понятія: россіянинъ и русскій. Россіяне мы всѣ отъ Амура до Днѣпра, русскіе только треть въ этой массѣ. Еврей можетъ быть россіяниномъ перваго ранга, но *русскимъ* — только второго. Такъ на него въ этой роли смотрятъ другіе и такъ на себя невольно смотритъ онъ самъ.

Здѣсь я не буду вновь поднимать спора о томъ, многимъ или малымъ обязана русская, нѣмецкая, французская и пр. литературы ассимилированнымъ евреямъ, достаточно ли усвоили эти писатели изъ евреевъ соотвѣтствующій національный «духъ» и т. д. Спорить объ этомъ трудно потому, что это вопросъ чутья, ощупи, и еврейскіе судьи тутъ совершенно не компетентны. Сколько бы ни божился еврейскій критикъ, что Гейне — подлинный нѣмецъ по духу, вопросъ этимъ не будетъ рѣшенъ. — Но я интересуюсь этимъ вопросомъ больше съ политической стороны. Здѣсь дѣло яснѣе, здѣсь мы не бродимъ въ потемкахъ эстетическихъ оцѣнокъ, а имѣемъ предъ собою массовые факты. И эти факты ясно говорятъ, что ассимилированный еврей при первомъ серьезномъ испытаніи всегда и всюду оказывается такимъ же плохимъ «ассимилятомъ», какъ и плохимъ евреемъ.

Онъ объявляетъ себя нѣмцемъ, покуда господствуютъ нѣмцы, и старается дѣлать такъ, чтобы по виду его нельзя было отличить отъ настоящаго нѣмца. Но какъ только господство переходитъ къ другой національности, моментально обнаруживается различіе: настоящіе нѣмцы остаются нѣмцами, выдерживаютъ борьбу и несутъ на себѣ всѣ жертвы, между тѣмъ какъ тевтоны израильскаго происхожденія съ поразительной быстротою начинаютъ отрясать прахъ нѣмецкій и присоединяться къ національности новаго хозяина. Я уже нѣсколько разъ вскользь упоминалъ объ этихъ поразительныхъ превращеніяхъ, но стоитъ еще разъ на нихъ остановиться, и подробно, ибо они гораздо яснѣе всѣхъ прочихъ доводовъ показываютъ истинную внутреннюю прочность еврейской ассимиляціи.

Въ 40-выхъ годахъ прошлаго столѣтія Австрія, включавшая тогда и Венгрію, была почти сплошь онѣмечена. По крайней мѣрѣ, такъ должно было показаться туристу, который посѣтилъ бы *города* имперіи. Только на юго-западѣ, въ итальянскихъ провинціяхъ, онъ нашелъ-бы сильную итальянскую культуру — и то съ большими нѣмецкими заплатами; но Будапештъ весь говорилъ по-нѣмецки, мадьярская рѣчь едва слышалась на задворкахъ; въ Прагѣ и думать забыли о томъ, что гдѣ-то на свѣтѣ есть чешская рѣчь; и даже въ Галиціи нѣмецкая рѣчь на улицахъ, въ оффиціальныхъ учрежденіяхъ, въ университетахъ и на вывѣскахъ соперничала съ польской, и большей частью побѣдоносно соперничала. Словомъ, картина онѣмеченія *городской* Австріи была полная. Гдѣ-то въ деревнѣ прозябали чешскіе, словинскіе, русинскіе мужики, но съ ними никому и въ голову не приходило считаться: казалось совершенно яснымъ, яснымъ прежде всего для нихъ самихъ, что ихъ рѣчь — мужицкая рѣчь, для культурныхъ цѣлей непригодная, и для каждаго порядочнаго человѣка просвѣщеніе — синонимъ германизаціи. Нѣкоторыя сомнѣнія вызывали упрямые итальянцы, безпокойные мадьяры и крамольные поляки, но благоразумные люди надѣялись, что и эти злоумышленники сами поймутъ свою ошибку. Вѣдь человѣчество должно сближаться, а не раздѣляться; это про-

повѣдывалъ еще мудрый императоръ Іосифъ II, начертавшій въ одномъ декретѣ: «Нѣтъ лучшаго средства пріучить гражданъ ко взаимной между собою любви, какъ давъ имъ единый общій языкъ». И въ доказательство сослался на Россійскую Имперію. Но правъ онъ былъ въ томъ отношеніи, что внѣшняя культурная физіономія Австріи въ его время и десятки лѣтъ послѣ него была очень похожа на тогдашнюю или теперешнюю культурную физіономію Россіи: и тамъ, какъ тутъ, господствовали почти нераздѣльно языкъ и культура главнаго хозяина; и тамъ, какъ тутъ, совершенно или почти совершенно забыли о существованіи другихъ народностей.

Въ этой обстановкѣ началось пробужденіе австрійскаго еврейства. Выйдя изъ гетто, снявъ халаты, подрѣзавъ пейсы его передовые сыны осмотрѣлись вокругъ и увидѣли, что все приличное общество говоритъ по-нѣмецки. Они тоже заговорили по-нѣмецки; это имъ далось даже легче, благодаря жаргону, чѣмъ сосѣдямъ. Въ Прагѣ, во Львовѣ, въ Буда пештѣ евреи начали считать себя нѣмцами, были очень довольны такимъ повышеніемъ въ чинѣ и думали, что на этомъ можно и успокоиться.

Но вотъ они стали замѣчать, что, напримѣръ, въ г. Прагѣ начинаетъ твориться что-то странное. Какіе-то оригиналы вдругъ затѣяли говорить по-мужицки, и не только у себя дома, но и на улицѣ, и въ театрѣ, да нарочно такъ, чтобы всѣ слышали. Сначала это смѣшно, потомъ начинаетъ раздражать. Тѣмъ болѣе, что эти оригиналы выдвигаютъ еще въ придачу какія-то претензіи. — Мы, чехи, въ этомъ краѣ большинство, -- заявляютъ они, — а потому Прага должна быть наша, въ судахъ и школахъ и даже въ университетѣ долженъ господствовать нашъ языкъ, а нѣмецкому достаточно мѣста въ Вѣнѣ. — Слыша такія вздорныя рѣчи, нѣмцы пожимаютъ плечами: какъ смѣютъ мечтать о такихъ вещахъ эти санкюлоты, у которыхъ даже литературы еще нѣтъ? А они отвѣчаютъ: у насъ есть Ганка, Палацкій, Краледворская рукопись; начало есть, а продолженіе будетъ. — Нѣмцы сначала отшучивались, а потомъ стали сердиться и отвѣчать возгласомъ: долой чеховъ!

И тутъ евреи попали въ щекотливое положеніе. Разъ они записались въ нѣмцы, то надо было показать себя хорошими нѣмцами. А такъ какъ еще къ тому же настоящіе нѣмцы немного косились на нихъ и не вполнѣ имъ еще довѣряли, то надо было особенно постараться — такъ сказать, перекричать самаго запрагскаго нѣмца. Кромѣ того, ихъ и въ самомъ дѣлѣ раздражали претензіи некультурнаго чеха. Какъ такъ? Значитъ, въ Прагѣ будетъ, напримѣръ, въ городскомъ театрѣ не нѣмецкая, а чешская драма? Въ обществѣ придется вести свѣтскій разговоръ не по нѣмецки, а по-чешски? Этимъ бѣднымъ людямъ съ такимъ трудомъ дался нѣмецкій языкъ, столько пришлось попотѣть надъ устраненіемъ предательскаго акцента — и что же, все это на смарку? Начинай сначала учиться по новому? Нѣтъ, не бывать тому! И вотъ, наравнѣ съ нѣмцами и еще громче нѣмцевъ начали евреи подпѣвать: долой чеховъ! Прага «наша», нѣмецкая!

Но чехи не испугались ни нѣмцевъ, ни евреевъ. Шагъ за шагомъ, день за днемъ, наползали изъ деревни въ Прагу чешскіе муравьи, постепенно проникали во всѣ щели и по крохамъ строили свою культуру. У нихъ появились газеты, книжки, потомъ книги, потомъ цѣлая литература, потомъ гимназія, потомъ университетъ. И вдругъ, въ одинъ прекрасный день, нѣмцы моисеева закона не узнали своей Праги. Отъ нѣмецкаго всевластія остались одни огрызки. Въ городской думѣ ни одного нѣмца, на улицахъ и въ театрѣ чешская рѣчь, придешь въ магазинъ — не желаютъ тебѣ отвѣчать по-нѣмецки, а если ты самъ купецъ — изволь говорить съ покупателемъ по-чешски, а то надѣнетъ шапку и уйдетъ въ сосѣднюю лавку — къ чеху. А въ газетахъ, даже самыхъ либеральныхъ, очень недвусмысленно пишутъ, что евреямъ слѣдовало бы поостеречься насчетъ нѣмецкаго рвенія, потому что, ежели нѣмцамъ мы его прощаемъ, то ужъ евреямъ не простимъ. И... евреи начали понемножку переписываться изъ нѣмцевъ въ чехи. Появились чехи моисеева закона. Сначала мало, потомъ больше, а теперь большинство. Но такъ какъ настоящіе чехи кричатъ: «долой нѣмцевъ», а еврей старается быть совсѣмъ какъ настоящій чехъ и даже

еще лучше, то дѣти или младшіе братья тѣхъ, что кричали когда-то «долой чеховъ!» — тоже кричатъ вмѣстѣ съ новыми хозяевами: — Долой нѣмца!

То же самое было въ Галиціи. Извѣстно, до какого рабольпства дошелъ теперь на польской службѣ еврейскій ассимиляторъ, знаменитый «Мошко».

Во весь ростъ обрисовалъ этотъ типъ когда-то Шевченко, четырьмя строчками:

Передъ паномъ Хведоромъ
Ходыть Мошко ходоромъ —
И задкомъ, и передкомъ
Передъ паномъ Хведиркомъ. . .

Онъ и туда, онъ и сюда, онъ за польшизну душу готовъ положить, онъ за польскую культуру согласенъ раздавить и русинъ, и евреевъ, а ужъ нѣмцевъ, притѣсняющихъ «его братьевъ» въ Познани, онъ ненавидитъ выше всякой мѣры. Но хотите знать исторію этого польскаго энтузіазма? Яркимъ образчикомъ ея былъ покойный депутатъ Эмиль Быкъ, членъ польскаго коло и ярый полонизаторъ, умершій въ 1906 г. Не далѣе, какъ въ 1873 г. онъ еще состоялъ всей душою въ нѣмцахъ, разъѣзжалъ по Галиціи и агитировалъ, чтобы всѣ евреи записались въ нѣмецкую партію. Но потомъ, хорошенько осмотрѣвшись и увидѣвъ, куда вѣтеръ дуетъ, онъ «перестал быть» нѣмцемъ и «сдѣлался» полякомъ съ той же легкостью, съ какой человѣкъ изъ маклера становится сватомъ, и съ тѣхъ поръ не было у поляковъ въ Галиціи болѣе вѣрнаго лакея и у нѣмцевъ болѣе грознаго врага. И эту эволюцію продѣлало все старшее поколѣніе ассимиляторовъ. Когда-то они состояли въ нѣмцахъ и ворчали на поляковъ; теперь они состоятъ въ полякахъ и стараются дѣлать все такъ, какъ дѣлаютъ настоящіе поляки. Но настоящіе поляки боятся теперь въ Галиціи не нѣмца, а новаго врага. На сцену все рѣшительнѣе выдвигается новый претендентъ: русины. Ихъ въ Галиціи 3 милліона, а въ восточной половинѣ они составляютъ огромное большинство: Львовъ лежитъ въ Восточной Галиціи, а потому они заяв-

ляютъ на него самыя категорическія притязанія. Это не Лембергъ, говорятъ они, и не Львувъ, а Львівъ, столица австрійской Украйны; городъ этотъ долженъ быть нашъ, въ судахъ, въ участкѣ, въ университетѣ долженъ господствовать украинскій языкъ, а для польскаго довольно мѣста и въ Краковѣ. Иными словами, повторяется исторія съ Прагой.
И духовные братья Эмиля Быка, съ недальновидностью, типичной для всѣхъ ренегатовъ, во все горло подхватываютъ лозунгъ «долой гайдамаковъ!» забывая, что черезъ 30 лѣтъ эти «гайдамаки» неизбѣжно будутъ полными господами Восточной Галиціи... Впрочемъ, что за бѣда? Монько тогда перевернется въ третью національность.

Я теперь не спорю о томъ, хорошо это или дурно съ нравственной точки зрѣнія. Настаиваю только на одномъ: это *факты*, и эти факты неопровержимо доказываютъ одно: когда еврей воспринимаетъ чужую культуру, превращается въ нѣмца, чеха или поляка, то каковъ бы ни былъ его энтузіазмъ, нельзя полагаться на глубину и прочность этого превращенія. Ассимилированный еврей не выдерживаетъ перваго натиска, отдаетъ «воспринятую» культуру безъ всякаго сопротивленія, какъ только убѣдится, что ея господство прошло и хозяйское мѣсто переходитъ въ другія руки. Онъ не можетъ служить опорою для этой культуры; съ какимъ бы онъ пыломъ о ней ни говорилъ, неглубокость и непрочность корней, которыми она связана съ его душою, обнаруживается при первомъ серьезномъ испытаніи. Къ этому выводу приходятъ всѣ авторитетные наблюдатели національныхъ отношеній, самые серьезные, самые спокойные, какъ проф. Раухбергъ въ своемъ капитальномъ трудѣ о Богеміи[1]), какъ М. Hainisch въ своей обстоятельной статистико-экономической монографіи о перспективахъ австрійскаго развитія[2]). И даже соціалъ-демократъ Шпрингеръ, говоря о венгерскихъ евреяхъ, которые тоже 60 лѣтъ тому назадъ «были нѣмцами», а теперь на каждомъ шагу поютъ гимны «нашей мадьярской культурѣ», — ставитъ имъ уничтожаю

[1]) Prof H. Rauchberg. Der nationale Besitzstand in Böhmen. I. стр. 673.
[2]) Dr. M. Hainisch. Die Zukunft der Deutsch-Österreicher, стр. 31.

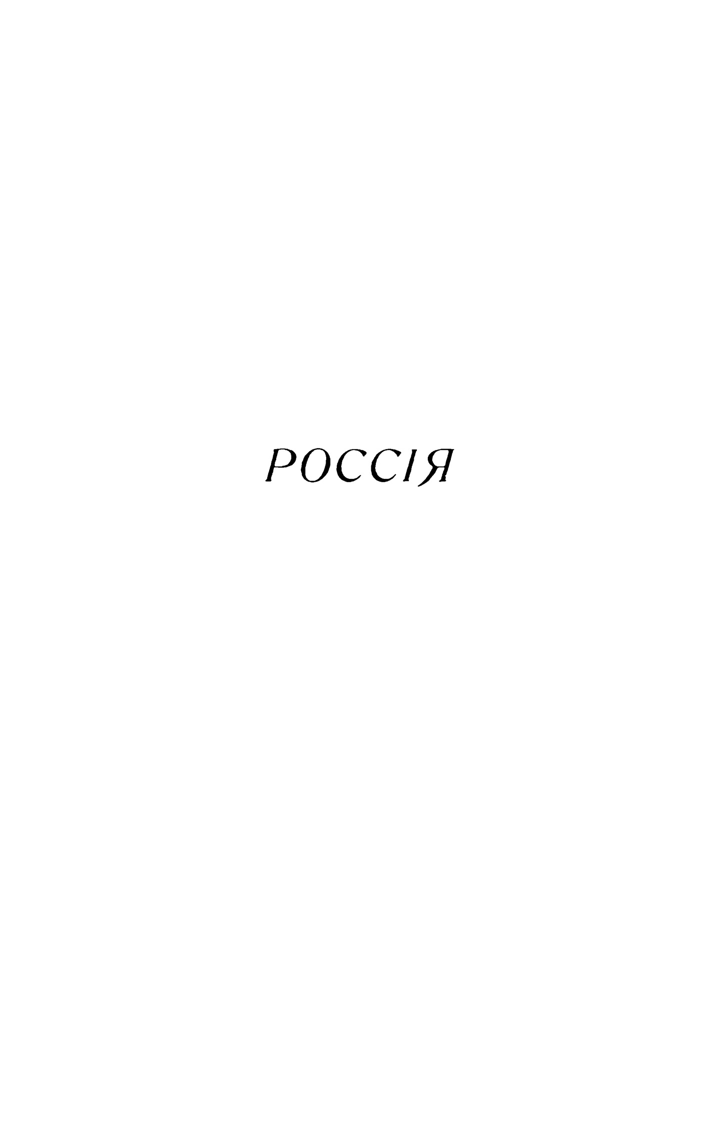
щій прогнозъ: «Они останутся мадьярами, покуда венгерскимъ государствомъ правятъ мадьяры, — ни минуты дольше»[1]. Но настоящіе мадьяры, и потерявъ владычество надъ инородцами, все же останутся мадьярами —и въ этомъ, а не въ шумѣ, скажется различіе между мадьярами перваго и второго сорта. . .

Всѣмъ тѣмъ изъ стана ассимиляторовъ, которые не утратили еще прямого взгляда на вещи и самостоятельности мышленія, я задаю вопросъ: гдѣ доказательство, что здѣшніе евреи сдѣланы изъ лучшей глины, чѣмъ евреи Будапешта, Лемберга, Праги? Тѣ вѣдь тоже не были сознательными лицемѣрами, субъективно они были искренни и тогда, когда обожали все нѣмецкое, и теперь, когда обожаютъ чешскую или мадьярскую культуру. Слѣдовательно, дѣло не въ субъективномъ энтузіазмѣ, который вовсе не доказываетъ глубины чувства, а дѣло въ какихъ-то объективныхъ моментахъ, которые создаютъ дѣйствительную, кровную связь между человѣкомъ и *его* культурой, рожденной *его* предками и *его* братьями изъ *его* національной души. У евреевъ ближняго запада этихъ моментовъ при испытаніи не оказалось. Почему мы забываемъ о томъ, что и намъ, повидимому, грозитъ точно такое же испытаніе? Главная масса евреевъ живетъ среди украинцевъ, поляковъ, бѣлоруссовъ, литовцевъ; эти народы начинаютъ теперь подымать головы такъ же точно, какъ 60 лѣтъ тому назадъ начали дѣлать это чехи. Это происходитъ у насъ на глазахъ, пройти мимо этого явленія можетъ только близорукій. Надо же имѣть намъ линію поведенія не только на сегодняшній, но и на завтрашній день. Вѣдь одно изъ двухъ: или Россія останется въ полицейскихъ тискахъ, или всѣ эти народности используютъ политическую свободу прежде всего для того, чтобы сдѣлать изъ Россіи большую Австрію; хотимъ мы этого или не хотимъ, это будетъ, и ни Струве, ни мы съ вами не «уговоримъ» ни тридцатимилліонную массу малороссовъ, ни даже маленькій литовскій народъ. Какъ же мы опредѣлимъ свою позицію къ этому моменту? Какова будетъ наша роль въ этой будущей

[1]) R. Springer. Die Krise des Dualismus.

Россіи, гдѣ сто народовъ вокругъ насъ будутъ развиваться самобытно, создавая свои національныя цѣнности на своихъ языкахъ? Останемся ли мы тогда въ роли, на которую намеки есть уже и теперь — въ роли единственныхъ носителей руссификаціи на окраинахъ? Или пойдемъ по пути австрійскихъ ассимиляторовъ, мѣняя національность при каждомъ перемѣщеніи политическихъ силъ? Или, быть можетъ, изберемъ третью дорогу, предоставимъ русскимъ быть русскими, полякамъ поляками, а сами воздвигнемъ *свои* маяки?

Я прекрасно понимаю, что «ассимиляторъ» есть, чаще всего, продуктъ ассимиляціи, и передѣлать себя онъ въ извѣстномъ возрастѣ уже не можетъ. Онъ привыкъ жить русскою культурой, ему другая недоступна, и ему некуда уйти. Не обречь же себя на духовный голодъ. Это я понимаю. Отъ каждаго отдѣльнаго человѣка нельзя требовать личныхъ жертвъ, да еще такихъ длительныхъ, на всю жизнь. Рѣчь идетъ пока не о личномъ поведеніи того или иного еврейскаго интеллигента. Рѣчь идетъ о политической оріентаціи. Мы не только лично живемъ, но мы и прокладываемъ линіи для будущаго. Если мы попали въ тупикъ, и извѣстной части нашего поколѣнія уже нѣтъ изъ него выхода, то вѣдь остается долгъ — направить завтрашнія поколѣнія по другой колеѣ. Созданіе національной культуры, борьба за ея гегемонію въ еврейской душѣ — это задача и для того изъ насъ, кому лично уже не суждено пить изъ ея родниковъ. Пусть онъ строитъ для своего сына, пусть чертитъ планъ жизни для болѣе счастливыхъ. И главное, пусть громко признаетъ, что *его* путь былъ ложный путь, и станетъ на порогѣ западни, куда самъ попалъ, — станетъ на порогѣ, не пуская другихъ.

РОССІЯ

О „ЕВРЕЯХЪ и РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ“
(1908)

Въ «Свободныхъ Мысляхъ» была помѣщена статья г. Чуковскаго о евреяхъ въ русской литературѣ; потомъ появилась на ту же тему статья г. Тана, больше похожая на лирическое письмо, чѣмъ на статью. Послѣднее обстоятельство даетъ и мнѣ поводъ высказаться по этому вопросу. Будь это споръ, я бы не принялъ участія въ немъ... Другое дѣло обмѣнъ личными настроеніями, по лирическому примѣру г. Тана, и я прошу позволенія послѣдовать этому примѣру.

Кое въ чемъ наши личныя настроенія сходны. Меня весьма тронуло, напримѣръ, что г. Танъ пишетъ всѣми буквами чернымъ на бѣломъ: «мы, евреи». Это нововведеніе; насколько знаю, это въ русской печати второй случай. Обыкновенно еврейскіе сотрудники русскихъ газетъ пишутъ о евреяхъ не «мы», а «они»; мѣстоименіе перваго лица приберегается для болѣе эффектныхъ случаевъ, напримѣръ: «мы, русскіе», или «нашъ братъ русакъ» (я самъ читалъ). Растрогало меня и то, что г. Танъ отказывается считаться съ пресловутымъ доводомъ, будто не слѣдуетъ «въ такое время» задѣвать «такой вопросъ». Мы съ г. Таномъ прекрасно знаемъ, что дѣло тутъ не въ задѣваніи вопроса, а въ упоминовеніи лишній разъ слова «евреи», чего многіе терпѣть не могутъ; въ этомъ смыслѣ «такое время» было и годъ, и два, и пять лѣтъ, и пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Но вслухъ, конечно, приводятся самые благородные мотивы — что не надо, молъ, «играть въ руку». Выѣденнаго яйца не стоятъ эти благородные мотивы. Изъ-за нихъ не было еврейскому публицисту никакой возможности поговорить съ евреями, читающими по-русски, объ ихъ дѣлахъ или объ ихъ недостаткахъ — напри-

7*

мѣръ, о множествѣ рабскихъ привычекъ, развившихся въ нашей психологіи за время обрусѣнія нашей интеллигенціи. Эта интеллигенція не читала ни «Восхода», ни древне-еврейскихъ и жаргонныхъ газетъ, а читала больше всего провинціальную прессу черты осѣдлости — которую кромѣ нея почти никто не читалъ, въ которой кромѣ нея почти никто не писалъ, и которая въ общемъ не печатала ни одного слова о еврейскихъ дѣлахъ. Порою хотѣлось рвать на себѣ волосы отъ бѣшенства, и знаете ли, теперь тоже нерѣдко хочется. Лучше бы тысячу разъ «сыграть на руку» чернымъ людямъ, которые отъ этого не стали бы чернѣе, чѣмъ такъ наглухо запереть всѣ пути къ среднему еврейскому интеллигенту, чѣмъ такъ упорно пріучать его къ забвенію о себѣ самомъ и о долгѣ самокритики, чѣмъ такъ обидно воспитывать въ немъ унизительное невниманіе къ себѣ и своему дѣлу...

По существу предмета наши настроенія зато врядъ ли совпадаютъ. Обсуждать, хороши или плохи евреи въ чужихъ литературахъ, я не стану — это было бы уже споромъ, отъ котораго я отказался. Замѣчу только, что дѣло совсѣмъ не въ томъ, чувствуетъ ли себя г. Танъ, какъ самъ утверждаетъ, неразрывно привязаннымъ къ русской литературѣ, или не чувствуетъ. Г. Чуковскій отнюдь и не собирался оторвать его или другихъ отъ русской литературы; онъ только задалъ себѣ вопросъ, велика ли польза русской литературѣ отъ этихъ неразрывныхъ привязанностей, и пришелъ sine ira et studio къ печальнымъ выводамъ. Чтобы не прятать даже мимоходомъ своего мнѣнія, прибавлю, что я съ г. Чуковскимъ совершенно согласенъ; прошу г. Тана не принять это съ моей стороны за щелчокъ по его адресу — я его, г. Тана, кромѣ газетныхъ статей, право не читалъ и судить не могу; но вообще нахожу, что евреи пока ничего не дали русской литературѣ, а дадутъ ли много впредь — не вѣдаю. Однако не сомнѣваюсь, что противъ г. Чуковскаго былъ уже въ печати, какъ водится, выдвинутъ длинный списокъ «еврейскихъ замѣчательныхъ людей», блистательное доказательство нашихъ великихъ заслугъ передъ отечествомъ и человѣчествомъ. «Разсвѣтъ» остроумно замѣтилъ, что въ этихъ случаяхъ до-

капываются чуть ли не до дыницъ, окончившихъ гимназію съ золотою медалью. Таковыхъ, слава Богу, не мало, и честь Израиля нетрудно спасти, ибо мы люди маленькіе и малымъ довольны. За границей наши онѣмеченные или офранцуженные братья чувствуютъ себя на вершинахъ радости, когда кого - нибудь изъ нихъ въ кои вѣки примутъ въ высшемъ туземномъ обществѣ; они дѣлаютъ важныя лица и говорятъ многозначительно: ого! А у насъ однажды г. Горифельдъ, я помню, печатно выразилъ свой восторгъ по поводу того, что въ одномъ разсказѣ Елпатьевскаго больше интереса къ евреямъ, чѣмъ во всѣхъ сочиненіяхъ Успенскаго-, изъ чего явствуетъ прогрессъ гуманности и благого просвѣщенія. Послѣ этого почему же не удовлетвориться гордымъ сознаніемъ, что нашего такого - то печатаютъ въ лучшихъ журналахъ — такъ сказать, принимаютъ въ высшемъ туземномъ обществѣ? При маломъ честолюбіи и на запяткахъ уютно.

Если г. Тану или другимъ уютно въ русской литературѣ, то вольному воля. Я, напримѣръ, не только сталъ бы ихъ манить назадъ, но даже не выражу сомнѣнія, точно ли такъ имъ уютно, какъ они разсказываютъ. Напротивъ, признаю и не сомнѣваюсь. Но я это иначе объясняю, иначе освѣщаю. Г Танъ объясняетъ свои родственныя чувства къ русской литературѣ, между прочимъ, и тѣмъ, что дѣды его захватили жаргонъ проходя черезъ Ахенъ, а ему, г. Тану, какое дѣло до Ахена? Это резонъ, но я совѣтовалъ бы г. Тану употреблять его порѣже и съ осторожностью; ибо мы на своемъ пути прошли не только черезъ Ахенъ, но и черезъ Вильну, Кіевъ, Одессу, отчасти черезъ Петербургъ и Москву, и если мы начнемъ такъ небрежно отмахиваться отъ попутныхъ городовъ, то намъ съ г. Таномъ могутъ со стороны предъявить вопросъ: — Что это такое? Cuius regio, eius religio? Гдѣ переночевали, тамъ и присягнули, а выйдя вонъ — наплевали? Эхъ, вы, патріоты каждаго полустанка. .

Я бы лично этого окрика не хотѣлъ, и потому предпочитаю не плевать на Ахенъ и не лобызать торцовъ Петербурга. Свои гражданскія обязанности несу тамъ, гдѣ я приписанъ и ѣмъ хлѣбъ, и несу ихъ корректно; въ сердце же къ себѣ я

чужихъ людей не пускаю; въ томъ, какой я городъ люблю и къ какому городу равнодушенъ, никому давать отчета не желаю, и принципіально демонстрирую совершенно одинаковое благорасположеніе къ Ахену и Москвѣ. Будь у меня всамдѣлишный свой городъ, я бы тогда сталъ говорить о любви; и это, быть можетъ, была бы такая любовь, какою сорокъ тысячъ людей на запяткахъ любить не въ силахъ. Но при нынѣшнемъ моемъ положеніи воздаю кесарево кесареви, а божіе держу про себя. Исповѣдую лойяльный космополитизмъ, и ни на сантиметръ больше.

Самый же вопросъ о жаргонѣ я беру не съ точки зрѣнія Ахена, да и вопросъ о томъ, въ какую литературу идти еврейскому писателю, беру не съ точки зрѣнія жаргона. Съ жаргономъ я считаюсь потому, что на немъ фактически говоритъ народъ, и, слѣдовательно, для того, чтобы работать въ народѣ и съ народомъ, надо работать и на жаргонѣ. Это ясно, какъ дважды два четыре, и совершенно при этомъ не важно, гдѣ, когда и изъ чьихъ рукъ мы подобрали это нарѣчіе. Но вопросомъ о языкѣ еще не рѣшается вопросъ о томъ, куда идти, въ какую литературу. Часть евреевъ (по переписи 1897 года три процента, теперь должно быть больше) выростаетъ, не владѣя жаргономъ, и нѣкоторымъ изъ этого числа очень трудно потомъ овладѣть. Это большая помѣха для работы въ еврейскомъ переулкѣ. это заставляетъ писать по-русски, но писать по - русски еще само по себѣ не значитъ уйти изъ еврейской литературы.

Въ наше сложное время «національность» литературнаго произведенія далеко еще не опредѣляется языкомъ, на которомъ оно написано. Это ясно въ особенности по отношенію къ публицистикѣ. «Разсвѣтъ» издается на русскомъ языкѣ, но вѣдь никто не отнесетъ его къ русской печати. Такъ же точно къ еврейской, а не къ русской литературѣ относятся наши бытописатели О. Рабиновичъ и Бенъ - Ами, или поэтъ Фругъ, хотя ихъ произведенія написаны по-русски. Рѣшающимъ моментомъ является тутъ не языкъ, и съ другой стороны даже не происхожденіе автора, и даже не сюжетъ: рѣшающимъ моментомъ является *настроеніе* автора — *для кого*

онъ пишетъ, *къ кому* обращается, *чьи* духовные запросы имѣетъ въ виду, создавая свое произведеніе. Шутникъ можетъ спросить, не относится ли въ такомъ случаѣ погромная прокламація «Къ жидамъ г. Гомеля» тоже въ вертоградъ еврейской литературы; но если не оперировать курьезами и брать вопросъ серьезно, то «національность» литературнаго произведенія въ такихъ спорныхъ случаяхъ устанавливается, такъ сказать, по адресату. Если пишете для евреевъ, то много ли, мало ли васъ прочтутъ, но вы остаетесь въ предѣлахъ или хоть на окраинахъ еврейской литературы. Можно поэтому не знать жаргона и все-таки не дезертировать, а служить, по мѣрѣ силъ и данныхъ, своему народу, говорить къ нему и писать для него. Дѣло тутъ не въ языкѣ, а въ охотѣ.

Я прекрасно понимаю, что нелегко требовать этой охоты отъ писателя, знающаго по-русски. Онъ можетъ писать для русской публики, это гораздо заманчивѣе — и аудиторія неизмѣримо больше, и жизнь шире, многообразнѣе, богаче. Искушеніе слишкомъ велико. Оторваться отъ этого простора и сосредоточить свои мысли на переживаніяхъ еврейства — это жертва, для нѣкоторыхъ и большая жертва. Изъ малороссовъ, одаренныхъ сценическимъ талантомъ, большинство пока уходитъ на великорусскіе подмостки, и причина та же: аудиторія шире и культурнѣе, репертуаръ лучше, общественное признаніе куда серьезнѣе... Одного замѣтнаго столичнаго публициста недавно убѣдили стать во главѣ органа, посвященнаго еврейскимъ интересамъ; и онъ черезъ мѣсяцъ ухватился за первый поводъ и ушелъ, высказавшись такъ: — У меня все время было такое чувство, точно я изъ громаднаго зала попалъ въ чуланъ...

Не виню совершенно ни его, ни ему подобныхъ; но съ другой стороны нечѣмъ тутъ и гордиться. Человѣческая мысль очень лукава и умѣетъ раскрасить въ багрецъ и золото какой угодно поступокъ; и въ этихъ случаяхъ она подсказываетъ уходящимъ изъ чулана красивыя рѣчи о томъ, что широкое лучше узкаго, общечеловѣческое (русское называется общечеловѣческимъ) важнѣе національнаго, интересы ста милліоновъ съ лишнимъ важнѣе интересовъ пяти милліоновъ, и такъ

далѣе. Но все это пустыя словеса передъ тѣмъ фактомъ, что нашъ народъ остается безъ интеллигенціи и некому направлять его жизнь. Оттого я сказалъ, что иначе все это освѣщаю, въ иную мѣру оцѣниваю, и могу вамъ назвать совершенно искренно, въ какую именно мѣру. Въ грошъ я это оцѣниваю, эти раззолоченные узоры на халатѣ дезертира, эти пошлости на тему объ узкомъ, широкомъ и общечеловѣческомъ, потому что это неправда. Если человѣкъ уходитъ изъ чулана въ большой залъ, значитъ онъ пошелъ по линіи своей выгоды, и больше ничего. Не поймите меня банально, я не говорю о денежной выгодѣ; но идти по линіи своей выгоды значитъ идти туда, гдѣ человѣку легче удовлетворить свои апетиты и запросы, гдѣ атмосфера тоньше, среда культурнѣе, резонансъ шире, подмостки прочнѣе и вообще все пышнѣе и богаче. Только потому они и уходятъ, и ничего нѣтъ въ этомъ возвышеннаго, ибо всякій средній человѣкъ предпочитаетъ Римъ деревнѣ и согласенъ даже быть въ Римѣ сто пятнадцатымъ, лишь бы ходить по мрамору, а не по деревенской улицѣ. Можетъ быть, въ томъ то и дѣло, что только средніе люди такъ разсуждаютъ, и потому Бяликъ и Перецъ у насъ, а въ русской литературѣ подвизается г. Танъ и еще не помню кто; но оттого народу не легче, если у него остаются генералы и нѣтъ офицеровъ, и дезертирство остается дезертирствомъ. Я этимъ никого не ругаю, я человѣкъ трезвый и не вижу въ дезертирствѣ никакого позора, а простой благоразумный расчетъ: на этомъ посту мнѣ, интеллигенту, тяжело и тѣсно, а тамъ мнѣ будетъ легче и привольнѣе — вотъ я и переселяюсь. Вольному воля. Мало что въ чуланѣ осталась толпа безъ вождей и безъ помощи — вѣдь никто не обязанъ быть непремѣнно хорошимъ товарищемъ. Счастливой дороги. Но не рядите расчета въ принципіальныя тряпки, не ссылайтесь на возвышенныя соображенія, которыхъ не было и не могло быть у людей, что покинули насъ въ такой неслыханной безднѣ и перетанцовали на ту сторону къ богатому сосѣду. Насъ вы этими притчами не обманете: мы хорошо знаемъ, въ чемъ дѣло, знаемъ, что мы теперь культурно нищи, наша хата безотрадна, въ нашемъ пере-

улкѣ душно, и нечѣмъ намъ наградить своего поэта, мы знаемъ себѣ цѣну — но и вамъ тоже!

Опять таки настаиваю на прежнемъ: мой набросокъ получилъ оттѣнокъ бесѣды съ г. Ганомъ, и г. Ганъ можетъ принять это все на свой счетъ, а мнѣ бы не хотѣлось. Ей Богу, я въ точности не знаю, перекочевалъ ли онъ или нѣтъ, говорю не о немъ и вообще не о комъ-нибудь, а такъ. Обмѣниваюсь личными настроеніями. И разъ это личное настроеніе, то хочу вамъ указать еще одну его деталь: *нашу* окаменѣлую, сгущенную, холодно бѣшеную рѣшимость удержаться на посту, откуда сбѣжали другіе, и служить еврейскому дѣлу чѣмъ удастся, головой и руками и зубами, правдой и неправдой, честью и местью, во что бы то ни стало. Вы ушли къ богатому сосѣду — мы повернемъ спину его красотѣ и ласкѣ; вы поклонились его цѣнностямъ и оставили въ запустѣніи нашу каплицу — мы стиснемъ зубы и крикнемъ всему міру въ лицо изъ глубины нашего сердца, что одинъ малышъ, болтающій по древне-еврейски, намъ дороже всего того, чѣмъ живутъ ваши хозяева отъ Ахена до Москвы. Мы преувеличимъ свою ненависть, чтобы она помогала нашей любви, мы натянемъ струны до послѣдняго предѣла, потому что насъ мало и намъ надо работать каждому за десятерыхъ, потому что вы сбѣжали и за вами еще другіе сбѣгутъ по той же дорогѣ. Надо же кому-нибудь оставаться. Когда на той сторонѣ вы какъ-нибудь вспомните о покинутомъ родномъ переулкѣ, и на минуту, можетъ быть, слабая боль пройдетъ по вашему сердцу, — не безпокойтесь и не огорчайтесь, великодушные братья: если не надорвемся, мы постараемся отработать и за васъ.

ЧЕТЫРЕ СТАТЬИ о „ЧИРИКОВСКОМЪ ИНЦИДЕНТѢ“ *)

(1909)

I

ДЕЗЕРТИРЫ И ХОЗЯЕВА

Изъ всей обстановки любопытнаго случая, разыгравшагося на чтеніи новой драмы г. Шолома Аша, и изъ всѣхъ разговоровъ, которые затѣмъ послѣдовали, неопровержимо вытекаетъ одна непріятная правда, что г. Чириковъ высказалъ коллективныя мысли. Объ этихъ щекотливыхъ предметахъ наши сосѣди, повидимому, уже давно шушукаются. Мы найдемъ, конечно, утѣшителей, которые станутъ божиться, по обыкновенію, что г-да Чириковъ и Арабажинъ совершенно одиноки въ своемъ образѣ мыслей; при этомъ случаѣ, кстати, вспомнятъ, что г. Чириковъ не особенно талантливъ, и даже его пьесу «Евреи» не пощадятъ, а г-на Арабажина, который мало извѣстенъ, и совсѣмъ низведутъ до нуля; и получится, какъ всегда, что только нули осмѣливаются ворчать противъ евреевъ, а «лучшая часть интеллигенціи неизмѣнно стоитъ за насъ». Что и требовалось доказать. Но непріятная правда все-таки въ томъ, что г. Чириковъ высказалъ общія мысли, и это въ его лицѣ русская интеллигенція начинаетъ показывать коготки. Насколько талантливъ г. Чириковъ, предоставляю судить тѣмъ счастливцамъ, которые читали этого писателя: я, кромѣ «Евреевъ», никакихъ плодовъ его пера не вкушалъ. Но если правду го-

*) „Инцидентъ“, надѣлавшій въ свое время много шуму, заключался въ томъ, что два прогрессивныхъ писателя — г-да Чириковъ и Арабажинъ — высказали въ одномъ кружкѣ взгляды, которые потомъ были въ печати истолкованы какъ протестъ противъ наплыва евреевъ въ русскую литературу.

ворятъ, что г. Чириковъ и по таланту, и по всѣмъ другимъ качествамъ посредственность,то тѣмъ характернѣе этотъ выпадъ. Тутъ передъ нами, очевидно, человѣкъ какъ всѣ, т. е. самый цѣнный типъ для изученія массовой психологіи: въ свое время, когда надвигалась весна и «всѣ» были добродушно настроены, онъ отъ чистаго сердца написалъ юдофильскую пьесу, а теперь, когда «всѣ» начали морщиться, онъ опять таки отъ чистаго сердца запротестовалъ противъ нашествія кашерныхъ блюдъ на столъ русской литературы. Тогда дѣйствовалъ безъ умысла и теперь инстинктивно отражаетъ свою среду. И столь же симптоматично выступленіе г. Арабажина. Большая публика, особенно еврейская, совсѣмъ его не знаетъ, и потому надо ей сказать, что это одинъ изъ тѣхъ людей, которые всю жизнь ужасно заботятся, какъ бы не подмарать и не подмочить свою передовую репутацію. Въ этой заботѣ чуть ли не главный моментъ ихъ политической психологіи. Въ свое время г. Арабажинъ редактировалъ «Сѣверный Курьеръ», выступившій въ защиту евреевъ послѣ скандала съ «Контрабандистами». Теперь онъ, хотя съ оговорками, осторожно, кончикомъ мизинца, поддержалъ г. Чирикова въ томъ смыслѣ, что вотъ, дѣйствительно, есть и такое мнѣніе, и хотя мое дѣло сторона, а вы, евреи, все-таки пріутихните. «До сихъ поръ вы имѣли дѣло только съ отбросами общества, теперь будете имѣть дѣло съ настоящей русской интеллигенціей», предсказываетъ г. Арабажинъ. И будьте увѣрены — разъ г. Арабажинъ объ этомъ говоритъ, значитъ объ этомъ уже *можно* говорить: отлученіе отъ передового лагеря не послѣдуетъ. Люди этой категоріи выступаютъ только тогда, когда чувствуютъ за собою молчаливый мандатъ многихъ. Конечно, г-да Чириковъ и Арабажинъ люди не крупные, но вѣдь никогда первачи не бываютъ застрѣльщиками, и никогда не только генералы, но и вообще большіе люди не бѣгутъ передъ полкомъ, отправляющимся въ походъ. Впереди бѣжитъ, обыкновенно, городское отрочество и вообще элементы менѣе цѣнные и зато болѣе подвижные, а настоящая серьезная сила идетъ сзади, и, быть можетъ, не сейчасъ.

Въ данномъ случаѣ даже очень вѣроятно, что не сейчасъ. Политическій моментъ все-таки неудобенъ для открытаго разрыва между русской передовой интеллигенціей и евреями. Главные органы передовой печати постараются замять всю эту исторію (они упорно молчатъ о ней), а потомъ и въ еврейской средѣ подымутъ голосъ утѣшители, оправившіеся отъ ошеломленія, и запоютъ старую пѣсню, что все обстоитъ благополучно, — старую пѣсню, приниженную, льстивую, не искреннюю, — старую пѣсню, на которую не стоитъ отвѣчать, ибо авторы ея лгутъ и сами знаютъ, что лгутъ и что никто имъ не вѣритъ. А подъ шумокъ этихъ успокоительныхъ завѣреній будетъ дѣлаться тихое, незамѣтное дѣло: всѣ тѣ отрасли русской умственной жизни, которыя теперь «заполнены» евреями, начнутъ потихоньку избавляться отъ этого услужливаго, дешеваго, но непопулярнаго элемента. Лозунгъ «judenrein!» проникнетъ понемногу и въ передовую прессу, и въ издательства, и въ передовой театръ; для этого совсѣмъ не потребуется, чтобы во главѣ учрежденій стали антисемиты — напротивъ, найдутся и еврейскіе редакторы или антрепренеры, даже некрещенные, которые, считаясь съ настроеніемъ потребителя, сами позаботятся объ уменьшеніи процента евреевъ. Создадутся вполнѣ приличныя литературныя общества, куда евреямъ будетъ затрудненъ доступъ, конечно въ самой благородной формѣ, безъ подчеркиванія, безъ явнаго антисемитизма. Вообще до антисемитизма, въ грубомъ смыслѣ этого слова, у передовой интеллигенціи дѣло еще не скоро дойдетъ, а просто захочется ей пока побыть наединѣ съ собою, безъ постояннаго еврейскаго свидѣтеля, который слишкомъ акклиматизировался, чувствуетъ себя черезчуръ по-домашнему, во все вмѣшивается, всюду подаетъ голосъ. . .

Что этотъ процессъ вытѣсненія евреевъ изъ послѣднихъ убѣжищъ нѣкогда неудержимо начнется, можно предсказать безъ всякой робости. Лично я предсказываю это не только безъ всякой робости, но и безъ всякаго сожалѣнія. Реальной потери для еврейства тутъ не предвидится, кромѣ той, что нѣсколько сотъ душъ изъ еврейскаго умственнаго пролета-

рата останутся безъ заработковъ. Но что значатъ нѣсколько сотъ душъ при нашей повальной нищетѣ? А больше ничего, кромѣ хлѣба для нѣсколькихъ сотъ душъ, эта еврейская эмиграція въ русскую литературу, прессу и театръ намъ не давала. Популяризація нашихъ Перековъ и Шмярековъ не принесла намъ никакой пользы, кромѣ развѣ той, что расшатала въ русской публикѣ предразсудокъ о поголовной талантливости евреевъ. Популяризація Шолома Аша привела только къ тому, что онъ (а за нимъ и другіе жаргонисты) сталъ писать не для *насъ*, а для *нихъ*. Да достаточно характеренъ и тотъ мелкій фактъ, что на первую читку новой пьесы г. Ш. Аша приглашаются рецензенты всѣхъ русскихъ газетъ и ни одной души отъ еврейскихъ изданій. Въ этомъ вся писательская психологія нашего поэта, пригрѣтаго на русскомъ рынкѣ. А меньше всего дала намъ эта эмиграція на русскій рынокъ въ смыслѣ политическомъ. Передовыя газеты, содержимыя на еврейскія деньги и переполненныя сотрудниками-евреями, до сихъ поръ, несмотря на всѣ наши вопли, игнорируютъ еврейскія нужды и молчатъ въ отвѣтъ на юдофобскую травлю. Очевидно, даже при обиліи евреевъ свято соблюдается принципъ — не портить русскихъ газетъ еврейскими темами, и сами еврейскіе сотрудники и редакторы ничего противъ этого правила не имѣютъ. Обидно, конечно, если въ награду за такое безкорыстное самозабвеніе имъ теперь начнутъ постепенно указывать на дверь. Но что теряетъ еврейство, если въ русской печати не будетъ этихъ людей, которые пальцемъ о палецъ не ударили въ его защиту въ эту эпоху неслыханной травли? Ничего не теряетъ, ни одного заступника, ни одного учителя.

Мы, настаивавшіе всегда на концентраціи національныхъ силъ, требовавшіе, чтобы каждая капля еврейскаго пота падала на *еврейскія* нивы, мы только со стороны можемъ слѣдить за развитіемъ этого конфликта между нашими дезертирами и ихъ хозяевами, — со стороны, какъ зрители, въ лучшемъ случаѣ безучастно, въ худшемъ случаѣ съ горькой усмѣшкой. Щелчокъ, полученный дезертирами, насъ не трогаетъ, и когда онъ разовьется даже въ цѣлый градъ за-

ушеній, а это будетъ, — намъ тоже останется только пожать плечами, ибо что еврейскому народу въ людяхъ, которыхъ высшая гордость была въ томъ, что они, за ничтожными исключеніями, махнули на него рукою?

Мы не видимъ повода горевать. Не видимъ и повода изумляться. Во всемъ этомъ нѣтъ для насъ ничего новаго. Когда евреи массами кинулись творить русскую политику, мы предсказали имъ, что ничего добраго отсюда не выйдетъ ни для русской политики, ни для еврейства, и жизнь доказала нашу правоту. Теперь евреи ринулись дѣлать русскую литературу, прессу и театръ, и мы съ самаго начала съ математической точностью предсказывали и на этомъ поприщѣ крахъ. Онъ разыграется не въ одну недѣлю, годы потребуются для того, чтобы передовая русская интеллигенція окончательно отмахнулась отъ услугъ еврейскаго вѣрноподданнаго, и много за эти годы горечи наглотается послѣдній; мы напередъ знаемъ всѣ унизительныя мытарства. какія ждутъ его на этой наклонной плоскости, конецъ которой въ сорномъ ящикѣ, и по человѣчеству и по кровному братству больно намъ за него. Но не нуженъ онъ ни намъ, ни кому другому на свѣтѣ, вся его жизнь недоразумѣніе, вся его работа — пустое мѣсто, и на всѣ приключенія его трагикомедіи есть у насъ одинъ только отзывъ: туда и дорога.

II

АСЕМИТИЗМЪ

Нѣкоторые органы большой передовой прессы Петербурга рѣшили, очевидно, совсѣмъ замолчать случай съ г-дами Чириковымъ и Арабажинымъ. Это можно было предвидѣть заранѣе. Въ эпоху ассимиляціи нѣмецкихъ евреевъ кто-то пустилъ въ обращеніе слѣдующую формулу: лучшій способъ проявить юдофильство, это — не говорить ни слова ни о евреяхъ, ни объ ихъ противникахъ. Лучшій ли, не знаю, но, несомнѣнно, удобнѣйшій способъ. Въ нравы и традиціи русской печати ввела его почтенная и заслуженная московская газета, деканъ и образецъ русскаго прогрессизма. Эта газета выдвинулась въ эпоху самой отчаянной травли еврейскаго племени и стойко молчала въ теченіе 25 лѣтъ на сію щекотливую тему: не обмолвилась ни однимъ звукомъ ни о евреяхъ, ни объ ихъ литературныхъ гонителяхъ. Примѣръ не остался безъ подражателей, и съ тѣхъ поръ замалчиваніе считается высшимъ шикомъ прогрессивнаго юдофильства. Такой шикъ задаютъ теперь «Наша Газета» и «Рѣчь» по поводу чириковскаго приключенія. Какъ разъ въ тѣхъ кругахъ, которые весьма близки обѣимъ редакціямъ, объ этомъ случаѣ говорятъ очень много, а обѣ газеты молчатъ и, несомнѣнно, думаютъ, что у нихъ это выходитъ очень эффектно и многозначительно: сама, дескать, истина молчитъ нашими устами!

Съ послѣднимъ я вполнѣ согласенъ и даже попытаюсь разобраться въ таинственномъ содержаніи этого многозначительнаго безмолвія. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ молчитъ истина устами почтенныхъ органовъ? Что знаменуетъ ихъ нѣмота въ этомъ случаѣ?

Но тогда надо начать съ другой догадки: что знаменуетъ самый случай, каковъ его общественный смыслъ? Московскія газеты даютъ безхитростный и грубоватый отвѣтъ: культурный антисемитизмъ. Кто-то какъ-то предсказывалъ, что вмѣсто д-ра Дубровина возстанетъ у насъ когда-нибудь д-ръ Люэгеръ, и это будетъ куда пострашнѣе; и вотъ московскія газеты полагаютъ, что моментъ уже близокъ, и гг. Чириковъ и Арабажинъ возвѣстили скорое пришествіе новаго д-ра Дубровина, въ исправленномъ и очищенномъ изданіи.

Врядъ ли оно такъ. Прежде всего надо заступиться за гг. Чирикова и Арабажина: когда они увѣряютъ, что ничего антисемитскаго не было въ ихъ рѣчахъ, то они оба совершенно правы. Изъ-за того, что у насъ считается очень distingué помалкивать о евреяхъ, получилось самое нелѣпое слѣдствіе: можно попасть въ антисемиты за одно слово «еврей» или за самый невинный отзывъ о еврейскихъ особенностяхъ. Я помню, какъ одного очень милаго и справедливаго господина въ провинціи объявили юдофобомъ за то, что онъ прочелъ непочтительный докладъ о литературной величинѣ Надсона. Когда г. Чуковскій констатировалъ тотъ неопровержимый фактъ, что евреи, подвизающіеся въ русской изящной литературѣ, ничего стоющаго ей не дали, очень недалеко было отъ того, чтобы и г. Чуковскаго ославили антисемитомъ. То же самое теперь съ г. Чириковымъ. Хороши или плохи русскія бытовыя пьесы послѣднихъ лѣтъ, я судить не берусь; но г. Чириковъ совершенно правъ, когда говоритъ, что глубоко прочувствовать ихъ можетъ только русскій, для котораго Вишневый Садъ есть реальное впечатлѣніе дѣтства, а не еврей. Если бы г. Чириковъ сказалъ: «а не полякъ», никто бы въ этомъ не увидѣлъ ничего похожаго на полонофобію. Только евреевъ превратили въ какое-то запретное табу, на которое даже самой безобидной критики нельзя навести, и отъ

этого обычая теряютъ больше всего именно евреи, потому что, въ концѣ концовъ, создается такое впечатлѣніе, будто и самое имя «еврей» есть непечатное слово, которое надо порѣже произносить.

Кого особенно несправедливо обижаютъ, это г. Арабажина. Если оставить въ сторонѣ его выпады въ печати противъ сіонизма, которые не стоятъ вниманія прежде всего потому, что г. Арабажинъ въ этомъ вопросѣ не компетентенъ, то именно онъ ужъ совсѣмъ ничего грѣховнаго не сказалъ. Онъ и вообще (судя даже по тѣмъ пересказамъ, противъ которыхъ онъ печатно протестуетъ, и тѣмъ болѣе по его собственной передачѣ) не выразилъ въ этомъ спорѣ никакихъ собственныхъ взглядовъ. Онъ только констатировалъ, что настроеніе, звучавшее въ словахъ г. Чирикова, свойственно не одному лишь послѣднему, а имѣетъ или можетъ имѣть сторонниковъ въ кругахъ, прикосновенныхъ къ русской литературѣ и русскому театру. Г. Арабажинъ сдѣлалъ даже оговорку, что лично онъ этого настроенія не раздѣляетъ, но что оно все-таки есть, и онъ считаетъ долгомъ обратить на это серьезное вниманіе товарищей-евреевъ. Можетъ быть, все это было высказано имъ и г. Чириковымъ въ болѣе мѣшковатой формѣ (нельзя же забывать, что споръ былъ въ частной товарищеской компаніи, гдѣ половина собравшихся другъ съ другомъ на ты), но по существу ничего антисемитскаго, реакціоннаго и по всѣмъ прочимъ статьямъ преступнаго эти нашумѣвшія рѣчи не содержали. Одно только въ нихъ было: *симптоматическое*.

Именно съ этимъ всего неохотнѣе согласятся юдофилы-замалчиватели. Съ ихъ точки зрѣнія ужъ лучше записать гг. Чирикова и Арабажина въ списокъ отлученныхъ отъ прогресса, чѣмъ признать, что въ рѣчахъ этихъ писателей звучалъ смягченный отголосокъ нѣкоего общаго настроенія, пробивающаго себѣ дорогу въ среднемъ кругу передовой русской интеллигенціи. Спорить тутъ невозможно, документальныхъ доказательствъ не добудешь — наличность такого настроенія можно установить пока только наощупь, и не всякій захочетъ признаться, что уловилъ въ другихъ или въ самомъ

себѣ нѣчто подобное. Но если быть искреннимъ, то вѣдь ни для кого не тайна, что это такъ. Изо всѣхъ безчисленныхъ толковъ, вызванныхъ чириковскимъ инцидентомъ, явственно звучалъ одинъ общій мотивъ: «это» не новость, объ «этомъ» уже давно и много поговариваютъ. Есть, конечно, люди, которые въ такихъ случаяхъ нарочно затыкаютъ уши — и не только себѣ, но и другимъ, въ томъ числѣ и заинтересованной сторонѣ; и пойдетъ эта заинтересованная сторона довѣрчиво дальше по старому пути, не слыша надвигающагося грома, и потомъ будетъ захвачена врасплохъ. Это считается шикомъ прогрессивнаго образа мыслей, и ничего не подѣлаешь съ людьми, которымъ такая тактика по вкусу. Я и не намѣренъ ихъ переубѣждать. Пусть притворяются оглохшими и незрячими. А все-таки назрѣваетъ какое-то облачко и невнятно доносится далекій, еще слабый, но уже непривѣтливый гулъ. . .

Повторяю — то, что назрѣваетъ въ нѣкоторомъ слоѣ русской интеллигенціи, не есть еще антисемитизмъ. Антисемитизмъ очень крѣпкое слово, а крѣпкими словами зря не слѣдуетъ играть. Антисемитизмъ предполагаетъ активную вражду, наступательныя намѣренія. Разовьются ли эти чувства когда-нибудь въ русской интеллигенціи, предсказать нелегко; но пока до нихъ еще, во всякомъ случаѣ, далеко. То, чѣмъ вѣетъ теперь, чѣмъ такъ сильно пахнуло изъ-за завѣсы, чуть-чуть приподнятой гг. Чириковымъ и Арабажинымъ, то не антисемитизмъ, а нѣчто отличное отъ него, хотя родственное, и, быть можетъ, служащее предтечей антисемитизму. Это — *асемитизм*. Въ Россіи это слово мало извѣстно, зато за границей, гдѣ куда лучше знаютъ толкъ въ разныхъ оттѣнкахъ жидоморства, оно давно въ ходу. Это не борьба, не травля, не атака: это — безукоризненно корректное по формѣ желаніе обходиться въ своемъ кругу безъ нелюбимаго элемента. Въ разныхъ профессіональныхъ сферахъ оно разно проявляется. Въ сферѣ литературно-художественной, съ которой у насъ «началось», оно приняло бы форму такого разсужденія: я пишу свою драму для своихъ и имѣю право предпочитать, чтобы на сценѣ ее разыграли свои

и критику писали свои. Этакъ мы лучше поймемъ другъ друга.

Если хотите, не вижу въ этомъ еще невнятномъ вѣяніи ничего новаго. Ново только, что объ этихъ вещахъ начинаютъ говорить: прежде считалось, что «эти вещи» сами собою понятны, вслухъ о нихъ не болтали и просто осуществляли асемитизмъ на практикѣ. И не со вчерашняго дня, а искони. Ибо что есть двадцатипятилѣтнее величавое молчаніе «Русскихъ Вѣдомостей?» Что есть теперешнее молчаніе передовыхъ органовъ? Вотъ уже пять лѣтъ прошло съ кишиневскаго погрома; за это время Россію наводнили книжками и листками, проповѣдующими племенную рѣзню, десятки уличныхъ газетъ разносятъ по всѣмъ угламъ зажженную паклю ненависти къ евреямъ; чуть ли не вся идеологія реакціоннаго движенія сводится къ этой ненависти, и, казалось бы, уже хоть потому, если не изъ рыцарской потребности заступиться за угнетеннаго, полагалось русской передовой печати бороться противъ этой пропаганды. Русская передовая печать ничего въ этомъ смыслѣ не сдѣлала. Да простится мнѣ рѣзкое слово: больше вбитыхъ гвоздей я нашелъ въ мертвыхъ глазницахъ одной изъ жертвъ погрома въ Бѣлостокѣ, чѣмъ статей объ этомъ погромѣ въ русской передовой печати Были постановленія какихъ-то съѣздовъ, чтобы газеты энергично боролись съ юдофобской пропагандой, и тоже не помогло. Не помогло даже изобиліе сотрудниковъ-евреевъ: знаю по горькому опыту, что самое страстное желаніе поднять голосъ въ защиту своей народности разбивалось, за кулисами даже самыхъ смѣлыхъ и боевыхъ органовъ, обо что-то неуловимое и неосязаемое. Много интереснаго можно было бы разсказать на эту тему... Да къ чему? Кто этого не знаетъ? Теперь образовалось нѣсколько издательствъ для борьбы съ антисемитизмомъ; оставимъ въ сторонѣ вопросъ, много ли могутъ они сдѣлать; но любопытно то, что ихъ руководители очень близко стоятъ къ вліятельной передовой печати и хорошо понимаютъ, что статья въ распространенной газетѣ гораздо полезнѣе брошюры, которая Богъ вѣсть еще попадаетъ ли въ настоящія руки. И, однако, они вынуж

8*

дены возиться съ этими брошюрами и не смѣютъ мечтать о борьбѣ съ пропагандой погрома черезъ оппозиціонную прессу. Почему?

Какъ-то я прямо задалъ этотъ вопросъ руководителямъ одной редакціи и выжалъ послѣ множества уклоненій такой отвѣтъ: насъ читаетъ интеллигенція, а она въ такихъ поученіяхъ не нуждается. Было это въ 1906 году. Хорошо. Но теперь у насъ 1909 г. Что-то новое начинаетъ прокрадываться въ русскую интеллигентскую психологію. Если и правда, что тогда русская интеллигенція была иммунизирована отъ юдофобскихъ предразсудковъ, то хватитъ ли у кого-нибудь отваги ручаться, что иммунитетъ сохранился и нынѣ?

О, да, очень многозначительно это безмолвіе. Совѣтую очень глубоко вдуматься въ него читателямъ обѣихъ національностей. Твердой рукою подписываюсь подъ словами г. Арабажина: здѣсь есть предостереженіе и вамъ, и намъ. Предостереженіе тѣмъ болѣе серьезное, что повѣтріе, первые симптомы котораго теперь насъ такъ переполошили, далеко не такая новость на нашей улицѣ, какъ это можетъ показаться наивному, — ибо зародыши той *асемитической* тенденціи, на которую такъ безхитростно вслухъ указали гг. Чириковъ и Арабажинъ, давно молчаливо таились во всей тактикѣ русской интеллигенціи по одному изъ самыхъ трагическихъ вопросовъ россійской жизни.

III

МЕДВѢДЬ ИЗЪ БЕРЛОГИ

«Нынѣ отпущаеши», могутъ сказать г-да Чириковъ и Арабажинъ: подходитъ, кажется, моментъ, когда небо исполнитъ, наконецъ, завѣтное желаніе этихъ двухъ писателей — ихъ оставятъ въ покоѣ. Der Mohr hat seine Schuldigkeit getan — der Mohr kann gehen. Не потому, чтобы инцидентъ былъ исчерпанъ: напротивъ, инцидентъ только начинаетъ завариваться по-настоящему, и, если не будетъ войны или чего-нибудь другого очень сенсаціоннаго, не скоро еще уляжется въ газетахъ эта любопытная исторія. Но дѣло въ томъ, что г-да Чириковъ, Арабажинъ, Анъ, другой Анъ и вообще всѣ участники той знаменитой бесѣды вдругъ отошли на второй планъ — ихъ заслонили болѣе крупныя фигуры. На сцену выступили г-да Струве и Милюковъ и, какъ свойственно крупнымъ фигурамъ, сразу взяли быка за рога и поставили точку на і. Пока перессорившіеся между собою совозлежатели мирной трапезы, отнынѣ безсмертной въ лѣтописяхъ еврейскаго дезертирства, обидчиво препирались на разныхъ языкахъ о томъ, какое кто слово сказалъ и какого не сказалъ, г-да Струве и Милюковъ просто перешагнули черезъ это скаредное крохокопательство и перенесли вопросъ на единственно стоющую почву. Они поняли, что дѣло совсѣмъ не въ томъ, проштрафился или не проштрафился тотъ или другой маленькій человѣкъ въ ночь на такое-то число въ частной квартирѣ такого-то, а важно установить только

одинъ моментъ: что тутъ было — случайная шальная пуля, залетѣвшая невѣдомо откуда, или первый, пусть и преждевременный, выстрѣлъ изъ сильнаго и уже недалекаго отъ перехода въ боевое настроеніе лагеря?

Мнѣніе по этому вопросу г. Струве — не новость. Въ разгарѣ выборовъ во вторую Думу онъ заявилъ одному интервьюеру, что настоящій антисемитизмъ — интеллигентскій — еще впереди. Было это напечатано въ газетѣ «Русь» и, конечно, не удостоилось ни перепечатки, ни комментарія въ другихъ передовыхъ органахъ. Теперь г. Струве иными словами повторяетъ ту же мысль. Скрывать русское «національное лицо» — «безнужно и безплодно, ибо его нельзя прикрыть». А въ чемъ оно состоитъ? Это — не раса, не цвѣтъ кожи и т. д., это есть «нѣчто гораздо болѣе несомнѣнное и въ то же время тонкое. Это — духовныя притяженія и отталкиванія... Они живутъ и трепещутъ въ душѣ». И въ томъ числѣ — «сила отталкиванія отъ еврейства въ самыхъ различныхъ слояхъ (!) русскаго населенія фактически очень велика». Конечно, въ области государственной съ этими «отталкиваніями» считаться не слѣдуетъ, т. е. равноправіе все-таки нужно дать. «Но *государственная* справедливость не требуетъ отъ насъ *національнаго* безразличія. Притяженія и отталкиванія принадлежатъ намъ, они наше собственное достояніе, въ которомъ мы вольны... И я не вижу ни малѣйшихъ основаній для того, чтобы отказываться отъ этого достоянія въ угоду кому-либо и чему-либо»... «Я полагаю, евреямъ полезно увидѣть открытое національное лицо той части русскаго, конституціонно и демократически настроеннаго общества, которая этимъ лицомъ обладаетъ и имъ дорожитъ. И, наоборотъ, для нихъ совсѣмъ не полезно предаваться иллюзіи, что такое лицо есть только у антисемитическаго изувѣрства». Все это напечатано въ газетѣ «Слово» отъ 10-го и 12-го марта и ни въ какихъ поясненіяхъ и подчеркиваніяхъ не нуждается. Но г. Милюковъ все-таки нашелъ, что масломъ каши не испортишь, и не то съ сокрушеніемъ, не то съ иронiей подливаетъ (въ «Рѣчи» отъ 11-го марта) свою толику масла: «Г-нъ Ж. можетъ тор-

жествовать: онъ выманилъ медвѣдя изъ берлоги добился того, что молчаніе кончилось, и то странное и грозное, что прогрессивная печать и интеллигенція старались скрыть отъ евреевъ, наконецъ обрисовалось въ своихъ настоящихъ размѣрахъ».

Впрочемъ, это еще сказано полуиронически, и въ концѣ статьи идутъ, конечно, завѣренія, что означенное настроеніе у русской интеллигенціи скоро пройдетъ. Но зато безо всякой ироніи и совершенно въ серьезъ дѣлается слѣдующее, вполнѣ новое и очень пикантное разоблаченіе: «Я тоже думаю, что старой русской интеллигенціи, святой и чистой въ своемъ блаженномъ невѣдѣніи, наступилъ конецъ въ Россіи съ началомъ новой политической жизни. Я тоже увѣренъ, что многія жизненныя утопіи, созданныя этой интеллигенціей на почвѣ той старой святости, скоро отомрутъ, чтобы уже не возрождаться больше. Но я увѣренъ также и въ томъ, что наивный «асемитизмъ» и «антисемитизмъ», предъявляющій намъ свои національныя права на существованіе, есть тоже одинъ изъ послѣднихъ пережитковъ (!) нашей блаженной интеллигентской невинности». Вотъ это, въ самомъ дѣлѣ, ново. «Пережиткомъ» называется нѣчто такое, что уцѣлѣло со старыхъ временъ. Значитъ, и у старой русской интеллигенціи, святой и чистой и пр., тоже имѣлись антиеврейскія «отталкиванія»? Значитъ, медвѣдь-то давно сидѣлъ въ берлогѣ? Любопытно. Вслухъ еще въ этомъ никто не признавался, особенно никто столь авторитетный. А еще любопытнѣе то, что присутствіе медвѣдя въ берлогѣ не мѣшаетъ г. Милюкову аттестовать ту старую русскую интеллигенцію «святой и чистой», а «наивный асемитизмъ или антисемитизмъ» числится у него въ спискѣ настроеній, созданныхъ «на почвѣ той старой святости». Очень у г. Милюкова мягкое отношеніе къ медвѣдю въ берлогѣ. Это уже не въ первый разъ: мы еще помнимъ его надгробную статью о Іоллосѣ, въ которой даже вѣрноподданные евреи изъ «Свободы и Равенства» усмотрѣли неосторожное обращеніе со словомъ «жидъ». Очевидно, въ нѣкоторыхъ русскихъ интеллигентахъ еще весьма живы пережитки старой чистоты и святости. . .

Итакъ, медвѣдь выглянулъ изъ берлоги. Торжествуетъ ли г. Ж., это мы оставимъ въ сторонѣ. По-моему, торжествовать ему нечего: къ статьѣ Струве сдѣлано примѣчаніе, что она была написана и сдана до появленія въ «Словѣ» другихъ статей на чириковскую тему. Никто медвѣдя нарочно не выманивалъ, а самъ онъ, повидимому, учуялъ въ воздухѣ нѣчто родное и по собственной инициативѣ рѣшилъ подать сочувственно голосъ. И эта собственная инициатива — еще одинъ любопытный штрихъ для характеристики настроенія. И вызывать не надо — сами откликаются!

Послѣ этого блестящаго выхода первачей мы считаемъ окончательно выясненнымъ основной вопросъ, въ которомъ для насъ сосредоточенъ весь общественный смыслъ инцидента: вопросъ о симптоматичности. Кому не противно, пусть и дальше разоряется на клятвенныя завѣренія, что «ничего подобнаго нѣтъ». Г Винаверъ въ той же «Рѣчи» отъ 13-го марта все-таки предлагаетъ и на будущее время еврейскія услуги, согрѣтыя взаимной любовью, «именно любовью». На здоровье. Ласковое теля двухъ матокъ сосетъ. Предоставляемъ г. Винаверу и прочимъ ласковымъ людямъ прожить маѳусаиловы годы въ этой курьезной позиціи, когда они, заглядывая пану въ очи, умильно говорятъ: «а все-таки вы насъ любите!» — а г-да Струве и Милюковъ отвѣчаютъ: — «Ммъ . . . не очень». — Для насъ споръ въ этой части исчерпанъ. Да въ сущности и для возражателей нашихъ, особенно изъ евреевъ, дѣло такъ же ясно, какъ и для насъ. Всѣ они про себя знаютъ и съ глазу на глазъ сознаются, что медвѣдь давно началъ ворочаться въ берлогѣ и, того и гляди, высунетъ морду. Лицемѣріемъ, неискренностью, малодушіемъ и искательствомъ пропитана ихъ ласковая декламація, и оттого она такъ непроходимо бездарна, и нѣтъ въ ней даже паѳоса умѣлой лжи. Люди сами себѣ не вѣрятъ и почти вслухъ говорятъ, что не вѣрятъ, и имъ никто не вѣритъ. Что же съ вами спорить? Ступайте себѣ съ миромъ дальше и повторяйте in's Blaue свои казенныя слова.

Гораздо искреннѣе тѣ публицисты изъ «Новой Руси» «Нашей Газеты», которые простодушно спрашиваютъ: «свое-

временно ли? Не лучше ли раньше успѣть рѣшить общегосударственную задачу?» Это мы понимаемъ. Это, по крайней мѣрѣ, практическая постановка вопроса. И нельзя не согласиться, что правда, дѣйствительно, несвоевременна съ русской точки зрѣнія. Ибо одно изъ двухъ: разъ медвѣдь выглянулъ, надо или бороться съ нимъ, или признать его полноправнымъ гостемъ. Бороться? Это значило бы открыть свои газеты для систематической защиты еврейскаго равноправія, для систематическаго отпора на юдофобскую травлю. Мерси боку — только этого, въ самомъ дѣлѣ, и недоставало почтеннымъ газетамъ, на которыхъ и такъ стопудовымъ бременемъ тяготѣетъ подозрѣніе въ недостаточномъ «асемитизмѣ». А признать медвѣдя тоже неудобно. Гораздо удобнѣе было бы сохранить до поры до времени старую иллюзію, что въ «святомъ и чистомъ» климатѣ этой прекрасной страны зоологическій видъ ursus judaeophagus intellectualis вообще не водится...

Но это съ русской точки зрѣнія, да еще съ точки зрѣнія еврейской прислуги русскаго чертога. Мы благодаримъ за любезное приглашеніе идейно пріютиться въ той-же людской и чрезъ ея стекла выглядывать на Божій свѣтъ, благодаримъ за столь лестное мнѣніе о нашей готовности къ собачьему самозабвенію, — но честь эту рѣшительно отъ себя отклоняемъ. Мы прекрасно понимаемъ, что для васъ удобнѣе сохранить блаженное невѣдѣніе до дня, когда будетъ рѣшена общегосударственная задача, — потому что оно васъ ни къ чему не обязываетъ и сохраняетъ къ вашимъ услугамъ всю полноту усердія и расторопности вѣрноподданнаго Израиля; а когда общегосударственная задача будетъ рѣшена, и медвѣдя, наконецъ, выпустятъ на волю, — тогда вы-то ровно ничего не потеряете. Но мы? Намъ тоже полезно не видѣть и не слышать? Намъ тоже полезно удариться въ славянофильство и грезить, что хорошо намъ знакомый зоологическій экземпляръ, вдоволь посвирѣпствовавшій въ самыхъ культурныхъ заграницахъ, — только здѣсь, только въ этой обѣтованной странѣ, только у этого богоизбраннаго русскаго народа почему-то не родится? Намъ тоже выгодно будетъ, если, оду-

раченные этой грезой, мы довѣрчиво разоружимся, распустимъ свою моральную самооборону, заложимъ и перезаложимъ въ вашихъ ломбардахъ всѣ свои цѣнности, — и *тогда*, въ одинъ прекрасный день, вы съ душевнымъ прискорбіемъ объявите намъ, что медвѣдя не устерегли и онъ, къ глубокому вашему сожалѣнію, вырвался изъ берлоги? Нѣтъ, милостивые государи, не *тогда*, а *теперь* должны вы выложить на столъ все, что у васъ за душою; и кто бы ни выболталъ намъ эту правду, — ваши илоты, какъ это было до сихъ поръ, или ваши дураки, какъ это случилось недавно, или ваши разумники, какъ это происходитъ въ послѣднемъ фазисѣ, — мы ставимъ и будемъ ставить каждое лыко въ строку, и кричимъ глупому старому еврею, что зажмурилъ глаза и идетъ, улыбаясь до ушей, приложиться къ панской ручкѣ: — помни о берлогѣ!

Много характернаго проглянуло въ этой исторіи, но всего характернѣе этотъ резонъ о несвоевременности. Никогда еще эксплоатація народа народомъ не заявляла о себѣ съ такимъ невиннымъ цинизмомъ...

IX

РУССКАЯ ЛАСКА.

Ко мнѣ постучался презрѣнный еврей . . .
Пушкинъ.

И пошло! Въ учебникѣ сказано, что тихая стоячая вода можетъ остыть иногда ниже нуля, не замерзая; но достаточно бросить въ нее камень, чтобы она мгновенно покрылась льдомъ. Это часто наблюдается и въ дѣлахъ человѣческихъ. Теперь имѣемъ случай любоваться этимъ занимательнымъ явленіемъ природы по милости инцидента съ «національнымъ лицомъ». На дняхъ еще за стыдъ и срамъ считалось русскому интеллигенту выговорить этакое слово безъ презрительной гримасы, а теперь даже такая заскорузлая, стерилизованная невинность, какъ «Наша Газета», черезъ номеръ усердно склоняетъ и спрягаетъ «національныя» словеса. И оказывается, что они, видите ли, всегда дорожили національными моментами, всегда понимали, что правильное національное чувство есть вещь безупречно-прогрессивная, и чуть ли не за то, главнымъ образомъ, и сердили на русское начальство, что оно унижаетъ національное величіе! Поистинѣ трогательное открытіе. Кто подозрѣвалъ о присутствіи такой контрабанды подъ спудомъ, и особенно въ Нашей Газетѣ», въ этомъ классическомъ образчикѣ русско-интеллигентской передовитости, въ этомъ безполомъ органѣ строго выдержаннаго направленчества безъ направленія, въ этомъ щепетильно

отгороженномъ и чистенько подметенномъ пустомъ мѣстѣ, на которомъ группа тщательно подобранныхъ безцвѣтностей, не моргая, при всемъ честномъ народѣ смотритъ себѣ въ пупъ? Такая была идеальная тихая и стоячая вода, но видно крѣпко прохватило ее окружающей температурой; попалъ въ нее камень, да еще брошенный неумной и, можетъ быть, нетрезвой рукою, — и пошло!

Многихъ изъ насъ это ошеломило — потому что мы плохіе наблюдатели. Конечно, тотъ тонкій слой, который носитъ имя передовой русской интеллигенціи и задаетъ искони тонъ въ печати, до послѣдняго времени просто не интересовался своей великорусской національностью, какъ здоровый человѣкъ не интересуется своимъ здоровьемъ, особенно когда у него другихъ хлопотъ полонъ ротъ, хата не топлена и сквозь крышу небо плачетъ. Сытый кашей каши не проситъ, особенно когда у самого сапоги просятъ каши. Но мы, по еврейской нашей склонности подчеркивать и размалевывать, а еще больше по надобности оправдать ассимиляцію, прицѣпили къ этой особенности русскаго интеллигента безконечный хвостъ распространительныхъ толкованій. Изъ настроенія, обусловленнаго только національной сытостью великоросса, мы сдѣлали чуть ли не элементарную черту его характера; мы шумѣли на разные лады, что именно русскіе, не въ примѣръ нѣмцу и всякому другому басурману, органически на «это» не способны, что имъ отъ-роду присуще нѣкое вселенское начало и отмѣнно теплыя чувства по всѣмъ направленіямъ, безъ различія вѣры и племени. И, какъ всегда, мы самихъ себя гипнотизировали своимъ шумомъ и побѣдоносно пролетали мимо самыхъ яркихъ фактовъ, не удостаивая на нихъ оглянуться. Даже мимо погромовъ попробовали сгоряча проскакать безъ оглядки, сваливъ всю бѣду на подстрекателей сверху и «отбросы общества» снизу, какъ будто оглушительный успѣхъ подстрекателей самъ по себѣ не характеренъ для данной среды, или какъ будто отбросы не характерны для выдѣляющаго ихъ организма. Но былъ еще фактъ, мимо котораго мы пробѣжали съ зажмуренными глазами; и даже не мимо него, а насквозь, проникая внутрь и ничего не

замѣчая, глядя и не видя, смакуя и не чувствуя дѣтя, анализируя тонкости и не натыкаясь на оглоблю. Этотъ фактъ — русская литература, та самая, что со времени еще Радищевъ славила свободу и милость къ падшимъ призывала; та самая, что такъ сильно проникнута идеями подвига и служенія; та самая, которая устами своихъ лучшихъ ни одного добраго слова не сказала о племенахъ, угнетенныхъ подъ русскою державой, и руками своихъ первыхъ пальцемъ о палецъ не ударила въ ихъ защиту; та самая, которая зато руками своихъ лучшихъ и устами своихъ первыхъ щедро одѣлила ударами и обидами всѣ народы отъ Амура до Днѣпра, и насъ больше и горше всѣхъ.

На дняхъ праздновали юбилей Гоголя, и немало евреевъ использовали, конечно, этотъ случай лишній разъ «поплясать на чужой свадьбѣ». Должно быть, въ нѣкоторыхъ еврейскихъ училищахъ черты устроили и еще устроятъ послѣ каникулъ гоголевскія торжества, учитель русскаго языка скажетъ прочувствованное слово, учитель физики покажетъ въ волшебномъ фонарѣ картинки изъ «Тараса Бульбы», а потомъ ученики или ученицы, картавя, пропоютъ передъ бюстомъ: «Николаю Васильевичу сла-а-ва». И девяти десятымъ изъ устроителей и участниковъ не придетъ въ голову задуматься, какова съ нравственной точки зрѣнія цѣнность этого обряда цѣлованія ладони, которой отпечатокъ горитъ на еврейской щекѣ; не придетъ въ голову, какой посѣвъ компромисса, безхарактерности, самоуниженія забрасывается въ сознаніе отрочества этимъ хоровымъ поклономъ въ ноги единственному изъ первоклассныхъ художниковъ міра, воспѣвшему, въ полномъ смыслѣ этого слова, всѣми красками своей палитры, всѣми звуками своей гаммы и со всѣмъ подъемомъ увлеченной своей души воспѣвшему еврейскій погромъ.

Стоило бы, можетъ быть, въ честь юбилея тутъ переписать слишкомъ забытыя нѣсколько страницъ изъ того же «Тараса Бульбы». Ничего подобнаго по жестокости не знаетъ ни одна изъ большихъ литературъ. Это даже нельзя назвать ненавистью, или сочувствіемъ казацкой расправѣ надъ жидами: это хуже, это какое-то беззаботное, ясное ве-

селье, не омраченное даже полумыслью о томъ, что смѣшныя дрыгающія въ воздухѣ ноги — ноги живыхъ людей, какое-то изумительно-цѣльное, неразложимое презрѣніе къ низшей расѣ, не снисходящее до вражды. Стоило бы процитировать, да не хочется. Все равно, кому нужно усердствовать, тѣхъ не остановишь. Нѣтъ такой хитрой преграды, чтобы подъ нею не проползъ кабцанъ, которому дали входной билетъ погрѣться у людей на солнышкѣ. И не хочется еще потому, что нѣтъ никакой причины останавливаться на одномъ Гоголѣ, дѣлать выписки изъ него и не дѣлать выписокъ изъ его братьевъ по этой великодушной литературѣ. Чѣмъ онъ хуже ихъ, и чѣмъ они лучше?

Веселая картина получится, если взять и на память, не выискивая, не докапываясь, просто, какъ говорятъ репортеры, au hazard подсчитать ласку, что мы видѣли въ разныя времена отъ разныхъ великановъ русскаго художества. Для Пушкина понятіе еврей тѣсно связано съ понятіемъ шпіонъ (это въ замѣткѣ о встрѣчѣ съ Кюхельбекеромъ). Въ «Скупомъ рыцарѣ» выведенъ еврей ростовщикъ, расписанный всѣми красками низости, еврей, подстрекающій сына отравить папашу — а ядъ купить у другого еврейчика, аптекаря Товія. У Некрасова «жиды» на биржѣ уговариваютъ проворовавшагося русскаго купца: «намъ вы продайте пан, деньги пошлите въ Америку», а самъ пусть бѣжитъ въ Англію:

„На катерѣ —
Къ насей финансовой матери,
И поживайте, какъ *царръ!*"
Такъ говорили жиды —
Слогъ я исправилъ для ясности...

У Тургенева есть разсказъ «Жидъ», неправдоподобный до наивности; читая, видишь ясно, что авторъ нигдѣ ничего подобнаго не подсмотрѣлъ и не могъ подсмотрѣть, а выдумалъ, какъ выдумывалъ сказки о призракахъ, — и *что* выдумалъ, и съ какимъ чувствомъ нарисовалъ и раскрасилъ! Старый жидъ, конечно, шпіонъ, а кромѣ того продаетъ еще офицерамъ свою дочку. Зато дочь, конечно, красавица. Это по-

нятно. Нельзя же совсѣмъ обездолить несчастное племя. Надо жъ ему хоть товаръ оставить, которымъ онъ могъ бы торговать.

По Достоевскому — отъ жидовъ придетъ гибель Россіи. Это, казалось бы, давало жидамъ извѣстное право на вниманіе; однако, ни одного цѣльнаго еврейскаго образа у Достоевскаго нѣтъ, насколько сейчасъ могу припомнить. Но если правда, что битый радъ, когда бьютъ и сосѣда, то мы можемъ утѣшиться, припоминая польскіе типы Достоевскаго, особенно въ «Карамазовыхъ» и въ «Игрокѣ». «Полячокъ» — это обязательно нѣчто подлое, льстивое, трусливое, вмѣстѣ съ тѣмъ спѣсивое и наглое; и даже тѣ затаенныя въ польской душѣ надежды, къ которымъ самый заклятый врагъ долженъ отнестись съ уваженіемъ, о которыхъ самъ Бюловъ, защищая враждебный полякамъ законъ, говорилъ недавно въ рейхстагѣ съ шапкою въ рукахъ, — коробитъ и вспомнить, какой желчной слюною облиты эти надежды разгромленнаго народа у тонкаго, многострадальнаго автора «Карамазовыхъ».

Чеховъ? Еврейскіе критики ужасно любятъ цитировать изъ «Моей жизни» мимоходомъ оброненную фразу, что библіотека провинціальнаго городишки пустовала бы, если бы не дѣвушки и молодые евреи». Это глубоко трогаетъ еврейскихъ критиковъ, это имъ очень льститъ, они въ этомъ видятъ явную агитацію за безпроцентное допущеніе евреевъ къ образованію. Добрый мы народъ, и самая добрая наша черта, это — что и малымъ довольны.... По существу же былъ Чеховъ наблюдатель, не вѣдавшій ни жалости, ни гнѣва, и не любившій ничего, кромѣ увядающей красоты «вишневаго сада»; поэтому еврейскія фигуры, изрѣдка попадающіяся въ «Степи», «Перекати-полѣ», «Ивановѣ», написаны съ обычнымъ для этого художника правдивымъ безразличіемъ. И съ такимъ же правдивымъ безразличіемъ нарисовалъ Чеховъ своего Иванова, одного изъ несчетныхъ Ивановыхъ, составляющихъ фондъ русской интеллигенціи, и съ такимъ же правдивымъ безразличіемъ засвидѣтельствовалъ, что Ивановъ, когда въ дурномъ настроеніи, вполнѣ способенъ обру-

гать свою крещеную жену жидовкой. Но Чеховъ самъ былъ во многихъ отношеніяхъ Ивановымъ, русскимъ интеллигентомъ до мозга костей, и случилось и ему однажды выругаться по адресу жидовки. Тогда онъ написалъ свою «Тину». Это анекдотъ еще болѣе нелѣпый и неправдоподобный, чѣмъ тургеневскій «Жидъ», настолько пошлый по сюжету, что и двухъ строкъ не хочется посвятить его передачѣ. Гдѣ это Чехову приснилось? Зачѣмъ это написалось? — Такъ. Прорвало Иванова, одного изъ несчетныхъ Ивановыхъ земли русской.

Кого еще назвать? Лѣскова? Н. Вагнера (Котъ-Мурлыка)? Изъ однихъ именъ можно было бы составить длинное стихотвореніе, какъ у того французскаго поэта:

Jeannette, Nine,
Alice, Aline,
Léda, Julie —
Et j'en oublie...

Ничего въ противовѣсъ этому списку не можетъ назвать русская литература. Никогда ни одинъ изъ ея крупныхъ художниковъ не поднялъ голоса въ защиту правды, растоптанной на нашей спинѣ. Даже въ публицистикѣ не на что указать, кромѣ одной статейки Щедрина и одной статейки Чичерина. Въ беллетристикѣ нечѣмъ похвастать, кромѣ сладенькаго, нестерпимо-бездарнаго мачтетовскаго «Жида», да еще гдѣ-то за порогомъ художества красуется шедевръ г. Чирикова. Тѣ изъ насъ, которые малымъ довольны, восторгаются еще «Суднымъ днемъ» Короленко, ибо тамъ доказано, что иной хохлацкій шинкарь еще прижимистѣе шинкаря-еврѐя. Лестно. Если за это полагается мерси, то у Лѣскова есть гораздо болѣе обстоятельные разсказы на тему о томъ, что хотя жидъ и мошенникъ, но румынъ еще того хуже, а русскій помѣщикъ, купецъ и мужичокъ тоже не промахъ по части вороватости... Но ничего настоящаго, ничего такого, что если не по силѣ, то хоть по настроенію, по проникновенію въ еврейскую душу могло бы стать рядомъ съ «Натаномъ Мудрымъ» или съ Шейлокомъ, русская литература не дала. Да и зачѣмъ такіе высокіе образцы: рядомъ у поляковъ есть

Элиза Оженко, есть знаменитый Янкель изъ «Пана Тадеуша», написанный Мицкевичемъ въ то самое время, когда Пушкинъ малевалъ своего жида Соломона изъ «Скупого рыцаря»...

Не сомнѣваюсь: какъ всегда, найдется гдѣ-нибудь газетный пошлякъ, который во всемъ этомъ увидитъ ненависть къ русской литературѣ. Если это случится, я возражать не буду: надоѣло спорить съ пошляками, возиться съ людьми внутренно недобросовѣстными, которые давно сами знаютъ о своемъ банкротствѣ и еще все-таки зазываютъ бѣдную публику съ ея нищенскими сбереженіями къ своему подгнившему прилавку. Между прочимъ, русскую литературу я очень цѣню, включая и этого самаго Гоголя, потому что литература должна быть прежде всего талантлива, и русская литература — далеко не въ примѣръ инымъ прочимъ отраслямъ русской національной жизнедѣятельности — этому условію удовлетворяетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надо помнить, что философію народа, его настоящую, коренную философію выражаютъ не философы и публицисты, а художники, и въ данномъ вопросѣ характеръ этой философіи для всякаго, кто не слѣпъ и не глухъ, ясенъ безъ малѣйшей двусмысленности. Можетъ быть мало на свѣтѣ народовъ, въ душѣ которыхъ таятся такіе глубокіе зародыши національной исключительности. Мы проглядѣли, что родоначальная страница русской классической драмы — «Горе отъ ума» — насквозь пропитана обостреннымъ націоналистическимъ чувствомъ, до краевъ полна протестомъ во имя національной самобытности, выходками противъ французско-нижегородской ассимиляціи, проповѣдью «премудраго незнанья иноземцевъ». Мы проглядѣли, что Пушкинъ въ разгарѣ таланта написалъ потрясающее по энергіи и силѣ стихотвореніе «Клеветникамъ Россіи», гдѣ трепещетъ подлинный нервъ того настроенія, которое въ Англіи теперь называютъ джингоизмомъ. Мы проглядѣли, что въ пресловутомъ, и насъ захватившемъ культѣ «святой и чистой» русской интеллигенціи, которая-де лучше всѣхъ заграничныхъ и супротивъ которой нѣмцы и французы просто мѣщане, — что во всемъ этомъ славословіи о себѣ самихъ, рѣшительно вздор-

номъ и курьезномъ, гулко звучала нота національнаго самообожанія. И когда началось освободительное движеніе, и со всѣхъ трибунъ понеслась декламація о томъ, что «мы» обгонимъ Европу, что Франція реакціонна, Америка буржуазна, Англія аристократична, а вотъ именно «мы», во всеоружіи нашей неграмотности, призваны утереть имъ носъ и показать настоящее политическое зодчество, — наша близорукость и тутъ оплошала, мы и тутъ не поняли, что предъ нами взрывъ непомѣрно вздутаго національнаго самолюбія, туманящій глаза, мѣшающій школьникамъ учиться уму-разуму у Европы, у Америки, у Австраліи, у Японіи, у всѣхъ, потому что всѣ ихъ обогнали.

Я говорю только о зародышахъ. Они еще надолго останутся зародышами. Несмотря на всѣ призывы Струве, великорусскому націонализму еще некуда и не во что развиваться, кромѣ какъ по черносотенной тропинкѣ, по которой серьезная часть интеллигенціи, должно быть, не пойдетъ. Въ національномъ смыслѣ у великоросса ни въ чемъ нѣтъ недостатка, а напротивъ — въ колоссальныхъ доходахъ, которые приноситъ ему его національная культура, большую роль играютъ инородческія подати, особенно еврейская. Кто сочтетъ, въ какой мѣрѣ хотя бы нынѣшнія модныя книгоиздательства обязаны своимъ ростомъ руссифицированному инородческому потребителю, и въ первую очередь еврею? Русскому націонализму не за что бороться — никто русскаго поля не занялъ, а напротивъ: русская культура, безсознательно опираясь на казенное насиліе, расположилась на чужихъ поляхъ и пьетъ ихъ матеріальные и нравственные соки. Для развитія зародышей нѣтъ еще почвы, и она явится только въ тотъ моментъ, когда среди народностей Россіи подымется національное движеніе въ серьезъ, и борьба противъ руссификаціи проявится не на словахъ, какъ теперь, а въ фактическомъ разрывѣ съ великорусскою культурой. Мы тогда увидимъ, кто наши могучіе сосѣди и есть ли у нихъ національная струнка, и тогда, можетъ быть, лучше поймемъ нѣкоторыя забытыя страницы изъ Некрасова, Пушкина и Гоголя.

ОБМѢНЪ КОМПЛИМЕНТАМИ

РАЗГОВОРЪ

(1911)

Это былъ именно разговоръ, бесѣда, causerie; я въ ней не участвовалъ, а сидѣлъ сбоку и слушалъ, и потому не отвѣчаю ни за доводы, ни за выводы. Тему бесѣдовавшимъ лицамъ дала нашумѣвшая статья А. Столыпина о «низшей расѣ». Собесѣдниковъ двое: одинъ русскій, другой еврей; оба мирно сидятъ за чаемъ и ласково бесѣдуютъ о томъ, чья раса ниже.

— По моему, — сказалъ еврей, — вообще нѣтъ высшихъ и низшихъ расъ. У каждой есть свои особенности, своя физіономія, свой комплексъ способностей, но я увѣренъ, что если бы можно было найти абсолютную мѣрку и точно расцѣнить прирожденныя качества каждой расы, то въ общемъ оказалось бы, что всѣ онѣ приблизительно равноцѣнны.

— Какъ такъ? — чукчи и эллины равноцѣнны?

— Я думаю. Поселите чукчей въ условіяхъ древней Эллады — и они, вѣроятно, дали бы міру свои цѣнности. Не тѣ самыя, какія дали міру греки, потому что у каждаго народа свое, но все же цѣнности и, быть можетъ, равноцѣнныя съ эллинскими. Доказать это, конечно, не въ нашей власти; я вамъ только высказываю свое убѣжденіе, но зато ужъ это — глубокое убѣжденіе. Я не вѣрю въ то, будто есть высшія и низшія расы. Всѣ одинаково по-своему хороши.

— Странно слышать это именно изъ устъ еврея. Вы, которые исторически смотрѣли на себя, какъ на племя избранное. . .

— Да, да, знаю этотъ доводъ. Я вамъ и больше скажу: послѣ разрушенія второго храма Титомъ еврейскіе мудрецы

9*

больше всего убивались именно о томъ, что Богъ предалъ ихъ въ руки «умма шефела». «Умма шефела» значитъ буквально низшее племя. Понимаете, въ ихъ глазахъ римляне, блестящіе римляне эпохи принципата, уже впитавшіе въ себя, кромѣ собственной культуры, изысканную цѣнность эллинизма, — были все-таки низшей расой. Но это доказываетъ только одно: что тѣ мудрецы были ослѣплены. И точно такъ же всѣ новыя теоріи о низшихъ расахъ — продуктъ ослѣпленія.

— Нѣтъ, я съ этимъ не согласенъ. Конечно, А. Столыпинъ пересолилъ; это объясняется его личнымъ горемъ, которое именно ослѣпляетъ; надо это понять и простить. Но все же и въ другую сторону пересаливать нѣтъ надобности. Что всѣ расы равноцѣнны, это парадоксъ. Я могъ бы сослаться на негровъ, которые живутъ въ Америкѣ рядомъ съ бѣлыми и все-таки не равны бѣлымъ, на турокъ, которые устроили Стамбулъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ арійцы создали Византію, и т. д. Но я считаю ваше общее положеніе, будто всѣ расы равноцѣнны, настолько парадоксальнымъ, что даже не стану его опровергать. Вы не найдете пяти человѣкъ даже среди вашихъ единовѣрцевъ — вѣрнѣе, *особенно* среди вашихъ единовѣрцевъ, — которые согласились бы съ этимъ мнѣніемъ. Оставимъ поэтому общій вопросъ въ сторонѣ. Рѣчь у насъ шла о еврейской расѣ. Повторяю, Столыпинъ пересолилъ. Я не скажу, чтобы и съ Чемберленомъ былъ вполнѣ согласенъ, хотя это очень образованный и очень вдумчивый мыслитель. Я также не во всемъ согласенъ съ вашимъ собственнымъ Вейнингеромъ, хотя и онъ приводитъ много поражающихъ, глубокихъ аргументовъ въ подтвержденіе того, что еврейская раса, такъ сказать, неполноцѣнна. Затѣмъ, я читалъ кое - что и съ вашей стороны — Гертца, который вообще отрицаетъ расу, и новаго писателя Цольшана, который считаетъ еврейскую расу превосходной. Главное же, чѣмъ я интересуюсь, это жизнь, и вотъ вамъ общее впечатлѣніе, которое у меня осталось по этому вопросу изъ книгъ и изъ наблюденія жизни. Вы, несомнѣнно, раса съ какими-то крупными органическими духовными недочетами. (Вы понимаете, я не говорю объ исключеніяхъ — есть очень

почтенные евреи, я самъ знаю идеальныхъ людей изъ вашей среды; впрочемъ, и эти исключенія можно объяснить случайнымъ смѣшеніемъ крови; но тутъ не о нихъ идетъ рѣчь, вы понимаете).

Понимаю, понимаю, не стѣсняйтесь, мы привыкли.

- И вотъ мое общее впечатлѣніе: вы раса безусловно неполноцѣнная. Полноцѣнной я называю расу творческую и гармонично - разностороннюю. Вы ни то, ни другое. У васъ нѣтъ и никогда не было собственнаго творчества. Доказано, что ваше единобожіе и ваша суббота заимствованы; вы по отношенію къ этимъ идеямъ сыграли только роль популяризаторовъ, если позволите даже комми-вояжеровъ; къ этой роли еврейская раса, дѣйствительно, весьма приспособлена. Зато еврейская душа неспособна ко многимъ воспріятіямъ, ваша гамма ощущеній крайне мала и не имѣетъ хроматическихъ оттѣнковъ; этимъ объясняется то, что у васъ въ лучшія времена вашей независимости не было никогда пластическихъ искусствъ. Для постройки храма Соломону пришлось вызвать зодчаго изъ-заграницы. Въ вашей Библіи - даже въ «Пѣсни пѣсней» — нѣтъ, говорятъ, ни одного слова, означающаго цвѣтъ, окраску. Только про Давида сказано, что онъ былъ рыжій, да Суламиѳь себя называетъ смуглой; но краски природы, неба, моря, листвы — все это игнорируется, точно не существуетъ, не нужно, не интересно для сухого, расчетливаго, монотоннаго еврейскаго духа. Сравните съ этимъ Гомера, его rhododactylos Eos — зарю съ розовыми пальчиками!. . .

— Позвольте, при чемъ тутъ раса? Изъ той же расы произошли потомъ Израэльсъ, Левитанъ . . . Да и чуть-ли не вся «русская» скульптура, простите, тоже произошла изъ этой расы — Антокольскій, Гинцбургъ, Аронсонъ. . . Просто въ древности не могло развиваться у евреевъ художество потому, что религія запрещала изображать то, что «на небѣ вверху и что на землѣ внизу». . .

Нѣтъ-съ, это не доводъ. Религіозныя вѣрованія не объясняютъ національнаго характера. они сами должны имѣть свое объясненіе въ особенностяхъ національнаго ха-

рактера. Народъ съ художественными задатками никогда не принялъ бы антихудожественной религіи. Но вы меня не прерывайте. Я иду дальше: и библейская этика ваша, которой вы такъ гордитесь, какая-то сухая, расчетливая, — не-рыцарская, чтобы не сказать — просто неблагородная. Каждый параграфъ имѣетъ ясную практическую санкцію, обязательство Господа Бога уплатить наличными: дать землю, текущую млекомъ и медомъ, продлить дни твои на землѣ. . . Библія не знаетъ высшихъ стимуловъ морали — ни идеи совершенства, ни приближенія къ божеству, ни загробной жизни. Вдумайтесь только въ этотъ фактъ: народъ, въ священныхъ книгахъ котораго нѣтъ ни слова о томъ, что будетъ съ человѣкомъ послѣ смерти! Сравните это съ арійцами, у которыхъ вся религія-то началась съ культа «отцовъ»! Вѣдь это разительное доказательство полнаго отсутствія интереса ко всему, что не имѣетъ непосредственной практической цѣли. За предѣлами практическихъ надобностей общежитія у васъ не только воля, но даже мысль не работала. Просто не интересовались. Неужели все это не даетъ права отрицать многогранность еврейской души? Неужели она равноцѣнна съ душой арійца, всесторонняго, рыцарственнаго, мечтательнаго, гармоническаго? Поймите, я не хочу обидѣть. . .

— Понимаю, понимаю. Пожалуйста.

— Да я кончилъ. Хотѣлъ только прибавить, что и въ жизни не могу не видѣть подтвержденій этого взгляда. Распространяться на эту тему не хочу, но все-таки согласитесь, что если всѣ, всюду, всегда ненавидятъ и презираютъ одну и ту же расу, то вѣдь нельзя это такъ просто объяснить однимъ тѣмъ, что всѣ люди, молъ, мерзавцы. Мѣняются предлоги вражды, мѣняется содержаніе обвиненій, предъявляемыхъ къ евреямъ, но вражда и презрѣніе вѣчны. Неужели вамъ самимъ въ голову никогда не приходитъ, что вѣрно есть въ васъ что-то такое непріемлемое, нестерпимое, разъ всегда и повсюду вы наталкиваетесь на одно и то же отношеніе? Возьмите только списокъ выдающихся людей, которые терпѣть не могли евреевъ: кого вы тамъ только не найдете! Цицеронъ, Ювеналъ и Тацитъ. Джордано Бруно и

Лютеръ; Шекспиръ, Вагнеръ, Дюрингъ, Гартманъ, въ сущности и Ренанъ; Пушкинъ, Гоголь, Шевченко, Достоевскій, Тургеневъ... Это даже не десятая доля полнаго списка. Наконецъ, вотъ что я вамъ скажу. Вы, евреи, вообще мало встрѣчаетесь съ русскими, даже съ юдофильствующими; а я среди нихъ живу и знаю, какъ они къ вамъ относятся, когда васъ нѣтъ по близости. Вы, господа, сами не знаете, сколько у васъ враговъ даже среди вашихъ друзей. Можетъ быть, это не «вражда» въ настоящемъ смыслѣ, даже не презрѣніе: это именно какое то непреоборимое ощущеніе *низшаго существа, низшей расы*. Это ощущеніе есть у всѣхъ, и если какой-нибудь Милюковъ или даже Плехановъ станетъ меня увѣрять, будто оно ему незнакомо, я ему не повѣрю. А когда одно и то же чувство раздѣляютъ всѣ, тогда то чувство — правда.

Вы кончили?

— Кончилъ. Жду вашихъ возраженій.

Я не буду возражать.

— Вотъ какъ?

Не буду. Развѣ укажу вамъ на двѣ-три мелочи, которыя мнѣ больше запомнились. Напримѣръ, о загробной жизни. Въ Библіи о ней, дѣйствительно, не говорится; тѣмъ не менѣе совершенно ясно, что вѣрованія о загробной жизни у древнихъ евреевъ были. Саулъ въ Энъ-Дорѣ вызываетъ тѣнь пророка Самуила; Самуилъ «*подымается*» и спрашиваетъ: «зачѣмъ ты меня *потревожилъ?*» Для всякаго, кто привыкъ разбираться въ исторіи культуры, ясно, что такая легенда, такія выраженія, вообще самая идея вызыванія мертвецовъ можетъ зародиться только тамъ, гдѣ есть вѣра, что мертвецъ и за гробомъ продолжаетъ жить. А другія выраженія Библіи, вродѣ того, что Авраамъ присоединился къ народу своему», иными словами — умеръ? Или та тщательность, съ которой Авраамъ выбираетъ мѣсто, гдѣ похоронить Сарру? Всякій соціологъ скажетъ вамъ, что это явныя черты народа, вѣровавшаго въ загробную жизнь. Прямого изложенія этихъ вѣрованій въ Библіи не сохранилось, но не забудьте, что почти вся древнѣйшая литература евреевъ

погибла, и Библія — только осколки ея. Въ книгѣ Эсѳири ни разу не упоминается имя Божіе. Если бы уцѣлѣла только она, вы бы стали увѣрять, что евреи не знали идеи Бога... Или вотъ, тоже о краскахъ и вообще о художествѣ. Во-первыхъ, кромѣ русаго Давида и смуглой Суламиѳи, въ Библіи есть еще и «зеленѣющія» деревья, и «красная» чечевичная похлебка, и «синяя» пряжа. Во-вторыхъ, картины природы въ «Пѣсни пѣсней», именно по богатству зрительныхъ впечатлѣній, куда полнѣе Гомера и его розоперстой зари. Въ-третьихъ — почему вы напираете на отсутствіе пластическихъ искусствъ, а забываете о высокомъ развитіи музыки у древнихъ евреевъ? Книги Паралипоменонъ полны музыки даже черезчуръ — на каждомъ шагу музыка и пѣніе. Это еще спорно, какое искусство глубже, какое искусство болѣе артистично — пластическое или тоническое. А что касается до иностранныхъ зодчихъ, то вѣдь и вамъ въ Россіи долгое время всѣ лучшіе храмы строили заморскіе архитекторы, однако вы себѣ не отказываете въ художественной душѣ... Но это все мелочи. По существу я съ вами спорить не буду.

Значитъ, согласны?

Нѣтъ, это просто значитъ, что о вкусахъ не спорятъ. Изъ вашихъ словъ ясно только одно: что мы вамъ не нравимся. Это дѣло эстетики. Объективнаго критерія тутъ быть не можетъ. Вы считаете, что ждать награды въ загробной жизни есть этика высшаго качества, чѣмъ ждать награды въ жизни земной, а я считаю, что наоборотъ. Вы считаете, будто ученіе о приближеніи къ божеству выше ученія о томъ, что надо время отъ времени прощать долговыя обязательства, и во время жатвы оставлять край поля неубраннымъ — для бѣдняковъ; а я полагаю, что въ этихъ простыхъ правилахъ куда больше правды, и не земной, а божественной правды, правды, приближающей къ божеству. Вы считаете, что заимствовать элементы культуры у Вавилона значитъ быть комми-вояжерами; а я считаю, что всякое творчество въ мірѣ опирается на заимствованные элементы, и что народъ, который сумѣлъ, на самой зарѣ своей жизни, собрать эти осколки золота и создать изъ нихъ такой вѣчный храмъ, — что этотъ

народъ есть народъ творчества par excellence среди всѣхъ народовъ земли. Словомъ, это дѣло вкуса. Я вѣдь не отрицатель расъ, я не спорю противъ того, что есть арійское начало и есть еврейское, и что они различны по содержанію. Я только считаю нелѣпостью всякую попытку *расцѣнить* оба эти начала, установить, какое изъ нихъ «высшее» и какое «низшее». Думаю, что предъ лицомъ объективности оба равноцѣнны и равно необходимы человѣчеству. А всякая оцѣнка можетъ исходить только изъ предвзятой нелюбви. Хотите, я вамъ покажу опытъ?

Какой?

– Я попробую проанализировать нѣсколько моментовъ изъ русской исторіи. Буду при этомъ дѣйствовать такъ же, какъ вы: возьму въ руки такую мѣрку, какая мнѣ нравится, и буду ее прилагать къ событіямъ, изложеннымъ у Иловайскаго. Посмотримъ, что получится. Хотите?

Пожалуйста. Комплименты за комплименты.

Именно. Начнемъ съ мѣрки. По вашему, мѣрка высшей расы это творчество и многогранность. Я могъ бы поспорить и на ту тему, доказало ли русское племя въ чемъ-нибудь свою творческую многогранность — дало ли оно міру хоть одно великое новое слово въ области науки, религіи, философіи, законодательства, техники, художества... Но оставимъ это. Дѣло въ томъ, что я выдвигаю другой критерій высшей расы: самосознаніе. Въ существѣ высшей породы, будь это ученый среди дикарей или аристократъ среди плебеевъ, всегда живетъ неискоренимое, неподвластное его собственной волѣ сознаніе своей цѣнности. Внѣшне оно выражается въ томъ, что мы называемъ разными именами — чаще всего гордостью. Это есть та черта, благодаря которой король Лиръ и въ рубищѣ остается королемъ: онъ *сознаетъ* себя королемъ, онъ не можетъ отдѣлаться отъ этого сознанія. Это ощущеніе своей аристократичности есть первый и главный признакъ аристократичности. Конечно, иногда parvenu выдаетъ себя за аристократа; съ другой стороны, и у бушменовъ есть повѣрье, что остальные люди хуже ихъ. Но достаточно выскочкѣ встрѣтиться лицомъ къ

лицу съ настоящимъ бариномъ, и трещина въ его сознаніи сразу вскроется: онъ смутится, онъ собьется съ тона — и онъ *ощутитъ* свою инферіорность. То же самое происходитъ съ бушменомъ при столкновеніяхъ съ бѣлымъ человѣкомъ: въ концѣ концовъ, бѣлый ему все-таки импонируетъ. У обоихъ есть сознаніе своего превосходства, но у бѣлаго оно уцѣлѣетъ, а у бушмена расшатается и атрофируется, и бѣлый получитъ надъ нимъ не только кулачную, но и моральную власть. Поэтому, признакомъ высшей расы можно считать только такое сознаніе превосходства, которое оказалось способнымъ выдержать въ теченіе долгаго времени сильные конфликты и не пошатнулось.

— А, я понимаю вашу мысль. Такъ какъ, молъ, евреи три тысячи лѣтъ вѣрятъ въ свое превосходство, то они...

— Нѣтъ. Рѣчь у насъ не о евреяхъ, а о васъ, русскихъ. Я только разъяснилъ, что понимаю подъ словомъ «самосознаніе» и почему считаю наличность такого самосознанія главнымъ признакомъ высшей расы (если, конечно, допустить, что есть высшія и низшія расы). Высшая раса должна обладать прежде всего самосознаніемъ; ей присуща непоборимая гордость, выражающаяся, конечно, не въ спѣси, но въ стойкой выдержкѣ, въ уваженіи къ цѣнностямъ своего духа. Самая мысль о томъ, чтобы подчинить себя и свою душу чужому началу, должна быть органически непріемлема для такой расы. Теперь беремте Иловайскаго и начнемъ мѣрить этой мѣркой вашу русскую исторію.

— Посмотримъ.

— На зарѣ этой исторіи мы встрѣчаемся съ призваніемъ варяговъ. Фактъ замѣчательный. Вы скажете мнѣ, что это басня, а не фактъ. Я знаю. Конечно, на самомъ-то дѣлѣ оно произошло не такъ; вѣроятно, варяжскіе викинги просто на просто захватили когда-то власть силой, и потомъ смутное воспоминаніе объ этомъ событіи превратилось въ легенду. Но вѣдь легенда есть плодъ народнаго творчества, и въ ней сказывается народная душа. Поэтому, если за «призваніе варяговъ» русскій народъ не отвѣтственъ, то за *легенду* о призваніи варяговъ онъ отвѣчаетъ. Та идея, которая лежитъ

въ основѣ этой легенды, была, очевидно, вполнѣ пріемлема, совершенно естественна для русскаго народнаго самосознанія, иначе легенда не сохранила бы этой идеи. А въ чемъ эта идея? Что собрались вожди русской земли и рѣшили поставить надъ собою вождя изъ-за границы. Не кто нибудь, не простое мужичье, а воеводы собрались, и не нашлось у нихъ достаточно самолюбія, чтобы додуматься до другого выхода изъ положенія. Очевидно, народу, который создалъ эту легенду, который *такъ* объяснялъ себѣ фактъ воцаренія чужеземцевъ, это казалось естественнымъ; очевидно, его не шокировала мысль о томъ, что предки его сами управлять не могли и что единственнымъ средствомъ завести порядокъ было выписать начальника изъ-за границы. Чтобы понять всю соль этой басни, сравните ее съ еврейской легендой о томъ, что произошло на зарѣ еврейской исторіи. На зарѣ еврейской исторіи Израиль уходитъ изъ-подъ власти чужеземнаго царя и пускается черезъ пустыню — завоевывать себѣ обѣтованную отчизну. Вамъ не кажется, что въ этихъ двухъ легендахъ — двѣ народныя психологіи?

— Нѣтъ, не кажется. Впрочемъ, я вѣдь не спорю, я слушаю.

— Перелистываемъ Иловайскаго дальше. Останавливаю ваше вниманіе на страницѣ, гдѣ разсказывается, какъ весь народъ при Владимірѣ принималъ новую вѣру. Стоятъ по горло въ водѣ и принимаютъ новую вѣру. Въ это же самое время они кричатъ Перуну, котораго по княжьему приказу сбросили въ воду: «выдыбай, боже!» То-есть, Перунъ для нихъ еще богъ, который можетъ выплыть. Я понимаю, народъ мѣняетъ вѣру, когда старая расшатана. Но когда старая вѣра еще цѣлехонька, когда она изъ глубины души народной кричитъ «выдыбай, боже!» — въ это самое время лѣзть всѣмъ скономъ въ воду и принимать новую вѣру — это ясно говоритъ объ одномъ: не было самосознанія, не было гордаго уваженія къ своему внутреннему достоянію, не было ощущенія, что мнѣ нельзя ничего навязать такого, чему нѣтъ корней въ моей совѣсти. Если есть расы высшія и низшія, то *такъ* не дѣйствуетъ высшая.

— Одно замѣчаніе: у Иловайскаго приведена поговорка, объясняющая, почему пришлось лѣзть въ воду. «Добрыня крестилъ мечемъ, а Путята огнемъ».

— Не сомнѣваюсь. Позвольте вамъ только напомнить, для сравненія, что насъ, евреевъ, крестили и огнемъ, и мечемъ; это у насъ не поговорка, а вся наша исторія за 2000 лѣтъ этимъ полна — и, однако, ни Путята, ни Добрыня ничего съ нами не подѣлали. Очевидно, мы такой народъ, съ которымъ нельзя разговаривать съ палкой въ рукахъ... Но я отвлекаюсь; вернемся къ Иловайскому. Передъ нами татарское иго. Это одно изъ самыхъ странныхъ политическихъ явленій на свѣтѣ. Оно почти безпримѣрно. Когда римляне завоевывали страну, они ставили тамъ гарнизонъ, выводили туда римскія или латинскія колоніи; это была оккупація, въ той или иной формѣ. Тутъ было совершенно другое. Послѣ страшнаго разгрома татары отхлынули къ себѣ въ орду; они, собственно, эвакуировали Русь, и не фактическимъ постоемъ, а однимъ только угрожающимъ видомъ своимъ, издали, держали ее въ повиновеніи. Вамъ не кажется, что для этого нуженъ былъ ей какой-то особенный... талантъ повиновенія? Конечно, разгромъ былъ ужасный, память объ этомъ урокѣ изгладиться не могла; но все-таки есть характеры строптивые, жестоковыйные, которые быстро забываютъ самый кровавый урокъ и дерутся, пока не обрубятъ имъ рукъ, — и есть другіе характеры, помягче. Сравните опять-таки, ради параллели, отношеніе евреевъ къ чужеземному владычеству надъ Палестиной. Пока хоть горсть іудеевъ оставалась на святой землѣ, страна не покорилась. Не съ ордою кочевниковъ, а съ великимъ Римомъ воевали Баръ-Гіора и Баръ-Кохба! Татары оставили удѣльной Руси полную автономію, и она смирялась и платила дань. Римлянамъ пришлось провести плугъ по Іерусалиму, сравнять съ землею цвѣтущіе города Галилеи, истребить и разогнать еврейское населеніе чуть ли не до послѣдняго человѣка, и только тогда Іудея подчинилась. Кровавая баня Тита была тоже страшнымъ «урокомъ», но черезъ 70 лѣтъ Баръ-Кохба уже успѣлъ его забыть. Очевидно, не всѣ расы обладаютъ счастливой способностью такъ

свято помнить «уроки», чтобы достаточно было хорошенько «проучить» одинъ разъ, и повиновеніе гарантировано на 200 лѣтъ. Есть расы неукротимыя, и есть поддающіяся укрощенію. Какія «выше»?

Дѣло вкуса, какъ вы сами сказали. Но я васъ слушаю, продолжайте.

— Нѣтъ, признаться, мнѣ ужъ надоѣло. Мы вѣдь не такъ интересуемся вашей исторіей, какъ вы, антисемиты, нашей. Развѣ еще укажу на одну маленькую деталь, относящуюся къ той же страницѣ Иловайскаго — о татарскомъ игѣ. Тамъ разсказывается, что ваши князья ѣздили въ орду на поклонъ и становились на колѣни передъ ханомъ. Я этого не осуждаю, это было очень благоразумно и патріотично. Но вотъ вамъ параллель — изъ романа «Камо грядеши», сочиненіе Сенкевича. Къ Нерону приходятъ разныя лица и становятся на колѣни; только два раввина не преклоняютъ колѣнъ, и Неронъ съ этимъ мирится, ибо, очевидно, понимаетъ, что тутъ ничего не подѣлаешь: евреи не станутъ на колѣни. Да, словомъ, есть расы и расы, и какая изъ нихъ «выше» — трудно разобрать...

Знаете, что я вамъ на все это скажу? Вы еще больщій руссофобъ, чѣмъ я антисемитъ.

Это я самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаю. Для меня всѣ народы равноцѣнны и равно хороши. Конечно, свой народъ я люблю больше всѣхъ другихъ народовъ, но не считаю его «выше». Но если начать мѣряться, то все зависитъ отъ мѣрки, и я тогда буду настаивать, между прочимъ, и на своей мѣркѣ: выше тотъ, который непреклоннѣе, тотъ, кого можно истребить, но нельзя «проучить», тотъ, который никогда, даже въ угнетеніи, не отдаетъ своей внутренней независимости. Наша исторія начинается со слова «народъ жестоковыйный» — и теперь, черезъ столько вѣковъ, мы еще боремся, мы еще бунтуемъ, мы еще не сдались. Мы — раса неукротимая во вѣки-вѣковъ; я не знаю высшей аристократичности, чѣмъ эта.

— Гм... — сказалъ русскій. — Да, вы правы, это дѣло вкуса. Я... остаюсь при моемъ вкусѣ.

НАЦІЯ

КУРІИ

(1911)

Законопроектъ о городскомъ самоуправленіи въ Царствѣ Польскомъ, очевидно, пройдетъ, и намъ, безпомощнымъ зрителямъ, остается только одно: констатировать факты и подсчитывать разбитую посуду. Но, по крайней мѣрѣ, этотъ подсчетъ надо сдѣлать возможно аккуратнѣе. Если не можемъ ничего исправить, будемъ хоть знать, въ чемъ характерныя особенности создающагося положенія и какъ ихъ слѣдуетъ оцѣнить. Кто знаетъ, авось когда-нибудь это пригодится.

По законопроекту избиратели раздѣляются на три куріи: русскую, еврейскую и «всѣхъ остальныхъ», т. е. польскую. Еврейская курія избираетъ одну десятую часть гласныхъ, а въ городахъ, гдѣ еврейское населеніе въ большинствѣ, одну пятую; остальное число гласныхъ распредѣляется между русской и польской куріями пропорціонально, причемъ, однако, русская курія имѣетъ право, по крайней мѣрѣ, на одного гласнаго, если только въ ея составѣ наберется хоть пять душъ избирателей. Такимъ образомъ, городъ, гдѣ имѣется, допустимъ, 40 тысячъ евреевъ, 10 тысячъ поляковъ и пять русскихъ чиновничьихъ семействъ, получитъ думу такого состава: 1 русскій гласный, 14 евреевъ и 55 поляковъ. Городъ же, гдѣ имѣется, допустимъ, 25 тысячъ евреевъ, 25 тысячъ поляковъ и тысяча русскихъ, получитъ такую думу: 2 или 3 русскихъ гласныхъ, 60 или 61 полякъ и всего 7 евреевъ. Эти махинаціи и составляютъ отрицательную особенность законопроекта.

Все это вызываетъ естественный отпоръ со стороны прогрессивнаго общественнаго мнѣнія. И совершенно справедливо. Но у насъ, къ сожалѣнію, принято выражаться неточно, и потому всякій, кто хочетъ однимъ словомъ охватить непріятныя стороны этого законопроекта, говоритъ: вводятся національныя куріи. Выходитъ, будто все зло въ самомъ *принципѣ* національныхъ курій. Такъ ли это на дѣлѣ — еще вопросъ, который стоитъ внимательно обсудить.

Авторъ этихъ строкъ тоже не сторонникъ и не поклонникъ національныхъ курій; почему — о томъ будетъ сказано въ концѣ. Но, чтобы судить о преимуществахъ и недостаткахъ этого института, надо взять его самъ по себѣ, въ чистомъ видѣ, отбросивъ на минуту тѣ несправедливыя и неблаговидныя цѣли, для которыхъ онъ пущенъ въ ходъ въ Россіи. Въ чистомъ видѣ система національныхъ курій есть одинъ изъ способовъ обезпечить меньшинству *пропорціональное* представительство. Въ Россіи эту систему использовали для того, чтобы создать *непропорціональное* представительство. Это очень нехорошо, но вѣдь виноватъ въ этомъ не самый принципъ національныхъ курій, — виновато *извращеніе* принципа. Чтобы судить о самой системѣ, надо отвлечься отъ этихъ извращеній и не переносить ихъ одіумъ на самый принципъ. Чтобы судить о принципѣ, надо взять его тамъ, гдѣ онъ проведенъ въ чистомъ видѣ, т. е., гдѣ каждая курія получаетъ столько мандатовъ, сколько ей слѣдуетъ по справедливости.

Первый такой опытъ сдѣланъ былъ въ австрійской провинціи Моравіи въ 1905 году и явился результатомъ соглашенія обѣихъ мѣстныхъ народностей — чеховъ и нѣмцевъ. Первые составляютъ 75 проц. населенія края, а вторые — 25. По вычисленіямъ Held'а, 90 процентовъ общинъ Моравіи имѣютъ однородный составъ населенія (чисто чешскій или чисто нѣмецкій) и только въ 10 % общинъ населеніе перемѣшано; но зато часто въ одинъ и тотъ же избирательный округъ входятъ разнородныя общины; кромѣ того, во всѣхъ болѣе крупныхъ городахъ населеніе сильно смѣшано, причемъ большинство въ нихъ — нѣмцы. Все это вело съ давнихъ

времень къ національнымъ треніямъ на выборахъ. Нѣмцы старались провести нѣмца, чехи — чеха. Избиратели смотрѣли сквозь пальцы на политическія качества кандидата, лишь бы провести «своего». Каждая избирательная кампанія, безразлично, были ли то выборы въ областной сеймъ или въ рейхсратъ, наполняла атмосферу чадомъ националистическихъ страстей. Еще съ 1896 г. начались переговоры о томъ, какъ бы полюбовно размежеваться, обезпечить за каждой народностью разъ навсегда причитающееся ей число мандатовъ, чтобы прекратилась національная грызня на выборахъ. Въ 1905 г. реформа была принята, сначала только для сеймовыхъ выборовъ. Въ каждомъ округѣ отдѣльно избираютъ чехи и отдѣльно нѣмцы. Избиратели вносятся въ отдѣльные списки, причемъ каждый вправѣ требовать, если произошла ошибка, чтобы его вычеркнули изъ чужого національнаго списка и перенесли въ списокъ той народности, къ которой онъ самъ себя причисляетъ. Число мандатовъ распредѣлено между обѣими куріями разъ навсегда по соглашенію обѣихъ сторонъ, такъ что справедливое представительство обезпечено. Теперь нѣмцы не должны при каждыхъ выборахъ бояться, что въ сеймѣ окажется однимъ нѣмцемъ меньше, и чехамъ не приходится дрожать за каждый свой мандатъ отъ смѣшаннаго округа. Всѣ избиратели знаютъ, что получатъ свое; поэтому они могутъ, наконецъ, болѣе спокойно и трезво оцѣнивать своихъ кандидатовъ съ точки зрѣнія дѣловой и нравственной. Въ 1906 г. та же система проведена была въ Моравіи и для выборовъ въ рейхсратъ. У насъ часто говорятъ, что національныя куріи только раздуваютъ националистическія страсти. Да: *такія* куріи, какія выдумалъ Столыпинъ. Но вотъ, что пишутъ люди, знакомые съ положеніемъ вещей, о результатахъ національныхъ курій въ Моравіи. Членъ моравскаго сейма Альфредъ Фишель, въ статьѣ, написанной для русскаго изданія «Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ», говоритъ о куріяхъ: «Нововведеніе, которое не только *сыграло большую службу въ дѣлѣ установленія національнаго мира въ Моравіи*, но и обѣщаетъ послужить поучительнымъ при-

мѣромъ для другихъ провинцій»... «Въ общемъ, въ Моравіи все же создана *основа для мирнаго сожительства обѣихъ національностей».* А. фонъ-Скене («Der nationale Ausgleich in Mähren», 1910) констатируетъ: «Введеніе отдѣльныхъ избирательныхъ списковъ по національностямъ *навсегда устранило прежнюю жестокую національную борьбу чеховъ и нѣмцевъ на выборахъ* въ представительныя учрежденія». Заслуга не малая.

Въ 1909 году была введена та же система для сеймовыхъ выборовъ въ Буковинѣ, а затѣмъ въ Босніи-Герцеговинѣ. Любопытно при этомъ, что Буковина съ ея *пятью* народностями (41 проц. русинъ, 31,6 проц. румынъ, 13,3 проц. евреевъ, 9 проц. нѣмцевъ и 3,7 проц. поляковъ) была всегда самой спокойной и мирной изъ областей Австріи въ національномъ отношеніи; такимъ образомъ, сеймъ, вводя — съ согласія всѣхъ фракцій — реформу избирательнаго права съ національными куріями, руководствовался исключительно желаніемъ обезпечить миръ и на будущія времена.

Это все заставляетъ предположить, что самъ по себѣ принципъ національныхъ курій, если его не извращать и не употреблять во зло, далеко еще не такъ ужасенъ. Россійскія передовыя партіи тоже не всегда такъ рѣзко отрицательно высказывались объ этомъ принципѣ. Напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышла подъ редакціей В. М. Гессена брошюра «Автономія. федерація и національный вопросъ»; тамъ сказано: «Вполнѣ справедливое представительство могутъ создать только пропорціональные выборы... При пропорціональной системѣ каждая національность выбираетъ *отдѣльно* отъ другихъ, по своему списку» (стр. 33). Авторъ ошибся: подъ техническимъ терминомъ «пропорціональной системы» понимается нѣчто другое; то, о чемъ онъ говоритъ, носитъ названіе національныхъ курій или (въ Австріи) національнаго кадастра; и къ этой то системѣ «выборовъ по отдѣльному списку» авторъ и кадетскій редакторъ относились, повидимому, вполнѣ благожелательно. Заграницей же къ національнымъ куріямъ совершенно благосклонно относятся и политики «лѣвѣе к.-д.». Шпрингеръ въ своей

книгѣ Grundlagen und Entwicklungsziele der öst.-ung. Monarchie», предлагая реформу управленія, настаиваетъ на слѣдующемъ: «Уставъ объ округахъ долженъ ввести обязательную національную метрикацію и выборы по національнымъ избирательнымъ корпусамъ во всѣхъ смѣшанныхъ общинахъ, участкахъ и округахъ» (стр. 242). А Рудольфъ Шпрингеръ, иначе Карлъ Реннеръ, — видный соціалъ-демократъ.

Почтенный М. М. Ковалевскій помѣстилъ въ мартовской книжкѣ «Вѣстника Европы» (1911) статью, гдѣ настаивалъ, что все это, можетъ быть, хорошо для законодательныхъ корпусовъ, какъ рейхсратъ или сеймы, но не годится для органовъ мѣстнаго самоуправленія. Во первыхъ, можно еще поспорить о томъ, дѣйствительно ли сеймы австрійскихъ провинцій, по объему своихъ функцій, заслуживаютъ въ серьезъ титула *законодательныхъ* корпусовъ. Можетъ быть, правильнѣе было бы сказать, что автономія» австрійскихъ земель больше похожа на простое самоуправленіе, только облеченное въ громкія слова; по крайней мѣрѣ, всѣ австрійскіе автономисты на это жалуются. Но дѣло не въ томъ. Гораздо важнѣе выяснить, дѣйствительно ли мѣстное самоуправленіе не нуждается въ такой системѣ, которая обезпечивала бы національностямъ справедливое представительство въ земскихъ или городскихъ органахъ и въ то же время устраняла бы національную борьбу на выборахъ. Утверждать, что въ такой системѣ нѣтъ надобности, можно было бы только тогда, если бы доказать, что въ мѣстномъ самоуправленіи націоналистическіе моменты не могутъ играть никакой роли. М. М. Ковалевскій и пытался это доказать въ одной изъ своихъ рѣчей въ Гос. Совѣтѣ, но это и было слабѣйшимъ мѣстомъ въ его сильной и убѣдительной рѣчи. Напротивъ, именно дѣла мѣстнаго хозяйства и представляютъ главный объектъ національной борьбы. Это — важнѣйшая изъ тѣхъ костей, за которыя грызутся иноплеменные сосѣди съ сосѣдомъ. Прежде всего, вѣдѣнію мѣстныхъ органовъ подлежатъ просвѣтительныя учрежденія, т. е. именно то, чѣмъ каждая народность особенно дорожитъ. Но и въ дѣлахъ чисто хозяйственныхъ каждая народность стремится урвать побольше

ше выгодъ для себя и взвалить невыгоды на инородца. Странно даже спорить объ этомъ, настолько это общеизвѣстно. Итальянцы южнаго Тироля давно жалуются, что нѣмецкое большинство сейма при распредѣленіи субсидій на сельско-хозяйственныя цѣли отдаетъ львиную долю нѣмецкимъ округамъ, а итальянскимъ перепадаютъ крохи. Ужъ на что нейтральное дѣло — борьба противъ наводненій, а и тутъ проявляется предпочтеніе: берега рѣки Эчъ, разливы которой особенно тяжело сказывались въ южномъ (итальянскомъ) Тиролѣ, начали укрѣплять съ верхняго теченія, проходящаго по нѣмецкимъ округамъ, хотя тамъ наводненія случались гораздо рѣже, и итальянцамъ долго пришлось ждать своей очереди. Справедливость этихъ жалобъ признаютъ и нѣмцы (см., напримѣръ, брошюру Austriacus'а «Res Tridentinae»). А развѣ чешско-нѣмецкая борьба не ведется главнымъ образомъ на почвѣ хозяйственнаго вытѣсненія? Развѣ не ярко-хозяйственный характеръ носитъ борьба поляковъ за свое національное существованіе въ Познани? И можно ли отрицать, что въ этой борьбѣ громадный перевѣсъ получаетъ та сторона, которой удается захватить въ свои руки городскую ратушу? Наконецъ, если недостаточно очевидности и нуженъ ученый авторитетъ, то можно сослаться на того же Реннера-Шпрингера. Года три тому назадъ онъ напечаталъ въ «Kampf», органѣ австрійскихъ с.-д., статью о національныхъ общинахъ, гдѣ высказываетъ буквально слѣдующее: «Болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, вертится здѣсь (въ общинномъ хозяйствѣ) національная борьба вокругъ спора о «моемъ» и «твоемъ». Школы, больницы, учрежденія общественнаго призрѣнія, часто стотысячныя имущества — все это избирательный бюллетень можетъ отдать въ руки или одной или другой народности». Оттого Шпрингеръ, какъ выше указано, рекомендуетъ проводить въ смѣшанныхъ общинахъ и округахъ систему національныхъ курій.

Намъ, россіянамъ, нечего далеко ходить за примѣрами националистической борьбы вокругъ городского хозяйства. Вотъ уже сколько лѣтъ, какъ шовинистическіе элементы русскаго населенія Одессы стараются — не безъ успѣха —

разорить и вытѣснить изъ экономическихъ позицій еврейское населеніе, и кто же не знаетъ, какую силу имъ въ этомъ отношеніи придаетъ ихъ господство въ городской думѣ. Но даже Одесса блѣднѣетъ предъ тѣмъ, что на этой почвѣ происходитъ въ Польшѣ. *Вся борьба* двухъ націй, которымъ принадлежитъ край, ведется здѣсь на экономической почвѣ. Бойкотъ еврейской торговли и еврейскаго ремесла — вытѣсненіе еврейскихъ промышленниковъ — это главные, даже единственные лозунги всего польскаго экономическаго движенія. На дипломатическомъ языкѣ это называется spolszczenie mieszczaństwa, т. е. «созданіе польской буржуазіи»; но ксендзы въ проповѣдяхъ и газетчики въ статьяхъ переводятъ это проще: «не покупайте ничего у евреевъ». Совершенно понятно, какое значеніе при этомъ пріобрѣтаетъ для каждой изъ борющихся народностей та или иная доля власти въ городской думѣ. Деп. Грабскій еще въ прошломъ году откровенно объяснилъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ варшавской газеты «Slowo», для чего ему и его единомышленникамъ такъ необходимо преобладаніе въ городскихъ думахъ: главное дѣло — созиданіе польской буржуазіи, а потому надо всѣми силами поддерживать каждую новую польскую фирму (иными словами, не давать заказовъ еврейскимъ фирмамъ); кромѣ того, надо стремиться къ тому, чтобы евреи, не желающіе ассимилироваться, получали за это упорство должное возмездіе въ видѣ осязательныхъ невыгодъ (см. брошюру «Поляки и евреи», Одесса 1911 г.). Это — довольно ясная программа систематическаго бойкота, на помощь которому будетъ пущена въ ходъ вся муниципальная машина. Трудно послѣ этого говорить, будто городское хозяйство въ національномъ отношеніи по своей природѣ нейтрально. Совсѣмъ напротивъ. Если бы правительство даже само предложило ввести въ городахъ Польши совмѣстные выборы, безъ всякихъ гарантій для меньшинства, то еще вопросъ, разумно ли было бы, при такомъ настроеніи въ краѣ, согласиться на эту реформу.

Передъ нами образецъ совмѣстныхъ выборовъ безъ всякихъ курій: это — избирательная система для выборовъ въ

Гос. Думу, дѣйствующая въ Польшѣ и понынѣ. Ея результаты извѣстны: поляки не пропустили въ три Думы ни одного еврея, не только въ третью, гдѣ у нихъ всего 11 мандатовъ, но и въ первую и во вторую, когда въ ихъ рукахъ было свыше 30 депутатскихъ креселъ. Ни одного представителя. Они даже ассимиляторовъ не хотятъ. Что же выигрываетъ еврейское населеніе Польши отъ того, что на выборахъ въ Гос. Думу оно не «обособлено», не «отрѣзано», не «отгорожено китайскою стѣной» отъ братьевъ поляковъ? Выигрышъ только тотъ, что это населеніе остается совершенно беззащитнымъ, и теперь, когда братья-поляки въ союзѣ съ Крупенскимъ и прочими грабятъ его права, оно даже не можетъ протестовать. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что та же самая картина получилась бы, при совмѣстныхъ выборахъ, и по городамъ. Оттого деп. Грабскій, напримѣръ, былъ еще годъ назадъ противникомъ куріи. Онъ сказалъ въ томъ же интервью съ сотрудникомъ «Słowa»: «Извѣстно, что евреи составляютъ большинство только въ маленькихъ городахъ, въ большихъ же, какъ, напр., Варшава, Лодзь, Сосновицы и т. д., евреи составляютъ лишь значительное меньшинство. Не подлежитъ поэтому ни малѣйшему сомнѣнію, что именно въ этихъ городахъ, имѣющихъ для насъ гораздо большее значеніе, чѣмъ остальные мелкіе пункты, преобладающее польское населеніе, при отсутствіи еврейской куріи, выбирало бы въ гласные думы лишь такое количество евреевъ, какое оно считало бы необходимымъ въ общихъ интересахъ, и, что наиболѣе важно, выбирало бы лишь такихъ евреевъ, которые съ польской точки зрѣнія этого заслуживаютъ». Иными словами, поляки тогда могли бы фальсифицировать еврейское представительство во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ края, выбирая не тѣхъ евреевъ, кого хотятъ сами евреи, или вовсе ни одного еврея гласнаго не пропускать. Трудно сказать, что въ этой перспективѣ хорошаго, и стоитъ ли ради такихъ результатовъ воевать противъ куріи.

Иногда на это отвѣчаютъ, что зато евреи могли бы — въ тѣхъ городишкахъ, гдѣ они въ большинствѣ — выбирать лишь столько поляковъ, сколько имъ угодно, и лишь тѣхъ,

которые имъ угодны. Замѣчательная перспектива. Это значило бы, что поляки фальсифицируютъ еврейское представительство, а евреи польское. Легко себѣ представить, какія отношенія послѣ этого установились бы въ такихъ городахъ между польскимъ меньшинствомъ и еврейскимъ большинствомъ. Волкомъ бы другъ на друга смотрѣли. Эта злоба, разгорающаяся при совмѣстныхъ выборахъ, то время каждой избирательной кампаніи и вливающая новыя толпы яда въ и безъ того отравленную атмосферу — это, между прочимъ, еще хуже, чѣмъ всѣ остальные безотрадные результаты такихъ выборовъ. Газета «Fraind», говоря о куріяхъ, указала какъ то на ихъ главное преимущество: онѣ устраняютъ то «погромное настроеніе», которое обыкновенно сопровождаетъ выборы въ Польшѣ, особенно въ Варшавѣ. Что слово «погромное настроеніе» тутъ совершенно кстати, не рѣшится отрицать ни одинъ человѣкъ, хоть немного знакомый съ положеніемъ вещей. Для тѣхъ, кто съ положеніемъ вещей не знакомъ, я приведу нѣсколько образцовъ избирательныхъ прокламацій, обращавшихся въ Варшавѣ при первыхъ и вторыхъ выборахъ. Одна: «Rodacy! Поклянемся, что если евреи побѣдятъ на выборахъ, мы не купимъ больше у еврея ни за грошъ товару». Это огромными буквами, а дальше крохотнымъ шрифтомъ: «Погромовъ и исключительныхъ законовъ мы не хотимъ, но за наглость сумѣемъ наказать; если они пойдутъ противъ насъ, то ничего больше отъ насъ не заработаютъ. и придется имъ съ голоду эмигрировать и очистить мѣсто въ Польшѣ». Другая: «Rodacy! Посмотрите, что дѣлается предъ избирательными бюро: евреи массами идутъ къ урнамъ, а поляки разсыпаны.. Если вы будете голосовать за списокъ такъ называемыхъ прогрессистовъ, послами отъ Варшавы будутъ евреи. Поляки! Ратуйте столицу Польши!» ... Третья: «Поляки! Варшава въ опасности! Евреи будутъ депутатами, если мы не подадимъ своихъ голосовъ за народовскій списокъ!» Еще одна: «Рабочіе! Въ прошломъ году (т. е. на выборахъ въ первую Думу) вы спасли Варшаву отъ позора. Если вы хотите, чтобы сердце Польши (прозвище Варшавы) и дальше было поль-

скимъ, если ваши чувства на сторонѣ отчизны и ея чести, — не дайте побѣдить еврейскому списку!» Думаю, этого достаточно. Какъ бы тамъ ни была плоха куріальная система, но она, по крайней мѣрѣ, радикально устраняетъ *эти* мотивы изъ избирательной симфоніи. Національный антагонизмъ, конечно, остается, и онъ будетъ чувствоваться въ каждомъ засѣданіи городской думы — но пусть онъ, по крайней мѣрѣ, не бушуетъ на улицѣ. Тѣмъ болѣе, что теперь уже не тѣ времена, когда даже народовцы соблюдали приличія и, пуская на улицу юдофобскую прокламацію, прибавляли мелкимъ шрифтомъ: «Погромовъ и исключительныхъ законовъ не хотимъ». Польское коло открыто, въ оффиціальной деклараціи Яронскаго, требуетъ исключительныхъ законовъ противъ евреевъ. Что касается до погромовъ, то, если говорить правду, еще и тогда, при первыхъ выборахъ, одна провинціальная газета грозила строптивымъ жидамъ «кулакомъ польскаго мужика». Теперь вслѣдъ за провинціей разоткровенничалась и Варшава, serce Polski. Годъ тому назадъ угрожалъ погромами радикалъ Нѣмоевскій, а на-дняхъ эту же угрозу повторила «Kultura polska», органъ Свѣнтоховскаго, маститаго вождя прогрессивной демократіи...

На принципъ національныхъ курій, взятый самъ по себѣ, надо смотрѣть трезво. Это, конечно, далеко не идеальный способъ гарантировать права меньшинства. Гораздо удобнѣе такъ называемыя пропорціональныя системы, при которыхъ всѣ избиратели голосуютъ вмѣстѣ, а распредѣленіе мандатовъ между большинствомъ и меньшинствомъ производится при подсчетѣ голосовъ. Этихъ системъ много — vote limité въ Испаніи, vote cumulatif въ штатѣ Иллинойсъ, vote unique въ Бразиліи, система Гэра въ Даніи, система д'Онда въ Бельгіи и т. д.; всѣ онѣ лучше національныхъ курій потому, что гибче, подвижнѣе, утонченнѣе. Но совершенно ясно, что въ Польшѣ теперь ни объ одной изъ нихъ рѣчи быть не можетъ. Остается только простой выборъ: или размежеваніе поляковъ и евреевъ по отдѣльнымъ куріямъ, или грызня за мандаты въ «погромной атмосферѣ». Признаюсь откровенно, что я бы затруднился предпочесть второе. Всѣ одіоз-

ныя выдумки, которыми проектъ испортилъ основную идею національныхъ курій, вся вопіющая несправедливость распредѣленія мандатовъ между обѣими націями не можетъ, однако, заслонить одного преимущества: что еврейское меньшинство Варшавы будетъ имѣть въ городской думѣ своихъ представителей, хоть всего 16, но настоящихъ, свободно выбранныхъ избирателями. При совмѣстныхъ выборахъ варшавскіе евреи получили бы столько же гласныхъ, сколько имѣли депутатовъ: ни одного.

О ЯЗЫКАХЪ И ПРОЧЕМЪ
(1911)

П. Б. Струве въ январьской книжкѣ «Русской Мысли» (1911) затронулъ интересный и важный вопросъ. Жаль только, что затронулъ мимоходомъ и аподиктически разрѣшилъ на 4 страничкахъ. Этотъ споръ объ этнической природѣ государства россійскаго, о томъ, считать или не считать малороссовъ и бѣлоруссовъ за особыя націи, о томъ, быть ли Россіи «національнымъ государствомъ», или же пути ея ведутъ къ такъ называемому Nationalitätenstaat, — споръ этотъ заслуживаетъ самаго серьезнаго, самаго, если позволено такъ выразиться, увѣсистаго обсужденія. И я глубоко убѣжденъ, что постепенно онъ и станетъ во всей серьезной россійской публицистикѣ предметомъ такого именно обсужденія. Ибо вопросъ о національностяхъ есть для Россіи кардинальный вопросъ ея будущности, болѣе важный, болѣе основной, чѣмъ всѣ другія политическія и даже соціальныя проблемы, включая хотя бы самое аграрную реформу. Пишу эти слова и, конечно, знаю, что лишь очень немногіе съ ними согласятся. И тѣмъ не менѣе, — оно все же такъ. Было время, когда и въ Австріи думали, будто національная проблема есть второстепенная мелочь, скромно отходящая на задній планъ, какъ только на сцену выступаютъ «настоящіе» интересы, особенно экономическіе. А жизнь доказала, что все бытіе государства, точно вокругъ оси, обречено вращаться вокругъ проблемы національностей, и подъ конецъ даже соціалъ-демократія стала давать основательныя трещины какъ разъ по швамъ національныхъ раздѣленій. Отъ судьбы не ушла Австрія, отъ судьбы не уйдутъ и ея сосѣди.

Я тоже не имѣю въ виду браться за существенное разсмотрѣніе вопроса, затронутаго П. Б. Струве. Но хочу сдѣлать нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній по поводу одной изъ деталей этого вопроса: о томъ, куда зачислить малороссовъ и бѣлоруссовъ. Врядъ ли, впрочемъ, умѣстно тутъ слово «деталь»: это не деталь, а центръ тяжести всего спора. Въ самомъ дѣлѣ: если малороссовъ и бѣлоруссовъ зачислить, какъ хочетъ П. Б. Струве, въ составъ единой русской націи, то нація эта возрастаетъ до 65 процентовъ всего населенія имперіи, т. е. до громаднаго большинства въ двѣ трети; и тогда, пожалуй, картина дѣйствительно недалека отъ «національнаго государства». Наоборотъ, если малороссовъ и бѣлоруссовъ считать за особыя народности, то господствующая національность сама оказывается въ меньшинствѣ (43 проц.) противъ остального населенія, а сообразно тому измѣняются и всѣ виды на будущее. Поэтому смѣло можно сказать, что разрѣшеніе спора о національномъ характерѣ Россіи почти всецѣло зависитъ отъ позиціи, которую займетъ тридцатимилліонный украинскій народъ. Согласится онъ обрусѣть — Россія пойдетъ по одной дорогѣ, не согласится — она волей-неволей пойдетъ по другому пути. Прекрасно поняли это правые въ Государственной Думѣ. Когда рѣшался вопросъ о языкахъ инородческой школы, они, смѣху ради, голосовали даже за какихъ-то «шайтановъ» и «казанскихъ грековъ»; они даже не подняли рукъ противъ еврейскаго языка, очевидно, желая сдѣлать весь законопроектъ ненавистнымъ и непріемлемымъ для начальства; но когда рѣчь зашла объ украинскомъ языкѣ, они отбросили и паясничество, и хитроумные расчеты, и просто подняли руки противъ, ибо почуяли, что тутъ самое опасное мѣсто, рѣшительный шагъ, при которомъ ни шутки шутить, ни лукаво мудрствовать не приходится.

Возраженіе П. Б. Струве вызвано слѣдующими моими строками, напечатанными въ той же «Русской Мысли»:

«На этихъ страницахъ П. Б. Струве неоднократно высказывалъ, что считаетъ Россію государствомъ національно-русскимъ. Въ этомъ очеркѣ не мѣсто спорить о такомъ сложномъ вопросѣ; но считаю нужнымъ кратко оговорить,

что стою на рѣзко противоположной точкѣ зрѣнія. Примыкаю къ тѣмъ, которые не закрываютъ глазъ на статистику и помнятъ, что народность, языкъ которой называется русскимъ, составляетъ, по несомнѣнно преувеличеннымъ даннымъ переписи 1897 г., всего 43 процента населенія Имперіи. Это много, но этого недостаточно для того, чтобы остальные, «инородцы», добровольно согласились на роль безплатнаго приложенія къ великорусской народности. Относясь съ глубочайшимъ уваженіемъ къ этой народности и къ ея могучей культурѣ, желая съ ней жить и дальше въ тѣсной близости духовнаго обмѣна, они, однако, полагаютъ, что естественной вотчиной этой культуры являются предѣлы этнографической Великороссіи, и если теперь оно не такъ, то причина, главнымъ образомъ, въ вѣковомъ насиліи и безправіи. Мы, «инородцы», предвидимъ только одну изъ двухъ возможностей: или въ Россіи никогда не будетъ свободы и права, или каждый изъ насъ сознательно используетъ свободу и право прежде всего для развитія своей самобытной національной личности и для эмансипаціи отъ чужой культуры. Или Россія пойдетъ по пути національной децентрализаціи, или въ ней немыслимо будетъ ни одно изъ основаній демократіи, начиная со всеобщаго избирательнаго права. Для Россіи прогрессъ и Nationalitätenstaat — синонимы, и всякая попытка перескочить черезъ эту истину, утвердить въ государствѣ прочный порядокъ наперекоръ волѣ и сознанію трехъ пятыхъ населенія — кончится крахомъ. Такъ полагаютъ «инородческіе» націоналисты, и не только они; а кто правъ, отвѣтитъ будущее».

— «Изумительно прежде всего», — отвѣчаетъ П. Б. Струве, — «въ какой мѣрѣ политическая или иная тенденція способна слѣпить глаза и скрывать отъ зрѣнія самые внушительные и непререкаемые объективные факты. Какая-то упорная традиція, постоянно оживляемая интеллигентской политической тенденціей, скрываетъ отъ нѣкоторыхъ людей огромный историческій фактъ: *существованіе русской націи и русской культуры*. Именно русской, а не великорусской. Ставя въ одинъ рядъ этнографическіе «термины» — «великорусскій»,

«малорусскій», «бѣлорусскій», авторъ забываетъ, что есть еще терминъ «русскій», и что «русскій» не есть какая-то отвлеченная «средняя» изъ тѣхъ трехъ «терминовъ», а живая культурная сила, великая, развивающаяся и растущая національная стихія, творимая нація (nation in the making, какъ говорятъ о себѣ американцы)».

Прежде всего замѣчу, что П. Б. Струве не правъ, полагая, будто я забываю о терминѣ «русскій». Напротивъ. Я даже совершенно согласенъ съ г. Струве въ томъ, что русская нація и культура «не есть какая-то отвлеченная средняя» изъ великороссовъ, малороссовъ и бѣлоруссовъ. Конечно, не есть. Русскимъ языкомъ называется у людей языкъ одного только великорусскаго племени; ни украинскаго, ни бѣлорусскаго языка этотъ терминъ не обхватываетъ. А русскою національной культурой называется культура, созданная на этомъ языкѣ. На языкѣ великороссовъ и только великороссовъ, а не на какомъ-то отвлеченномъ «среднемъ» изъ трехъ языковъ. Ибо такого средняго и на свѣтѣ нѣтъ. Слѣдовательно, русская культура есть національная культура великорусскаго племени. Малороссовъ и бѣлоруссовъ можно заставить присоединиться къ ней, или можно даже мечтать, что они къ ней всѣ добровольно присоединятся; но это будетъ именно присоединеніе къ *чужой* (хотя бы и родственной) культурѣ, созданной *не на природномъ* языкѣ присоединяющихся національностей. Термины «русская культура» и «великорусская культура», взятые въ чистомъ своемъ значеніи, совершенно совпадаютъ, ибо русскій языкъ и русская культура ни для кого, кромѣ великороссовъ, не являются природными. Я лично всегда охотнѣе употребляю терминъ «русскій» вмѣсто «великороссъ»; если въ данномъ случаѣ отступилъ отъ этой привычки, то только во избѣжаніе неясности, такъ какъ зналъ, что есть — повторю выраженіе П. Б. Струве — «какая-то упорная традиція» совершенно неточно смѣшивать подъ словомъ «русскій» въ одну кучу три народа, отличные другъ отъ друга по языку, по исторіи, по темпераменту, по физическому типу, по внутренней индивидуальности, по быту и общественному строю.

Есть «какая-то упорная традиція, постоянно оживляемая интеллигентской политической тенденціей», увѣрять самихъ себя и всѣхъ добрыхъ людей, будто русская нація есть не «живая культурная сила», реальная, осязаемая и отграниченная, а именно «какая-то отвлеченная средняя», нѣкая метафизическая сущность, сочетающая въ своемъ единствѣ три различныхъ начала. Это, конечно, чистѣйшая фантазія. Но, мнѣ кажется, если кто заслуживаетъ упрека въ такомъ фантазированіи, то ужъ никакъ не тѣ, для кого русская нація сама по себѣ, и украинская или бѣлорусская — тоже сама по себѣ, – а скорѣе тѣ, которые не признаютъ тождества «русской» культуры съ «великорусской» и непремѣнно хотятъ придать первому термину какое-то болѣе широкое значеніе...

Правда, сами украинскіе публицисты часто употребляютъ слово «русскій» въ другомъ значеніи, чисто этнографическомъ, и въ этомъ смыслѣ причисляютъ къ «русскому племени» и украинскую народность. Если не ошибаюсь, такая формулировка родства между великороссами, малороссами и бѣлоруссами освящена еще авторитетомъ Костомарова. Въ одной статьѣ одного украинскаго націоналиста она была выражена такъ: «Я — славянинъ по расѣ, русскій по племени, украинецъ по національности». Сомнѣваюсь, имѣетъ ли эта сложная классификація какую-либо цѣнность съ точки зрѣнія этнологіи; но во всякомъ случаѣ за предѣлы этнологіи и этнографіи ея значеніе не простирается. Специфическую культуру создаютъ не «расы» и не «племена» (да и вообще эти термины такъ неопредѣленны и расплывчаты, что теперь ими надо пользоваться только съ величайшей осторожностью); культуры создаются *національностями*, и каждая изъ національностей ревниво бережетъ свою культуру и противится, когда сосѣдъ ей навязываетъ свою, хотя бы сосѣдъ этотъ числился ей двоюроднымъ братомъ «по расѣ» и единоутробнымъ «по племени». Хорваты и словинцы — и тѣсные сосѣди, и близкая родня по расѣ, племени, вѣрѣ и т. д., и даже языки ихъ куда ближе другъ къ другу, чѣмъ русскій съ украинскимъ; однако это двѣ разныя національ-

ности съ двумя разными культурами. Венгерскіе словаки — ближайшая родня чехамъ, настолько близкая, что словацкое населеніе сосѣдней Моравіи считаетъ своимъ національнымъ языкомъ чешскій; но словаки Венгріи считаютъ себя словаками, ревниво берегутъ отличія въ своемъ діалектѣ, охраняютъ свою литературную рѣчь отъ чешскихъ оборотовъ и, насколько это мыслимо при мерзостяхъ мадьярскаго режима, творятъ свою словацкую, а не чешскую культуру. Ибо для этого творчества ни этнологія, ни даже филологія не указъ. Для него ука́зъ — національное сознаніе. Кто «украинецъ по національности», для того все остальное родство по племени, по расѣ и т. д. можетъ имѣть только побочное значеніе: при выборѣ культуры рѣшающій голосъ принадлежитъ не расѣ», не «племени», а осознанной національности.

Еще одна оговорка. Обыкновенно, когда хотятъ доказать, что русская культура есть продуктъ тройственнаго взаимодѣйствія, а не однихъ великороссовъ, на сцену вытаскивается Гоголь, а иногда, въ послѣднее время, и Короленко. Вотъ, дескать, малороссы, участвовавшіе въ созданіи «общерусской» литературы. Убѣдительность этого доказательства подъ большимъ сомнѣніемъ. Величайшій венгерскій поэтъ Шандоръ Петефи назывался въ сущности Александръ Петровичъ и былъ сыномъ словака; но никто въ этомъ не видитъ доказательства, что мадьярская литература будто-бы есть «общевенгерская». У нѣмцевъ тоже былъ крупный поэтъ, даже съ проблесками геніальности, по имени Шамиссо, а по происхожденію французъ; развѣ поэтому нѣмецкая литература стала нѣмецко-французской? Развѣ она стала изъ-за Гейне нѣмецко-еврейской? Общій фонъ, общій характеръ данной культуры не измѣняется оттого, что случайно жизнь заброситъ въ ея ряды человѣка другой крови, хотя бы даже геніальнаго. Онъ или цѣликомъ ассимилируется съ окружающимъ фономъ, какъ Петефи или Шамиссо, или только наполовину, какъ Гоголь, на чьихъ произведеніяхъ лежитъ сильнѣйшая печать украинскаго темперамента, или совсѣмъ не ассимилируется и остается бобылемъ, непризнаннымъ из-

гоемъ, какъ Гейне, — но національный характеръ данной культуры остается неприкосновеннымъ, и инородныя пятна только выдѣляютъ и подчеркиваютъ ея основной цвѣтъ, подобно тому, какъ черныя «мушки» оттѣняютъ бѣлизну кожи. Десять Гоголей и сто Короленко не сдѣлаютъ русскую литературу «общерусской»: она остается русскою, т.-е. великорусскою, а рядомъ съ нею украинская народность, пробиваясь сквозь строй великихъ трудностей, создаетъ *свою* литературу на *своемъ* языкѣ.

Я написалъ, что если русская культура играетъ теперь неестественную роль культуры всероссійской, то «причина, главнымъ образомъ, въ вѣковомъ насиліи и безправіи». П. Б. Струве съ этимъ несогласенъ. Русская, молъ, культура преобладаетъ и въ Кіевѣ, и въ Могилевѣ, и въ Тифлисѣ, и въ Ташкентѣ «вовсе не потому, что тамъ обязательно тянутъ въ участокъ расписаться въ почтеніи передъ русской культурой, а потому, что эта культура дѣйствительно есть внутренно властный фактъ самой реальной жизни всѣхъ частей Имперіи, кромѣ Царства Польскаго и Финляндіи». Тутъ ужъ П. Б. Струве безусловно несправедливъ къ нашему благопопечительному россійскому начальству. Какъ же можно отрицать его великія, не искоренимыя изъ нашей памяти заслуги по части насажденія русской культуры за предѣлами Великороссіи? П. Б. Струве съ легкимъ сердцемъ констатируетъ, что теперь въ Кіевѣ «нельзя быть участникомъ культурной жизни, не зная русскаго языка», и думаетъ, будто «участокъ» тутъ не причемъ, а между тѣмъ это великая ошибка. Напротивъ, все дѣло въ участкѣ и въ его многовѣковомъ усердіи. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ усердіи извѣстный украинскій историкъ, проф. М. Грушевскій: «покончивъ съ политической особностью Украины, правительство не удовлетворилось этимъ: оно рѣшило стереть и уничтожить также и проявленія ея національной жизни, и даже особенности украинскаго національнаго типа. Начиная съ Петра I, для украинскихъ изданій вводится цензура, имѣвшая цѣлью привести ихъ къ единообразію въ языкѣ съ из-

даніями великорусскими. Руссифицируются украинскія школы. Вводится великорусское произношеніе въ богослуженіи. Всякія проявленія украинскаго патріотизма ревностно преслѣдуются и подавляются».

Но зачѣмъ заглядывать такъ глубоко въ старину! Вотъ предъ нами новѣйшее время: съ половины прошлаго столѣтія замѣчается въ Россіи подъемъ украинскаго движенія — и тотчасъ же начинается сверху ревностная борьба противъ «хохломаніи» и «сепаратизма». Въ 1863 г. министръ Валуевъ провозглашаетъ: «Не было, нѣтъ и быть не можетъ украинскаго языка», — а въ 1876 г. изданъ былъ указъ, просто на просто воспретившій украинскую культуру. Отнынѣ разрѣшалось печатать по-украински только беллетристику да стишки и разыгрывать пьесы въ театрѣ; что касается до газетъ, журналовъ, серьезныхъ книгъ и статей, лекцій, проповѣдей и т. п. — все это было воспрещено, а объ украинской школѣ и говорить нечего. Что же удивительнаго, если на этомъ полѣ, начисто опустошенномъ и распаханномъ усиліями урядника, съ такой легкостью и внѣ всякой конкурренціи взошли посѣвы той культуры, которую урядникъ, по крайней мѣрѣ, терпѣлъ? И ничуть ея пышный расцвѣтъ въ Кіевѣ не доказываетъ, что дѣло исключительно въ ея собственной мощи, что она безъ помощи урядника все равно заглушила бы всѣ сосѣдніе ростки и воцарилась единодержавно. Напротивъ. П. Б. Струве самъ не будетъ спорить противъ того, что если бы вмѣсто указа о воспрещеніи украинской культуры явился въ 1876 г. указъ о разрѣшеніи вести на украинскомъ языкѣ преподаваніе въ школахъ и гимназіяхъ, то уважаемому публицисту врядъ ли пришлось бы теперь такъ побѣдоносно констатировать, что въ Кіевѣ безъ русскаго языка нельзя быть культурнымъ человѣкомъ.

Что въ Кіевѣ, то было и повсюду. Всюду на окраинахъ русская культура появилась только послѣ того, какъ земскій ярыжка расчистилъ ей дорогу, затоптавъ сапожищами всѣхъ ея конкуррентовъ. На Литвѣ съ 1863 года были запрещены польскіе спектакли, польскія газеты и даже польскія вывѣски,

11*

а литовцамъ запретили печатать литовскимъ алфавитомъ что бы то ни было, даже молитвенники. Воспрещены были спектакли на еврейскомъ жаргонѣ (еврейскихъ актеровъ заставляли играть «по-нѣмецки»), и до начала этого вѣка не разрѣшали ни одной газеты на жаргонѣ. То же или почти то же происходило на Кавказѣ, и только потому П. Б. Струве имѣетъ нынѣ возможность записать и Тифлисъ въ перечень городовъ, завоеванныхъ русскою культурой. Точнѣе, куда точнѣе было бы сказать: «Завоеванныхъ урядникомъ для русской культуры». Это, конечно, не мѣшаетъ намъ всѣмъ высоко цѣнить и даже любить русскую культуру, которая многому хорошему насъ научила и много высокаго дала. Но зачѣмъ игнорировать исторію и увѣрять, будто все обошлось безъ кулака и будто успѣхи русскаго языка на окраинахъ доказываютъ внутреннее безсиліе инородческихъ культуръ? Ничего эти успѣхи не доказываютъ, кромѣ той старой истины, что подкованными каблучищами можно втоптать въ землю даже самый жизнеспособный цвѣтокъ.

Дальше слѣдуетъ у г. Струве аргументъ, который странно даже слышать изъ устъ такого вдумчиваго, совсѣмъ не шаблоннаго писателя и мыслителя. «Постановка въ одинъ рядъ съ русской культурой другихъ, ей равноцѣнныхъ, созданіе въ странѣ *множества культуръ,* такъ сказать, *одного роста,* поглотитъ массу средствъ и силъ, которыя при другихъ условіяхъ пошли бы не на національное размноженіе культуръ, а на подъемъ культуры вообще». Такое «размноженіе культуръ» будетъ «колоссальной растратой исторической энергіи населенія Россійской Имперіи». Это, да проститъ глубокоуважаемый авторъ, пѣсня старая, пѣтая, перепѣтая — и отпѣтая. Теперь отъ нея даже непрошибаемые соціалъ-демократы отказались. Самое лучшее, самое прекрасное въ міровой культурѣ — это именно ея многообразіе. Каждая историческая нація внесла въ нее свои особые, неподражаемо-своеобразные вклады, и въ этомъ безчисленномъ множествѣ *формъ,* а не въ количествѣ *результатовъ,* и заключается главное богатство человѣческой цивилизаціи. Если бы маленькій 2-милліонный народъ, населяющій Норвегію, послушался во

время оно совѣтовъ г. Струве и, вмѣсто того, чтобы «тратить» силы на созданіе собственной культуры, записался въ нѣмцы, — то въ учебникѣ нѣмецкой словесности числилось бы нѣсколькими именами больше, но за то не было бы на свѣтѣ того совершенно своеобразнаго, особенно благоухающаго, индивидуально цѣннаго божьяго букета, который называется норвежской литературой. Да и нельзя никакъ противопоставлять «размноженіе культуръ» «подъему культуры вообще». Ибо съ равнымъ правомъ (а по моему съ большимъ) можно сказать, что «культуры вообще» нѣтъ, что это абстракція, ибо конкретно существуютъ (если, конечно, не считать машинъ и прочей мертвой утвари) только отдѣльныя культуры отдѣльныхъ націй. И это значитъ, что отдѣльная личность, участвующая въ созданіи культуры, будь это поэтъ, философъ, ученый или политикъ, можетъ наилучше развить и использовать свои творческія силы, наиполнѣйшимъ образомъ sich ausleben только въ родной средѣ, въ родной обстановкѣ и атмосферѣ, гдѣ все, хотя не осязаемо, но ощутимо пропитано родными соками. Въ чужой обстановкѣ значительная часть творческихъ силъ уходитъ на преодолѣніе какого-то естественнаго тренія, хотя бы иногда неосязаемаго, и потому результаты такого творчества меньше и бѣднѣе. Съ этой точки зрѣнія стоитъ (даже въ интересахъ «подъема культуры вообще») потратить много силъ и много лѣтъ на созданіе особой бурятской или якутской культуры, чтобы создать обстановку, въ которой потомъ бурятскіе и якутскіе таланты разовьются лучше, полнѣе и съ большею пользой для человѣчества, чѣмъ развились бы въ «общерусской» средѣ, созданной и пропитанной вліяніемъ другихъ націй. Раздробленіе силъ, «растрата энергіи» тутъ съ лихвою будутъ возмѣщены впослѣдствіи интенсификаціей творчества въ отдѣльныхъ національныхъ коллективахъ. Если тутъ есть «обособленіе», то это обособленіе законное, необходимое: такъ «обособляется» художникъ, когда затворяется въ своемъ кабинетѣ, убранномъ по его вкусу, никого къ себѣ не впускаетъ — и пишетъ прекрасное произведеніе на радость и пользу всѣмъ людямъ.

Но все это зады, которыми прилично было заниматься лѣтъ пять или шесть тому назадъ, когда «мы» всѣ были еще очень наивны и вѣрили, будто національный вопросъ выдуманъ злоумышленниками. Теперь, слава Богу, извѣстно и признано, что право каждой народности на самобытную культуру опредѣляется и доказывается не теоріями, а ея собственной волей къ національному бытію. Наличность этой воли показали и малороссы, и бѣлоруссы, и всѣ остальные, несчетные и несмѣтные народы Россійскаго государства; а остальное додѣлаетъ время

РАСА
(1913)

Существуетъ-ли такъ называемая «раса»? Вокругъ этого слова скопилось множество недоразумѣній. Одни — самые наивные — думаютъ, что признавать «расу» значитъ вѣрить будто бѣлые люди такъ-таки и произошли по прямой линіи отъ трехъ сыновей Ноя: Сима, Хама и Яфета. Но и менѣе наивные люди полагаютъ, что признавать расу значитъ вѣрить въ такъ называемую «расовую чистоту» существующихъ этническихъ группъ; и вотъ они принимаются доказывать, что французы, англичане, нѣмцы, даже евреи не представляютъ изъ себя «чистыхъ расъ», ибо каждая изъ этихъ группъ есть результатъ смѣшенія такихъ-то и такихъ-то расовыхъ ингредіентовъ.

Все это только сводитъ вопросъ съ его истинныхъ рельсъ. Дѣло вовсе не въ томъ, «чистая» ли раса нѣмцы или поляки, да врядъ-ли понятіе «чистой» расы можно установить со сколько-нибудь достовѣрной отчетливостью. Допустите на минуту, что вы добрались до первобытнаго, «чистокровнаго» арійца или семита; но откуда вы знаете, что и онъ въ еще болѣе глубокой древности не произошелъ отъ смѣшенія какихъ-то другихъ, невѣдомыхъ намъ расъ? Наоборотъ, гораздо удобнѣе допустить, что такъ называемая «раса» есть всегда продуктъ смѣшенія такихъ-то элементовъ въ такой-то пропорціи. Но подборъ и количество этихъ элементовъ, и пропорція, въ которой они между собой перемѣшаны, далеко не одинаковы, и въ этомъ различіи *расоваго спектра* или, если можно такъ выразиться, *расоваго рецепта* и заключается различіе между расами. Такое различіе физической

породы наблюдается несомнѣнно и отчетливо даже между самыми родственными народами, какъ французы и итальянцы, нѣмцы и голландцы; конечно, есть промежуточные типы, но вѣдь промежуточные типы есть даже между растеніями и животными. Если бы наука обладала уже достаточными для этого средствами, можно было бы, разложивъ особеннымъ образомъ, скажемъ, кровь «типичнаго» француза и «типичнаго» сакса, обнаружить и записать формулу «спектра» или «рецепта», на которомъ зиждется ихъ расовое своеобразіе. Существуютъ-ли «чистыя» расы или не существуютъ, это все равно въ данномъ случаѣ; важно то, что этническія группы отличаются одна отъ другой своимъ расовымъ спектромъ, и въ этомъ смыслѣ слово «раса» пріобрѣтаетъ вполнѣ опредѣленный и вполнѣ научный смыслъ.

Такимъ образомъ — если не гнаться за придирчивой точностью выраженій — мы можемъ сказать, что въ общемъ приблизительно каждая національность обладаетъ особымъ, своеобразнымъ и общимъ для всѣхъ ея индивидовъ «расовымъ рецептомъ»; въ этомъ смыслѣ (но, конечно, не въ политико-юридическомъ) національность и раса почти совпадаютъ. Что же отсюда слѣдуетъ?

Между тѣлесной природой и духовными отправленіями существуетъ нѣкая связь, нѣкій психо-физическій параллелизмъ. Матеріалисты стараго времени предпочитали прямо говорить о физической *причинности* психическихъ явленій; но такъ какъ самая природа связи между «тѣломъ» и «духомъ» наукой не установлена и врядъ-ли когда либо и будетъ установлена, — такъ какъ моментъ перехода физіологической функціи въ психическую не поддается человѣческой ощупи, то предпочтительнѣе оставить въ сторонѣ причинность и говорить только о параллелизмѣ. Этотъ послѣдній несомнѣненъ. Психическая дѣятельность индивида пользуется широчайшей автономіей въ томъ смыслѣ, что подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ условій можетъ принимать самыя разнообразныя формы и размѣры; но на всѣхъ этапахъ своего развитія она носитъ неизгладимый (хотя бы и неуловимый для насъ) отпечатокъ физіологической природы индивида. Это

можно выразить въ слѣдующей формѣ. caeteris paribus, т. е при однихъ и тѣхъ же климатическихъ, географическихъ историческихъ, соціальныхъ и пр. условіяхъ, при одномъ и томъ же уровнѣ личнаго развитія, при одной и той же личной біографіи, словомъ при абсолютномъ равенствѣ всѣхъ прочихъ условій — два человѣка, неодинаковые въ физіологическомъ отношеніи, дадутъ на совершенно однородное раздраженіе *неодинаковую* психическую реакцію. Различія физическія всегда сопровождаются (какъ и почему, это пока тайна природы) различіями психическими. Теперь возьмите двухъ человѣкъ, принадлежащихъ къ разнымъ этническимъ группамъ — двухъ индивидовъ съ разнымъ расовымъ рецептомъ. Ясно, что они при равныхъ условіяхъ будутъ неодинаково реагировать и психически. Конечно, нѣтъ ничего труднѣе, чѣмъ «описать» психику каждаго племени, дать ея исчерпывающую формулу; всѣ попытки такого рода оказались неудачными. Но вообще не все то, что существуетъ и въ существованіи чего мы не властны сомнѣваться, поддается точному опредѣленію. «Описать» расовую психику нельзя, а все-таки несомнѣнно, что каждая «расовая» (въ вышеуказанномъ смыслѣ) группа обладаетъ особой своеобразной «расовой» психикой, проявляющейся въ той или иной степени — несмотря на всю пестроту отдѣльныхъ человѣческихъ личностей — въ каждомъ индивидѣ этой группы (кромѣ, конечно, типовъ промежуточныхъ).

Марксисты признаютъ значеніе *основного* историческаго фактора только за экономическими моментами, или, выражаясь нѣсколько конкретнѣе, за состояніемъ и развитіемъ производительныхъ силъ въ каждый данный моментъ. Не будемъ теперь обсуждать, вѣрно это или не вѣрно; допустимъ, что вѣрно. Допустимъ, что въ первооснове историческаго процесса лежатъ моменты производства. Но вѣдь производство зависитъ отъ естественныхъ условій климата, устройства поверхности и пр.; это въ свое время признали еще и создатели теоріи. Совокупность этихъ условій вліяетъ на производительную дѣятельность человѣка въ томъ или иномъ направленіи, заставляетъ его избирать тѣ или иные пути наи-

меньшаго сопротивленія. Но вѣдь главное и важнѣйшее изъ всѣхъ «естественныхъ условій» есть то, которое внутри самого человѣка: его психика. Что такое психика, съ экономической точки зрѣнія, какъ не *верховное орудіе производства?* Человѣкъ сознаетъ свои потребности, ищетъ путей къ ихъ удовлетворенію, накопляетъ опытъ, изобрѣтаетъ техническія усовершенствованія, изобрѣтаетъ кооперацію: какъ бы все это на первыхъ порахъ ни складывалось «само собой», почти рефлекторно, почти инстинктивно, — все это совершается въ психикѣ, черезъ психическую функцію, и если психика своеобразна, то должны быть своеобразны и результаты, все равно какъ у человѣка съ каменными орудіями производства неизбѣжно должна получиться, даже caeteris paribus, другая экономика и другая культура, чѣмъ у человѣка съ желѣзными орудіями. Психика есть верховное орудіе производства, и потому ея различія неизбѣжно должны сказаться во всѣхъ сферахъ человѣческой жизнедѣятельности, прежде всего въ хозяйственной. Двѣ «расы», при идеальномъ равенствѣ всѣхъ прочихъ условій — климата, поверхности, почвы, исторіи — создали бы разные типы хозяйства. Для марксиста изъ разныхъ типовъ хозяйства уже сами собою вытекаютъ вообще разные типы культуры. Для не-марксиста — для тѣхъ, кто признаетъ автономное и первичное значеніе идеологическихъ факторовъ — это еще яснѣе: если даже типы хозяйства, особенности соціальнаго строя и пр. должны носить на себѣ отпечатокъ «расовой» психики, то тѣмъ болѣе религія, философія, литература, даже отчасти законодательство, словомъ, вся духовная культура, непосредственная связь которой съ національной психикой гораздо отчетливѣй и яснѣй.

Конечно, это только схема; въ дѣйствительности всегда неизбѣжны большія или меньшія отклоненія отъ нея. Идеальнымъ типомъ «абсолютной націи» былъ бы вотъ какой. Она должна обладать особенно своеобразнымъ расовымъ спектромъ, рѣзко непохожимъ на расовую природу сосѣдей. Она должна занимать съ незапамятныхъ временъ сплошную и отчетливо отграниченную территорію; лучше всего, если на этой территоріи нѣтъ никакихъ инородческихъ мень-

шинствъ, разрѣжающихъ національное единство. Она должна имѣть своеобразный языкъ, исконный, ни у кого не заимствованный по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что фактъ и моментъ заимствованія даже въ глубочайшей древности не можетъ быть прослѣженъ (какъ, напримѣръ, у нѣмцевъ); слѣдовательно, такой языкъ, который, такъ сказать, созданъ по образцу и подобію народа, отражаетъ и умѣщаетъ всѣ изгибы его мышленія и чувства. Она должна обладать національной религіей, не заимствованной, а исконно-самодѣльной, какъ религія индусовъ или, по крайней мѣрѣ, евреевъ. Она, наконецъ, должна имѣть одну общую для всѣхъ ея частей историческую традицію, т. е. полную общность историческихъ переживаній съ незапамятной древности. Такова была бы идеальная, абсолютная нація, въ національномъ сознаніи которой не было бы никакихъ раскалывающихъ, разлагающихъ моментовъ. Но въ жизни такой націи, конечно, нѣтъ, а есть только большія или меньшія степени приближенія къ идеальному типу. То въ національныя территоріи вкраплены инородческія меньшинства, а нѣкоторые отрѣзки націи оторваны отъ главнаго гнѣзда чрезполосными владѣніями другой націи; то языкъ заимствованъ — племя кельтическаго или славянскаго происхожденія говоритъ на романскомъ языкѣ, или мадьяры, въ которыхъ врядъ ли осталась одна десятая азіатской крови, на языкѣ урало-алтайскаго корня. Религія у всѣхъ европейскихъ народностей — кромѣ одной — заимствованная, и т. д. Есть цѣлый рядъ такъ наз. неисторическихъ націй. Есть націи съ территоріей, но безъ особаго языка, вродѣ ирландцевъ; съ языкомъ, но безъ сплошной территоріи, какъ армяне; есть, наконецъ, евреи. Поэтому необходимо признать, что территорія, языкъ, религія, общность исторіи — все это не есть субстанція націи, а только аттрибуты; хотя, конечно, аттрибуты громадной цѣнности, въ высшей степени важные для устойчивости національнаго существованія. Но субстанція національности, первый и послѣдній оплотъ ея своеобразія — это особность ея физической породы, рецептъ ея расоваго состава.

Конечно, только въ области науки. Совершенно иначе ставится вопросъ (какъ уже отмѣчено выше) въ области политики. Для политика и юриста — рѣшающимъ моментомъ для установленія національной принадлежности въ спорныхъ случаяхъ является только одинъ психическій моментъ: наличность національнаго самосознанія. Къ этой точкѣ зрѣнія. впрочемъ, примыкаютъ иногда и философы и психологи. Ренанъ, Лацарусъ, Фребель, Манчини, Блюнчли, Іеллинекъ и т. д. единогласно сходятся на томъ, что нація есть воля. Но для изслѣдователя, интересующагося не только фактами и потребностями сегодняшней политической жизни или феноменами психической, а и объективными первопричинами, «нація» въ конечномъ итогѣ, за вычетомъ всякаго рода наслоеній, обусловленныхъ исторіей, климатомъ, окружающей природой, инородными вліяніями, — сведется къ своей расовой основѣ.

Теперь подойдемъ вплотную къ вопросу, съ котораго мы начали: будетъ ли когда-нибудь едино стадо и единъ пастырь? Это вопросъ прогноза, а въ соціологіи слово прогнозъ значитъ въ сущности гаданіе; и если возможна въ этихъ гаданіяхъ кой-какая достовѣрность, то не относительно того, что будетъ, а скорѣе относительно того, чему не бывать. Въ то, напримѣръ, что будетъ нѣкогда всеобщій миръ на землѣ, можно только вѣрить. Я лично въ это вѣрю, очень вѣрю, хотя доказать бы не взялся. Но вѣдь ясно, что для этого совершенно не требуется сліянія и смѣшенія націй въ одну однородную помѣсь. Миръ и ладъ вполнѣ мыслимы на почвѣ спокойнаго сожительства рядомъ самыхъ разнообразныхъ культуръ. Вообще войны происходили не изъ-за національныхъ различій, а изъ-за экономическихъ интересовъ. Національная психика побуждаетъ здоровые народы только творить, каждымъ своимъ шагомъ и помысломъ, національную культуру; но если онъ бросается грабить сосѣда, то импульсъ идетъ не изъ національныхъ его особенностей, а изъ его экономическихъ аппетитовъ. Конечно, и въ этомъ актѣ такъ или иначе скажется національная психика, хотя бы въ формѣ такъ наз. темперамента; должно быть, и воюетъ-то

каждый народъ по-своему; но то, что толкаетъ его воевать, есть въ конечномъ счетѣ экономическій интересъ. Поэтому можно вѣрить, что если бы удалось, по соціалистическому или другому рецепту, рѣшить соціально-экономическую проблему человѣчества, то исчезли бы причины войнъ и прекратились бы войны. Это — вѣра. Но когда къ этому примѣшиваютъ еще мечту о сліяніи народовъ въ одну помѣсь, то тутъ уже съ извѣстной достовѣрностью можно сказать: вотъ чему не бывать.

Въ подтвержденіе неизбѣжности всеобщаго сліянія приводятся обыкновенно извѣстные доводы: усиленіе культурнаго обмѣна между народами, распространеніе знакомства съ иностранными языками, распространеніе идей равенства и терпимости, массовыя эмиграціи и т. д. Все это очень неубѣдительно и поверхностно, ибо почти всѣ перечисленныя явленія характерны только для современнаго общественнаго строя и, вѣроятно, исчезнутъ или потеряютъ значеніе именно въ тотъ вѣкъ соціальной гармоніи, который вѣдь, какъ ни какъ, является необходимой предпосылкой международнаго мира.

Можно двояко понимать сліяніе: какъ сліяніе расъ въ одну расовую помѣсь, или какъ сліяніе и смѣшеніе однѣхъ только культуръ. Первое предполагаетъ, конечно, массовое и повальное скрещиваніе, потокъ смѣшанныхъ браковъ между португальцами и самоѣдами, албанцами и китайцами. Врядъ ли стоитъ обо всемъ этомъ серьезно говорить. Серьезнымъ моментомъ въ этомъ отношеніи является одна только миграція. Дѣйствительно, ростъ современной миграціи изъ разныхъ странъ въ разныя страны достигъ гигантскихъ абсолютныхъ цифръ. Но если вычесть временныхъ эмигрантовъ, т. е. ѣдущихъ только на заработки съ тѣмъ, чтобы послѣ вернуться домой, то эти абсолютныя цифры уменьшатся по крайней мѣрѣ на половину. Что же касается до безвозвратной эмиграціи, то она можетъ имѣть троякій результатъ. Или притокъ эмигрантовъ въ данную страну такъ малъ сравнительно съ ея населеніемъ, что они тамъ ассимилируются, или притокъ этотъ такъ огроменъ, что эмигранты станутъ на новой родинѣ въ

концѣ концовъ большинствомъ и ассимилируютъ себѣ коренныхъ туземцевъ; или, наконецъ, новая родина вообще населена смѣсью изъ разноплеменныхъ эмигрантовъ, и новая струя исчезнетъ въ общемъ котлѣ, какъ мы это наблюдаемъ въ Соед. Штатахъ. Во всѣхъ трехъ случаяхъ итогъ будетъ одинъ и тотъ же: останется старая нація или получится новая нація. Было бы другое дѣло, если бы миграція между странами была взаимной; но вѣдь этого нѣтъ и быть не можетъ въ странѣ, откуда идетъ массовая эмиграція, очевидно, нѣтъ мѣста для новыхъ поселенцевъ, и наоборотъ — изъ страны, гдѣ есть достаточно мѣста для иммигрантовъ, незачѣмъ уѣзжать коренному жителю. Иногда наблюдаются временныя отклоненія отъ этой схемы, но во всякомъ случаѣ о сколько-нибудь правильномъ взаимномъ «осмосѣ» посредствомъ миграціи рѣчи быть не можетъ. — Но главное не это, а вотъ что: миграція есть *болѣзнь* соціальнаго организма, результатъ соціальнаго нестроенія, феноменъ патологическій. Слѣдовательно, при оздоровленіи общественнаго строя, при такой организаціи экономической жизни, гдѣ каждый гражданинъ будетъ имѣть конкретное право на трудъ, никому не придется искать хлѣба за тридевять земель. Именно съ момента, когда устранены будутъ причины, мѣшающія народамъ жить въ мирѣ, отпадетъ и raison d'être миграціи.

Оставимъ поэтому въ сторонѣ сліяніе расъ. Но столь же мало вѣроятно и сліяніе культуръ. Обмѣнъ культурными цѣнностями дѣйствительно происходитъ и будетъ все пышнѣе развиваться, но — не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу. Чѣмъ шире нація собираетъ и впитываетъ въ себя культурныя пріобрѣтенія другихъ народовъ, чѣмъ больше матеріалу она перевариваетъ и перерабатываетъ, тѣмъ болѣе и интенсивнѣе становится ея собственное національное творчество. Русскій народъ сталъ выдвигать большихъ поэтовъ, т. е. создалъ національную литературу именно послѣ того, какъ подвергся двумъ столѣтіямъ европеизаціи. Распространеніе знакомства съ иностранными языками тоже не доводъ. Прежде всего, можно указать и на обратный процессъ: ростъ культурности иногда упраздняетъ необходимость въ ино-

странныхъ языкахъ. Константинопольскій житель, дремучій невѣжда, говоритъ на 6 или 7 языкахъ, а самые образованные англичане часто не знаютъ даже по-французски. Въ Россіи прежде всякій образованный человѣкъ говорилъ по-французски, да и нельзя было иначе стать образованнымъ человѣкомъ; а теперь сплошь и рядомъ встрѣчаешь людей съ дипломомъ, которые иностранныхъ языковъ не знаютъ и въ нихъ не нуждаются, ибо все можно прочесть въ переводѣ. Тѣ же явленія можно подмѣтить даже въ предѣлахъ одного государства: чеху въ Австріи теперь гораздо легче обойтись безъ нѣмецкаго языка, чѣмъ 50 лѣтъ назадъ. Вообще, изучать языки ради одной только любознательности среднему интеллигентному человѣку съ каждымъ десятилѣтіемъ все менѣе и менѣе необходимо, и наступитъ несомнѣнно моментъ, когда техника переводовъ и издательскаго дѣла сведетъ эту необходимость до минимума. Останутся любители, которымъ непремѣнно захочется читать такого-то автора въ подлинникѣ — но сколько можетъ быть такихъ любителей, и какое вліяніе могутъ они оказать на остальное человѣчество въ смыслѣ «ассимиляціи всѣхъ со всѣми», тѣмъ болѣе, что не всѣмъ же имъ понравится одинъ и тотъ же языкъ?

Каутскій указалъ какъ-то на то, что современныя формы мірового товарообмѣна сами требуютъ распространенія иностранныхъ языковъ. Это вѣрно — но къ дѣлу не относится. Вѣрно то, что при индивидуальномъ хозяйствѣ каждому торговцу необходимо лично вести отдѣльныя сношенія съ заграницей, а потому требуются десятки тысячъ «корреспондентовъ» и комми-вояжеровъ, «владѣющихъ» языками (*какъ* они «владѣютъ» языками — ужъ Богъ имъ прости), а для нихъ нужны учителя и учительницы, да и вообще всякій ищущій мѣста уже волей-неволей старается изучить хоть одинъ языкъ: все-таки лишній шансъ на кусокъ хлѣба. Но все это свойственно только современному хозяйству, построенному на индивидуальной конкурренціи. Вообразите себѣ на минуту хозяйство, организованное по соціалистическому плану — и вы увидите, что тамъ функція товарообмѣна будетъ сосредоточена для каждой мѣстности въ нѣсколькихъ бюро съ

небольшимъ штатомъ работниковъ, т. е. девять десятыхъ если не 99 сотыхъ того класса, для котораго теперь знаніе чужихъ языковъ есть путь къ заработку, потеряютъ свой raison d'être. Организація производства, устраненіе конкурренціи и пр. суть предпосылки всеобщаго мира — но именно при осуществленіи этихъ предпосылокъ значительно уменьшится для рядового гражданина *матеріальная необходимость* въ непосредственномъ соприкосновеніи съ за-границей, и, наоборотъ, благодаря коллективизму значительно умножатся точки соприкосновенія съ окружающей средой. При такихъ условіяхъ національный характеръ каждой замкнутой среды можетъ только сдѣлаться «чище», интенсивнѣе, но никакъ не наоборотъ, особенно если учесть еще неизбѣжную тогда демократизацію культуры черезъ присоединеніе къ ней широкихъ массъ, которыя всегда и всюду являются оплотомъ національной «сущности».

Во всей этой перспективѣ не только не видно возможности сліянія и смѣшенія культуръ, но напротивъ: небывало-яркій расцвѣтъ національныхъ самобытностей при полномъ мирѣ и взаимномъ обмѣнѣ продуктами самобытнаго творчества. Благо народамъ, которые доживутъ до того счастливаго времени. А кто не доживетъ, о томъ будущіе люди даже не вспомнятъ, и только ученые, пожимая плечами, скажутъ о немъ: туда и дорога.

МРАКОБѢСЪ

(1912)

Возстановленіе и объединеніе Италіи закончилось 20 сентября 1870 года. Это называется: во-время успѣть. Счастливъ Богъ Гарибальди и Виктора-Эммануила, что дѣло не затянулось еще лѣтъ на сорокъ; счастливъ Богъ Кавура, что онъ умеръ еще раньше: правда, ему не удалось видѣть своими глазами, какъ Римъ сталъ столицей объединенной Италіи, но зато онъ умеръ во-время, въ полной увѣренности, что не только Италія, но и весь міръ смотритъ на него, какъ на порядочнаго человѣка. Опоздай онъ лѣтъ на пятьдесятъ — картина могла бы сильно измѣниться.

Часто я пытаюсь вообразить, какъ отнеслось бы прогрессивное человѣчество къ гарибальдійской эпопеѣ, если бы она происходила теперь, въ наши дни. Въ сущности, вѣдь и въ наши дни есть народы, находящіеся въ положеніи Италіи до Гарибальди. Въ чемъ заключалось горе Италіи до Гарибальди? Въ томъ, что она была разрознена и порабощена. Мало ли теперь народовъ разрозненныхъ и порабощенныхъ? Даже итальянцы еще не всѣхъ своихъ братьевъ собрали подъ родимую кровлю. Южный Тироль, провинція историческаго Тридента, родина Данте, все еще принадлежитъ Австріи, все еще правитъ имъ нѣмецъ, и мраморный старикъ Алигьери со своего гранитнаго пьедестала на площади въ Тренто все еще тоскливо глядитъ на югъ, черезъ Альпы, въ сторону оторванной Италіи. Но и помимо итальянцевъ! Сербохорваты раздѣлены между пятью или шестью государствами. Болгарскій сѣверъ Македоніи, все еще въ турецкихъ рукахъ. Греческій югъ Македоніи, греческіе острова Архипелага и самый Критъ все еще подъ туркомъ. Два милліона румынъ

кряхтятъ въ венгерской Трансильваніи. И еще много племенъ можно бы назвать, и всѣ они ждутъ своего Гарибальди. Но вотъ что любопытно: какъ относится къ этимъ ихъ ожиданіямъ и надеждамъ передовое человѣчество? Не дипломаты, конечно, и не генералъ-губернаторы, а та «молодая», радикальная Европа, что въ свое время молилась на итальянскаго Гарибальди и до сихъ поръ чтитъ и чествуетъ его имя? Сочувствуетъ ли она тріентинскимъ итальянцамъ въ ихъ стремленіи оторваться отъ Австріи, сочувствуетъ ли она сербо-хорватамъ, болгарамъ, румынамъ и другимъ народамъ въ ихъ мечтѣ — воспроизвести эпопею объединенія Италіи, измѣнить политическую карту, разорвать старыя государства и воздвигнуть новыя?

Нѣтъ-съ, не сочувствуетъ. Радикальная Европа на все это смотритъ очень косо, и чѣмъ она радикальнѣе, тѣмъ хуже. На лѣвомъ флангѣ политической мысли твердо рѣшено, что все это ненужныя и вредныя фантазіи. Онѣ отвлекаютъ человѣчество отъ его настоящихъ задачъ, онѣ затемняютъ классовое сознаніе. Какъ, напримѣръ, называютъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ австрійской политической мысли тѣхъ ирредентистовъ, которые мечтаютъ о присоединеніи Тріента и Тріеста къ Италіи? Ихъ называютъ реакціонерами и шовинистами. Только реакціонеръ можетъ мечтать о созданіи новыхъ государствъ, когда и старыхъ уже слишкомъ много развелось. Только шовинистъ можетъ проповѣдывать, будто народы непремѣнно должны отдѣляться другъ отъ друга государственными рамками. Только реакціонеры и шовинисты способны разжигать во имя этихъ фанаберій націоналистическія страсти, отвлекая трудовую массу отъ ея прямой задачи. Такъ говорятъ и пишутъ на лѣвомъ флангѣ, повсюду — у итальянцевъ, у балканскихъ народовъ, у поляковъ, у евреевъ. Счастливецъ Гарибальди! Если бы онъ опоздалъ на полвѣка...

Гдѣ-то въ одесскомъ порту еще стоитъ, быть можетъ, та харчевна, гдѣ юноша Гарибальди, много лѣтъ назадъ, встрѣтилъ матроса-карбонарія и впервые отъ него услышалъ проповѣдь о единой Италіи. Одни говорятъ, что эта

встрѣча произошла въ Таганрогѣ, другіе думаютъ, что въ Одессѣ, и это достовѣрнѣе. Во всякомъ случаѣ, гдѣ-то близко отъ насъ. Въ Италіи тогда на такія темы нельзя было говорить. Юнгой на отцовскомъ кораблѣ пріѣхалъ сюда Гарибальди, забрелъ въ харчевню, выпилъ стаканъ вина съ незнакомымъ матросомъ, и тотъ раскрылъ передъ его глазами новый міръ. Кто былъ тотъ матросъ, освободившій Италію? Имя его осталось невѣдомо, все равно какъ имя того калики перехожаго, что поднялъ когда-то на ноги русскаго богатыря.

Въ одной книгѣ написано о такихъ невѣдомыхъ вотъ что:

Я разскажу вамъ русскую былину:
Жилъ богатырь, мужицкій сынъ Илья.
Онъ тридцать лѣтъ, не разгибая спину,
Сидѣлъ въ углу отцовскаго жилья.
По всѣмъ дорогамъ рыскали татары,
Въ лѣсу царилъ разбойникъ Соловей;
Илья сидѣлъ, Илья глоталъ удары,
И не было защиты у людей.
И вотъ пришелъ незнамый странникъ Божій,
Безыменный калика перехожій,
Сказалъ: «вставай, настала череда!» —
И всталъ Илья, плечомъ могучимъ двинулъ,
Татарскую державу опрокинулъ
И Соловья съ семи дубовъ низринулъ —
А странникъ тотъ ушелъ, пропалъ и сгинулъ,
Невѣдомый откуда и куда.

И это все. Ни пѣсенъ о каликѣ,
Ни памяти: пришелъ, позвалъ — и нѣтъ.
А между тѣмъ былъ онъ герой великій,
Отважнѣй всѣхъ, чье помнитъ имя свѣтъ.
Ужъ на него ль не зарились татары?
И Соловей въ глуши своихъ лѣсовъ
Не на него ль придумалъ злыя кары
И посылалъ въ облаву слугъ и псовъ?

12*

Онъ отъ собакъ ушелъ и отъ холопей,
Онъ хитраго татарина провелъ,
Прошелъ сквозь тучи стрѣлъ, сквозь строи копій,
Онъ забутилъ пески зыбучихъ топей,
Онъ прорубилъ дубравы — и дошелъ!

Въ томъ подвигѣ невидномъ и негромкомъ
Вся жизнь его: пришелъ, позвалъ — и нѣтъ.
Но онъ — герой. И вамъ, его потомкамъ,
Отъ родины спасибо и привѣтъ!

Неизвѣстный матросъ былъ тоже изъ «его потомковъ», и теперь всѣ согласны, даже на лѣвомъ флангѣ, что ему полагается отъ родины спасибо и привѣтъ. Ибо все это было давно, чуть ли не сто лѣтъ тому назадъ. Но хотѣлъ бы я знать, что сказали бы мы теперь, если бы та бесѣда молодого Гарибальди съ карбонаріемъ въ одесской харчевнѣ произошла въ наши дни и кто - нибудь изъ насъ ее подслушалъ. Влетѣло бы тогда отъ насъ и Гарибальди, и особенно его перехожему каликѣ!

Вы сомнѣваетесь? Но тогда позвольте возстановить предъ вами содержаніе той бесѣды. Я при ней, конечно, не былъ, и, кажется, нигдѣ ея подробности не записаны, но, тѣмъ не менѣе, возстановить ее нетрудно. Дѣло ясное: что могъ сказать матросъ - карбонарій бѣлокурому мальчику изъ Ниццы съ честными смѣлыми глазами, — что могъ онъ ему сказать, кромѣ тѣхъ самыхъ вещей, за которыя теперь никто бы его по головкѣ не погладилъ? Рѣчь карбонарія несомнѣнно представляла собой яркій образецъ того, что мы теперь называемъ шовинизмомъ и нетерпимостью. Подумайте сами: говорилъ ли онъ юношѣ о томъ, что всѣ люди братья? Нѣтъ, онъ, должно быть, про это забылъ, а говорилъ ему о томъ, что надо выгнать изъ Италіи нѣмцевъ. И, вѣроятно, декламировалъ на память, или вытащилъ изъ-за пазухи на пропотѣвшемъ листочкѣ запрещенные стихи Джусти, отъ которыхъ тогда содрогалась вся грамотная Италія. Мы бы съ вами тоже содрогнулись, прочитавъ эти стихи, но

отъ противоположнаго чувства: отъ добродѣтельнаго негодованія. Такіе возмутительные стихи, полные духа племенной вражды, и въ каждой строчкѣ звучитъ нота натравливанія одной національности на другую! Напримѣръ, приблизительно такъ:

Что мы хотимъ? Отчизну и свободу
Возстановить — а нѣмцевъ не хотимъ;
Хотимъ дышать, хотимъ вернуть народу
Родной языкъ — а нѣмцевъ не хотимъ;
Хотимъ творить и чтить свои преданья —
А нѣмцевъ не желаемъ... До свиданья!

И когда матросъ произносилъ этотъ рефренъ: «e non vogliam Tedeschi», его шопотъ пріобрѣталъ зловѣщій оттѣнокъ, и въ немъ чувствовалось остріе скрытаго кинжала. А честные, смѣлые глаза бѣлокураго юноши хмурились ненавистью. Онъ думалъ о поработителяхъ. Ему казалось, что они усѣяли родную землю, словно гадкая сыпь на миломъ тѣлѣ. Они ее портятъ, они ее безобразятъ, они ее пачкаютъ. Ихъ надо прогнать. Вонъ! До единаго человѣка вонъ! И, можетъ быть, въ эту минуту неизвѣстный юнга далъ себѣ тихую клятву, и изъ этой клятвы потомъ родилась одна изъ прекраснѣйшихъ, изъ самыхъ возвышенныхъ страницъ міровой исторіи... Но какое намъ дѣло? Если бы этотъ разговоръ происходилъ въ наши дни, мы сурово обругали бы всѣхъ трехъ: поэта Джусти за то, что онъ науськивалъ Италію на нѣмцевъ, матроса-карбонарія за то, что распространялъ эти вредныя вирши, а юношу изъ Ниццы за то, что рѣшилъ посвятить свою богатую жизнь такому ничтожному и неблагородному дѣлу, какъ осуществленіе шовинистической и реакціонной программы.

Да къ чему и свелась дѣятельность Гарибальди въ Италіи? Напоминалъ ли онъ своимъ согражданамъ о томъ, что нѣмца надо любить, какъ родного брата? Напротивъ, всякій шагъ его, всякій жестъ его разжигалъ въ итальянскихъ массахъ ненависть къ чужеземцу. Говорилъ ли Гарибальди народу про то, что на свѣтѣ есть только двѣ націи — богачи и бѣд-

няки, и что всѣ бѣдняки, будь они итальянцы или нѣмцы, должны быть заодно? Напротивъ, онъ призывалъ богатыхъ и бѣдныхъ объединиться во имя патріотической идеи, забыть всѣ раздоры, отложить всѣ внутренніе споры до того момента, пока не будетъ осуществленъ націоналистическій идеалъ. Вмѣсто того, чтобы стремиться къ демократизаціи отдѣльныхъ государствъ, изъ которыхъ состоялъ въ его дни Апеннинскій полуостровъ, онъ заставилъ цѣлое поколѣніе, отбросивъ остальныя, быть можетъ болѣе важныя соціальныя заботы, посвятить всѣ силы націоналистической и, въ сущности, безсмысленной задачѣ — созданію объединеннаго королевства. Зачѣмъ? Что за прихоть? Развѣ это нужно для счастія народа? Не все ли равно для бѣднаго люда, сколько надъ нимъ королей? Не лучше ли было бы для народа, если бы Гарибальди направилъ свои усилія въ другую сторону, и теперь на Апеннинскомъ полуостровѣ было бы нѣсколько республикъ вмѣсто одного королевства? Въ сущности, если хорошенько вглядѣться до самой глубины, не была ли жизнь Гарибальди ошибкой отъ начала до конца? Не сбилъ ли онъ съ толку, не свелъ ли съ прямого пути цѣлый народъ, цѣлое поколѣніе, и — хуже того — не завѣщалъ ли своихъ заблужденій другимъ народамъ и позднѣйшимъ поколѣніямъ? Развѣ не его примѣромъ и не его успѣхами увлекаются, развѣ не по стопамъ Италіи слѣдуютъ теперь шовинисты всего міра, вопя о необходимости національныхъ государствъ и задерживая разрѣшеніе соціальной проблемы? И если возстановить во всѣхъ деталяхъ ту атмосферу, которая господствовала въ Италіи въ эпоху борьбы за независимость, въ эпоху изгнанія нѣмцевъ и объединенія полуострова, и если хорошенько вникнуть въ эту атмосферу, полную националистическаго пыла, пропитанную ненавистью къ чужеземцу, оглашаемую нестерпимой декламаціей патріотическихъ лозунговъ; если вспомнить, что на цѣлыя десятилѣтія было забыто и заброшено все остальное: никто не думалъ о школахъ, о развитіи промышленности и торговли, даже о хорошихъ законахъ, а всѣ силы были поглощены исключительно вопросами національности и патріотизма, — если все это

извѣсти, то не придется ли съ болью въ сердцѣ сказать, что то была атмосфера истиннаго шовинизма, въ которой, какъ рыба въ водѣ, чувствовали бы себя Марковъ и Пуришкевичъ?

Понимаю, что здѣсь меня лѣвый читатель прерветъ и скажетъ возмущенно, что онъ никогда ничего подобнаго не говорилъ. Да, я знаю, что не говорилъ. О Гарибальди мы этого не говоримъ. Но почитайте, что говорятъ и пишутъ о людяхъ, которые въ наши дни и въ нашихъ условіяхъ смѣютъ молиться тѣмъ богамъ, которымъ молился Гарибальди. Нѣтъ бранныхъ словъ, которыхъ они бы не слышали. Ихъ объявляютъ ненавистниками человѣка, врагами общелюдского братства. Они мракобѣсы, противники культуры. Они обманщики, они водятъ за носъ темную массу, даютъ ей камень вмѣсто хлѣба. Они ей говорятъ: «долой нѣмца!» вмѣсто того, чтобы говорить ей: «всѣ люди братья». Они говорятъ ей: «созидай государства!» вмѣсто того, чтобы говорить ей: демократизируй государства». Они говорятъ ей: «нѣтъ разницы между бѣднымъ и богатымъ, пока не осуществится національный идеалъ!» вмѣсто того, чтобы говорить ей: «пролетаріи всѣхъ странъ, объединяйтесь». Они наполняютъ атмосферу лозунгами боевого національзма. Они отрываютъ сердца молодежи отъ общечеловѣческихъ идеаловъ и зажигаютъ ея мозгъ преувеличеннымъ культомъ національнаго прошлаго и національнаго языка. Они хотятъ, чтобы всѣ другія проблемы были отодвинуты на второй планъ и чтобы всѣ лучшія силы народа пошли на построеніе золоченой клѣтки, гдѣ бы народъ могъ отграничиться отъ своихъ иноязычныхъ братьевъ. Они реакціонеры, они родня по духу Маркову и Пуришкевичу, ихъ надо гнать и душить. Но— тогда будемъ послѣдовательны, сдѣлаемъ еще одинъ шагъ и отнесемъ за ту же скобку и Гарибальди. Развѣ онъ, его сподвижники и вся его эпоха не точь въ точь подходятъ подъ всѣ обвиненія, только что формулированныя нами? И будемъ искренни: если бы борьба за Италію происходила теперь и на нашихъ глазахъ, развѣ мы не повторили бы этихъ обвиненій со всѣхъ общественныхъ трибунъ? Въ чемъ же дѣло? Въ чемъ разница?

Въ томъ, что насъ тогда не было на свѣтѣ, насъ не спросили и создали Италію безъ нашего вѣдома. Мы пришли на готовое, мы уже застали выстроенной эту прекрасную молодую монархію - демократію, мы нашли ее жизнерадостной, бодро - творящей, жадной къ прогрессу, притязающей на мѣсто въ первомъ ряду культурныхъ державъ. И вотъ, мы снимаемъ шапки и одобрительно хлопаемъ по плечу Гарибальди, Маццини и Джусти. Молодцы, ребята! Но въ то же время рядомъ съ нами въ горькомъ поту работаютъ люди, сѣя на другихъ нивахъ тѣ же зерна, что сѣялъ Гарибальди, и, быть можетъ, суждено и этимъ зернамъ дать не худшіе ростки, — но этихъ работниковъ мы травимъ отборною бранью. «О люди, жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха, жрецы минутнаго, поклонники успѣха»...

Въ Римѣ, на холмѣ Яникульскомъ, стоитъ памятникъ Гарибальди; кто его видѣлъ разъ въ жизни, не забудетъ его никогда. Всадникъ повернулъ голову направо и съ угрозой смотритъ на синеватый куполъ Ватикана. Но мнѣ въ послѣднее время кажется, что смотритъ онъ дальше, смотритъ въ нашу сторону и съ горькой усмѣшкой намъ говоритъ:

— О люди, жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха! Вы, именующіе себя демократами, уходите прочь отъ меня, не оскорбляйте меня своимъ запанибратствомъ. Я не хочу почета тѣхъ, кто не почитаетъ моей вѣры. Да, я отдалъ свою жизнь во имя Италіи, да, я велѣлъ своему народу ни о чемъ иномъ не помнить и не думать, пока не возникнетъ изъ пепла Италія. И больше того: когда она возникла, я, жадный, не былъ удовлетворенъ. Я хотѣлъ еще отобрать у Франца-Іосифа Тріентъ, и Тріестъ, и Фіуме, и Далмацію; я хотѣлъ еще отобрать у французовъ мою родину Ниццу, я мечталъ о Савойѣ, и въ гнѣвѣ за то, что король и дипломаты не сумѣли взять ихъ, я отряхнулъ прахъ отъ ногъ и затворился отъ людей на дикомъ островкѣ родного моря. Да, я былъ жаденъ и непримиримъ, да, я жилъ во имя націи; придите же сюда, вы, эпигоны, и учите меня уму-разуму, учите меня, что люди братья, учите меня, что надо любить человѣчество, правду, свободу! Учите меня! Я хотѣлъ отнять у

Франціи нашу Ниццу, потому что она наша, но когда на французскую землю ступили прусскія войска, я созвалъ своихъ старыхъ товарищей и ринулся въ Дижонъ защищать французскую свободу и цѣлость французской земли. Я посвятилъ свою жизнь Италіи, но и въ необъятныхъ равнинахъ и лѣсахъ южной Америки помнятъ меня, ибо и тамъ я боролся съ тиранами, въ рядахъ революціонныхъ армій Бразиліи, Аргентины, Перу. Я посвятилъ свою жизнь Италіи, но въ годы, когда въ Италіи было затишье, я глупый мечтатель! носился съ проектомъ купить большой корабль, пловучее гнѣздо свободы, и кочевать на немъ изъ страны въ страну, помогая во всемъ мірѣ возстаніямъ народовъ противъ деспотизма. Я отдалъ свою жизнь Италіи, но Герценъ назвалъ меня рыцаремъ человѣчества. И я былъ рыцаремъ человѣчества и человѣчности, и я умѣлъ любить и понимать всѣ народы, и мое сердце было въ каждой борьбѣ на сторонѣ угнетеннаго. Но я больше всего на свѣтѣ любилъ мой народъ и его страну, и, когда надо было, я умѣлъ ненавидѣть чужака - поработителя, и я не стыжусь, что до сихъ поръ въ Италіи поется гимнъ моего имени съ припѣвомъ: «Прочь изъ Италіи, ибо часъ наступилъ, прочь изъ Италіи, о чужеземецъ!» Да, я былъ рыцаремъ человѣчества, но я училъ своихъ согражданъ вѣрить, что нѣтъ на свѣтѣ высшаго блага, чѣмъ нація и родина, и нѣтъ на свѣтѣ такого Бога, которому стоило бы эти двѣ драгоцѣнности принести въ жертву. И вотъ — моя работа предо мною. Я создалъ этотъ прекрасный третій Римъ, я создалъ эту молодую новую жизнь, этотъ новый очагъ творчества, имя которому Италія. И я вѣрю, что мой памятникъ на холмѣ виденъ не только Риму, но и міру, и по всѣмъ угламъ земли еще внятенъ и памятенъ мой призывъ, и постепенно всюду, гдѣ только есть угнетенное племя съ великимъ прошлымъ и горькимъ настоящимъ, всюду закипитъ борьба за *мой* идеалъ. . .

УРОКЪ ЮБИЛЕЯ ШЕВЧЕНКО
(1911)

Удивительно, до чего люди непослѣдовательны. Когда мы произносимъ А, то по большей части и не думаемъ о томъ, что надо же въ такомъ случаѣ произнести и Б. Подходимъ къ общественному факту такъ, какъ будто онъ изолированъ, вырванъ изъ жизни и за собою никакихъ послѣдствій не влечетъ. Вотъ теперь мы чествуемъ память Шевченко, или, по крайней мѣрѣ, откликаемся на чествованіе. Но при этомъ— никакихъ выводовъ. Не только у слушающихъ и у читающихъ, но иногда у самихъ пишущихъ незамѣтно, чтобы они хорошо вдумались, къ чему обязываетъ признаніе этого юбилея. Вѣдь одно изъ двухъ: или Шевченко есть культурное недоразумѣніе, филологическій курьезъ и раритетъ, и тогда нѣтъ никакого смысла устраивать ему юбилей; или Шевченко есть закономѣрное и характерное явленіе развивающейся жизни, симптомъ чего - то грядущаго, и тогда каждому изъ насъ необходимо, сказавъ А, произнести и Б, т. е., признавъ этотъ юбилей, опредѣлить свое отношеніе къ тому огромному явленію, о неизбѣжности котораго пророчествуетъ намъ этотъ юбилей. А объ этомъ, кажется, мало кто думаетъ.

Можетъ быть, объясняется это тѣмъ, что внутренно еще многіе, многіе изъ насъ и впрямь потихоньку считаютъ Шевченко за филологическій курьезъ. Что грѣха таить, многіе такъ разсуждаютъ. Имъ это кажется причудой, капризомъ: зналъ человѣкъ прекрасно по - русски, могъ писать тѣ же самые стихи на «общемъ» языкѣ, а вотъ заупрямился и писалъ по - хохлацки. Другіе идутъ еще дальше и спрашиваютъ: да развѣ есть какая нибудь серьезная разница между

обоими языками? Одно упрямство, одно мелочное цѣпляніе за отдѣльныя буквы. Что за причуда — писать непремѣнно такъ: «Думы мои, думы мои, лыхо мини з вамы! Чому сталы на папери сумными рядамы?» — когда можно было съ такимъ же успѣхомъ написать вотъ какъ:

Ахъ вы думы мои, думы,
Ахъ, бѣда мнѣ съ вами!
Что стоите на бумагѣ
Грустными рядами?

Одинъ господинъ недавно взялъ при мнѣ въ руки томикъ стиховъ Олеся и сталъ доказывать наглядно, что стихи эти можно читать сразу по - русски и выйдетъ почти все въ полномъ порядкѣ: и размѣръ не измѣнится, и почти всѣ риѳмы сохранятся. Можетъ быть онъ и былъ правъ: я его не дослушалъ до конца и, пока онъ декламировалъ на московскій ладъ: «Ой, на що ж малу дитину доручала ти степам?» — я задумался о другомъ. Я вспомнилъ, что Шевченко писалъ что - то такое и по - русски. Литераторы изъ газеты «Кіевлянинъ» ставятъ ему это въ великую заслугу и стыдятъ теперешнихъ мазепинцевъ: видите, онъ не то, что вы, онъ «не чуждался общерусскаго языка»! Допустимъ; но за то страннымъ образомъ «общерусскій» языкъ чуждался украинскаго поэта, и не склеилось у него ничего путнаго на этомъ языкѣ. И Шевченко не единичное явленіе. Въ 40-хъ годахъ жилъ въ Римѣ большой поэтъ Белли; о немъ, кажется, есть гдѣ-то упоминаніе у Гоголя. Онъ писалъ главнымъ образомъ на римскомъ діалектѣ. Римскій діалектъ, не въ примѣръ другимъ мѣстнымъ нарѣчіямъ Италіи, почти совершенно совпадаетъ съ итальянскимъ языкомъ: если бы не скучно было для читателя, я бы взялся исчерпать *все* различіе ровно въ пятнадцати строчкахъ. Но Белли писалъ на діалектѣ великолѣпныя вещи, а на итальянскомъ языкѣ — вещи совершенно бездарныя. Его сонеты на romanesco изумительны, его итальянскія элегіи водянисты, реторичны и позабыты. Тоже, очевидно, крѣпко заупрямился человѣкъ: такъ заупрямился, что

и самъ Богъ его покидалъ, какъ только онъ въ своемъ творческомъ порывѣ переступалъ черезъ какую-то едва замѣтную межу — и Белли, по сю сторону межи большой поэтъ милостью Божіей, по ту сторону внезапно превращался въ жалкаго писаку. . .

Родной языкъ! Нужна вся наша россійская наивность, неопытность, соціальная необразованность, вся наша шигасовщина, весь грубо-эмпирическій площадной практицизмъ, исповѣдуемый нами по отношенію ко многимъ священнымъ вопросамъ духа, чтобы такъ дѣлать большіе глаза и недоумѣвать, зачѣмъ это нормальному человѣку, при полномъ умѣ и здравой памяти, непремѣнно упираться и настаивать на томъ, что говорится «світ», а не «свѣтъ». Дурь, причуда! Мадьяры сколько лѣтъ ведутъ борьбу за мадьярскую команду въ венгерской арміи, а всего-то языкъ команды состоитъ ровнымъ счетомъ изъ 70-ти словъ. Изъ-за 70-ти словъ падаютъ министерства, откладываются важнѣйшія реформы, трещитъ по шву рѣки Лейты политическая карта Европы. Въ венгерскомъ парламентѣ, среди четырехсотъ съ лишкомъ мадьяръ, сидятъ сорокъ депутатовъ изъ Кроаціи и свято хранятъ свое право говорить съ трибуны по-хорватски, т. е. на языкѣ, котораго никто, кромѣ нихъ, не понимаетъ, и употребленіе котораго въ парламентѣ поэтому, казалось бы, не только безполезно, но даже вредно для самого хорватскаго дѣла. Эти же хорваты подняли бунтъ, когда венгерское начальство попыталось завести въ нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ Загреба, рядомъ съ хорватскими вывѣсками, также и мадьярскія: были уличныя демонстраціи, столкновенія съ войсками, лилась кровь. . . Дурь, причуда! — говоримъ мы, мы, захолустные обыватели захолустной страны, мы, съ высоты нашего политическаго ума и опыта. А не гораздо ли правильнѣе было бы взглянуть на дѣло съ другой стороны и понять, что съ фактами не спорятъ? Вѣдь тутъ предъ нами цѣлый рядъ яркихъ фактовъ, то массовыхъ, то еще болѣе характерныхъ индивидуальныхъ. Вотъ бѣснуются чуть ли не цѣлые народы изъ-за семидесяти словъ или десяти вывѣсокъ на чужомъ языкѣ; вотъ большіе поэты, мгно-

венно теряющіе даръ Божій, какъ только попытаются сдѣлать внутри себя маленькій, крохотный, невинный подлогъ: сказать «свѣтъ» вмѣсто «світ», «buona sera» вмѣсто «bòna sera». Это все факты, непреложныя явленія жизни, которыя не измѣнятся оттого, что мы будемъ ихъ порицать или одобрять. Не порицать и не одобрять ихъ надо, не ставить двойки или пятерки міровому порядку и его проявленіямъ, а скромненько учиться изъ нихъ уму разуму; брать жизнь такою, какой она есть въ основѣ своей, и на этой основѣ строить наше міровоззрѣніе.

Мимо факта шевченковскаго юбилея мы проходимъ съ почтительнымъ поклономъ, и намъ даже не приходитъ въ голову, что это фактъ исключительной симптоматической важности, предъ лицомъ котораго, если бы мы были разумны, опытны и предусмотрительны, слѣдовало бы пересмотрѣть нѣкоторые существенные элементы нашего міровоззрѣнія. Что такое Шевченко? Одно изъ двухъ. Или надо смотрѣть на него, какъ на курьезную игру природы, нѣчто вродѣ безрукаго художника или акробата съ одной ногою, нѣчто вродѣ рѣдкостнаго допотопнаго экспоната въ археологическомъ музеѣ. Или надо смотрѣть на него, какъ на яркій симптомъ національно-культурной жизнеспособности украинства, и тогда надо открыть пошире глаза и хорошо всмотрѣться въ выводы, которые отсюда проистекаютъ. Мы сами здѣсь на югѣ такъ усердно и такъ наивно насаждали въ городахъ обрусительныя начала, наша печать столько хлопотала здѣсь о русскомъ театрѣ и распространеніи русской книги, что мы подъ конецъ совершенно потеряли изъ виду настоящую, осязательную, ариѳметическую дѣйствительность, какъ она «выглядитъ» за предѣлами нашего куринаго кругозора. За этими городами колышется сплошное, почти тридцатимилліонное украинское море. Загляните когда-нибудь не только въ центръ его, въ какой-нибудь Миргородскій или Васильковскій уѣздъ: загляните въ его окраины, въ Харьковскую или Воронежскую губернію, у самой межи, за которой начинается великорусская речь, — и вы поразитесь, до чего нетронутымъ и безпримѣснымъ осталось это

сплошное украинское море. Есть на этой межѣ села, гдѣ по сю сторону рѣчки живутъ «хохлы», по ту сторону — «кацапы». Живутъ испоконъ вѣковъ рядомъ и не смѣшиваются. Каждая сторона говоритъ по-своему, одѣвается по-своему, хранитъ особый свой обычай; женятся только на своихъ; чуждаются другъ-друга, не понимаютъ и не ищутъ взаимнаго пониманія. Съѣздилъ бы туда П. Б. Струве, авторъ теоріи о «національныхъ отталкиваніяхъ», прежде чѣмъ говорить о единой трансцендентной «общерусской» сущности. *Такого* выразительнаго «отталкиванія» нѣтъ, говорятъ, даже на польско-литовской или польско-бѣлорусской этнографической границѣ. Зналъ свой народъ украинскій поэтъ, когда читалъ мораль неразумнымъ дивчатамъ:

Кохайтеся, любитеся,
Та не з москалями,
Бо москалі — чужи люде...

Я не раздѣляю теоріи П. Б. Струве и не думаю, чтобы «отталкиванія» принадлежали къ необходимымъ и нормальнымъ жизнепроявленіямъ національности; во всякомъ случаѣ полагаю, что легализировать (въ научномъ смыслѣ) эти «отталкиванія» слѣдовало бы только съ большими и суровыми оговорками. Я не считаю ни нормальнымъ, ни вѣчнымъ явленіемъ тотъ антагонизмъ между великороссомъ и малороссомъ, который окристаллизованъ въ простонародныхъ кличкахъ «хохолъ» и особенно «кацапъ»; увѣренъ, напротивъ, что при улучшеніи внѣшнихъ условій не только украинство, но и вообще всѣ народности Россіи прекрасно уживутся съ великороссами на почвѣ равенства и взаимнаго признанія; даже вѣрю, что большую и благотворную роль въ этомъ сыграетъ именно великорусская демократическая интеллигенція — и недавно, въ одной кіевской лекціи, подчеркнулъ эту вѣру настолько рѣзко, что встрѣтилъ даже несочувствіе со стороны нѣкоторыхъ украинскихъ слушателей. Но нельзя отрицать, что «отталкиваніе» отъ инородца есть одинъ изъ признаковъ присутствія національнаго инстинкта, особенно тамъ, гдѣ національная индивидуальность, изъ-за

внѣшняго гнета, ни въ чемъ иномъ, ни въ чемъ положительномъ выразиться не можетъ. Въ такихъ случаяхъ «отталкиванiе», наблюдаемое на этнографическихъ границахъ, остается поневолѣ лучшимъ доказательствомъ того, что угнетенная народность стихiйно противится перелицовкѣ своего естества, что истинные пути ея нормальнаго развитiя тянутся въ другомъ направленiи. Таково стихiйное настроенiе всякой большой и однородной массы; таково и стихiйное настроенiе тридцатимиллiоннаго украинскаго простонародiя, сколько бы ни лжесвидѣтельствовали о противномъ разные эксперты изъ нацiональныхъ оборотней. Эксперты этого рода столько же компетентны въ оцѣнкѣ нацiональныхъ чувствъ того народа, отъ котораго они отстали, сколько компетентенъ дезертиръ въ оцѣнкѣ патрiотизма и боевого духа той армiи, изъ которой онъ сбѣжалъ. Украинскiй народъ сохранилъ въ неприкосновенности то, что есть главная, непобѣдимая опора нацiональной души: деревню. Народу, корни котораго прочно и густо впились на громадномъ пространствѣ въ сплошную родную землю, нечего бояться за свою племенную душу, что бы тамъ ни продѣлывалось въ городахъ надъ бѣдными побѣгами его культуры, надъ его языкомъ и его поэтами. Мужикъ все вынесетъ, все переживетъ, всѣхъ переспоритъ и медленно, шагъ за шагомъ, но неуклонно и непобѣдимо со всѣхъ сторонъ втиснется въ города, и то, что теперь считается мужицкимъ говоромъ, будетъ въ нихъ черезъ два поколѣнiя языкомъ газетъ, театровъ, вывѣсокъ — и еще больше.

Вотъ что значитъ юбилей Шевченко для всякаго, кто умѣетъ послѣдовательно мыслить и заглядывать въ завтрашнiй день. Мы, къ сожалѣнiю, этими талантами не богаты. Украинское движенiе, растущее у насъ подъ носомъ, считается у насъ чѣмъ-то вродѣ спорта; мы его игнорируемъ, игнорировали до этого юбилея и будемъ, вѣроятно, игнорировать и послѣ юбилея. Не то слѣпота самодовольства, не то косность человѣческой мысли руководитъ нашими дѣйствiями, и въ результатѣ мы допускаемъ грубую, непростительную политическую ошибку: вмѣсто того, чтобы движенiе, гро-

мадное по своимъ послѣдствіямъ, развивалось при поддержкѣ вліятельнѣйшихъ круговъ передового общества и привыкало видѣть въ нихъ свою опору, своихъ естественныхъ союзниковъ, — мы заставляемъ его пробиваться своими одиночными силами, тормазимъ его успѣхи замалчиваніемъ и невниманіемъ, раздражаемъ и толкаемъ въ оппозицію къ либеральному и радикальному обществу. Роста движенія это не остановить, но исковеркать этотъ ростъ, направить его по самому нежелательному руслу — вотъ что не трудно, и вотъ чего слѣдовало бы остерегаться. Самыя тяжелыя послѣдствія для будущихъ отношеній на огромномъ этомъ югѣ Россіи могутъ отсюда родиться, если мы во-время не спохватимся, не поймемъ и не учтемъ всей громадности того массоваго феномена, о которомъ напоминаетъ намъ юбилей Шевченко. и не сообразуемъ съ нимъ всей нашей позиціи, всей нашей тактики въ дѣлахъ мѣстныхъ и государственныхъ.

Выскажу одно соображеніе, которое давно у меня сложилось и подкрѣплено изученіемъ западно-европейскаго опыта, но въ отвѣтъ на которое читатель, должно быть, пожметъ плечами. Нашъ югъ сталъ излюбленной ареной черносотенства, и подвизается у насъ оно, особенно въ городахъ и мѣстечкахъ, съ солиднымъ успѣхомъ. И до сихъ поръ мы себѣ не дали отчета, можно ли бороться противъ этого явленія, и если можно, то какъ, какимъ оружіемъ. А между тѣмъ вопросъ этотъ имѣлъ бы право на всяческое наше вниманіе, потому что при нынѣшнихъ настроеніяхъ не въ прокъ нашему краю ни городское самоуправленіе, ни даже право посылать депутатовъ въ Государственную Думу. Депутаты юга — главная опора реакціи, и такъ было еще до измѣненія избирательнаго закона, до третьей Думы. Чѣмъ же можно бороться противъ этого настроенія мѣщанскихъ массъ юга? Чистый, отвлеченный либерализмъ какой угодно марки имъ недоступенъ: мѣщанство не идетъ за либералами, если тѣ не догадаются дать ему въ придачу еще нѣчто. На соціалистическую пропаганду мѣщанство органически неспособно откликнуться: экономическіе идеалы этой среды всегда неизбѣжно реакціонны и вращаются въ лучшемъ случаѣ вокругъ

средневѣковыхъ идеаловъ цехового строя, въ худшемъ — это мы видимъ въ Вѣнѣ, въ Варшавѣ, на послѣднемъ ремесленномъ съѣздѣ — вокругъ хозяйственнаго и правового вытѣсненія инородцевъ. Единственный идеальный лозунгъ, который, въ данныхъ условіяхъ, способенъ поднять городскія мѣщанскія массы, очистить и облагородить ихъ міровоззрѣніе, — это лозунгъ національный. Если онѣ идутъ теперь за правыми, то, вѣдь, не потому, что правые проповѣдуютъ бараній рогъ и ежевыя рукавицы, а только потому, что правые сумѣли задѣть въ нихъ націоналистическую струнку. Но не струнку творческаго, положительнаго націонализма, а струнку «отталкиванія» отъ инородца. И никакія на свѣтѣ яркія знамена не отвлекутъ наше южное мѣщанство отъ лозунговъ ненависти, кромѣ одного знамени: собственнаго національнаго протеста. Я не компетентенъ судить о томъ, насколько готова какая-нибудь Слободка-Романовка къ воспріятію украинскаго національнаго сознанія; утверждаю только одно: выжить оттуда союзниковъ удастся или украинскому движенію, или никому. Повторяю: все это такъ далеко отъ сегодняшняго положенія вещей, что читатель, я знаю, пожметъ плечами и скажетъ: гаданія, фантазіи. Я же думаю, что гадаютъ и фантазируютъ тѣ, которые видятъ только то, что торчитъ на переднемъ планѣ, и не заглядываютъ ни въ статистику, ни въ исторію, ни въ опытъ мудраго запада. Поживемъ — увидимъ. А можетъ быть, если не измѣнится во-время наша тактика, то и почувствуемъ . . .

Когда приходится, по долгу службы, чествовать юбилей Шевченко, мы стыдливо разсказываемъ другъ другу, что покойникъ, видите ли, былъ «народный» поэтъ, пѣлъ о горестяхъ простого бѣднаго люда, и въ этомъ, видите ли, вся его цѣнность. Нѣтъ-съ, не въ этомъ. «Народничество» Шевченко есть дѣло десятое, и если бы онъ все это написалъ по-русски, то не имѣлъ бы ни въ чьихъ глазахъ того огромнаго значенія, какое со всѣхъ сторонъ придаютъ ему теперь. Шевченко есть *національный* поэтъ, и въ этомъ его сила. Онъ національный поэтъ

и въ субъективномъ смыслѣ, т. е. поэтъ-націоналистъ, даже со всѣми недостатками націоналиста, со взрывами дикой вражды къ поляку, къ еврею, къ другимъ сосѣдямъ... Но еще важнѣе то, что онъ — національный поэтъ по своему объективному значенію. Онъ далъ и своему народу, и всему міру яркое, незыблемое доказательство, что украинская душа способна къ самымъ высшимъ полетамъ самобытнаго культурнаго творчества. За то его такъ любятъ одни и за то его такъ боятся другіе, и эта любовь и этотъ страхъ были бы ничуть не меньше, если бы Шевченко былъ въ свое время не народникомъ, а аристократомъ въ стилѣ Гете или Пушкина. Можно выбросить всѣ демократическія нотки изъ его произведеній (да цензура долго такъ и дѣлала) — и Шевченко останется тѣмъ, чѣмъ создала его природа: ослѣпительнымъ прецедентомъ, не позволяющимъ украинству отклониться отъ пути національнаго ренессанса. Это значеніе хорошо уразумѣли реакціонеры, когда подняли наканунѣ юбилея такой визгъ о сепаратизмѣ, государственной измѣнѣ и близости столпотворенія. До столпотворенія и прочихъ ужасовъ далеко, но что правда, то правда: чествовать Шевченко просто какъ талантливаго россійскаго литератора № такой-то нельзя, чествовать его значитъ признать все то, что связано съ этимъ именемъ. Чествовать Шевченко — значитъ понять и признать, что нѣтъ и не можетъ быть единой культуры въ странѣ, гдѣ живетъ сто и больше народовъ: понять, признать, потѣсниться и дать законное мѣсто могучему собрату, второму по силѣ въ этой имперіи.

ВЕЛИКАЯ АЛБАНІЯ
(1913)

Что это за конгрессъ такой засѣдаетъ нынѣ въ Тріестѣ, трудно понять. Со стороны посмотрѣть онъ носитъ какъ будто вполнѣ оффиціальный характеръ. Конгрессъ обсуждаетъ, быть ли Албаніи монархіей или республикой, въ кулуарахъ ведется агитація за тѣхъ или иныхъ претендентовъ, а итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ шлетъ конгрессу привѣтственную телеграмму. Но въ то же время на конгрессѣ участвуютъ представители албанской «діаспоры» — делегаты отъ албанскихъ колоній Италіи, Египта, С.-Америки, Румыніи. Судя по скуднымъ даннымъ телеграммъ, эти не-албанскіе албанцы даже большинство. Албанцы албанскіе, т. е. временное правительство Измаила-Кемаля, представлены — судя по телеграммамъ — всего десяткомъ делегатовъ, правда, делегатовъ оффиціальныхъ. Какъ же можетъ конгрессъ, состоящій, главнымъ образомъ, изъ иностранцевъ, рѣшать судьбы Албаніи? Какое значеніе придаетъ ему правительство Измаила-Кемаля? Обязательны ли его рѣшенія для будущей Албаніи? Все это очень туманно. Можетъ быть въ заграничной, особенно въ австрійской печати, все это и объяснено, какъ слѣдуетъ, но пишущій эти строки находится теперь въ кочевомъ пути и заграничныхъ газетъ не видитъ. — Во всякомъ случаѣ, одно ясно: въ Тріестѣ собрался албанскій конгрессъ и рѣшаетъ судьбу отчизны. Отчизны-родины или только отчизны-метрополіи, patria или, какъ выражаются итальянцы, madre-patria — это, въ сущности, все равно; рѣшаетъ ли этотъ конгрессъ ея судьбу оффиціально или только оффиціозно, это, въ сущности, тоже

13*

все равно. Главное то, что эти люди стоятъ передъ фактомъ, который рѣдко, ой рѣдко улыбается на землѣ: передъ сбывшейся мечтою. Албанія свободна. Албанія независима, Албанія — держава.

Quantum mutatus ab illo! — подумалъ я, натолкнувшись въ перечнѣ делегатовъ на знакомое имя. Синьоръ N. N., албанецъ изъ Италіи. Я его помню изъ Рима, онъ былъ на моемъ факультетѣ. Я встрѣчалъ его рѣдко и думалъ, что онъ итальянецъ, какъ всѣ. Однажды мы разговорились и онъ узналъ, что я корреспондентъ газеты. Человѣкъ ужасно оживился.

— О! Ты долженъ меня проинтервьюировать.

Въ Римѣ обычай, что студенты между собою на ты.

— О чемъ? — спросилъ я съ очень нелестнымъ, но искреннимъ изумленіемъ.

— Объ албанскомъ движеніи.

Я ничего не зналъ про албанское движеніе, тѣмъ не менѣе сдѣлалъ интеллигентное выраженіе лица и спросилъ глубокомысленно:

— А ты тутъ причемъ?

— Я — албанецъ, членъ албанскаго комитета. Это очень интересно. Честное слово, очень интересно. Этому движенію предстоитъ великая будущность. Садись, бери записную книжку и интервьюируй меня.

— Милый человѣкъ, — сказалъ я, — ты даже не спросилъ, въ какой газетѣ я пишу. Ты можетъ быть думаешь, что моя газета — большой столичный вліятельный органъ. Ошибаешься. У насъ, въ Россіи, даже столичныя газеты лишены всякаго вліянія; ихъ политическая роль выражается въ русской пословицѣ: «что горохъ объ стѣнку». Но моя газета издается въ Одессѣ; ее читаютъ люди, которые не имѣютъ и никогда не будутъ имѣть никакого отношенія къ международной политикѣ. На что мы тебѣ, я съ моей газетой вмѣстѣ?

— Все-таки! — сказалъ онъ, и заставилъ меня достать записную книжку. Интервью продолжалось цѣлый часъ. Вы бы тщетно искали его слѣда въ комплектахъ моей газеты за тотъ годъ: я, нижеподписавшійся, студентъ второго се-

местра, 19 ти лѣтъ отъ роду, не соизволилъ и не удостоилъ написать объ этомъ пустякѣ въ мою газету. Состоялъ я тогда на построчной платѣ, очень поэтому дорожилъ всякой «темой» и оповѣщалъ Одессу даже о своихъ наблюденіяхъ надъ юными римлянками нетяжелаго поведенія, но эта албанская тема показалась мнѣ слишкомъ ужъ ерундовой Когда мы встрѣтились черезъ три недѣли, я сказалъ тому студенту, что цензоръ вычеркнулъ интервью. Вообразите, онъ былъ очень польщенъ — это на него произвело приблизительно такое впечатлѣніе: ага, значитъ, даже цензоръ въ Одессѣ, т. е. даже русское правительство начинаетъ понимать, что албанское движеніе есть нѣчто серьезное, нѣчто опасное, нѣчто такое, съ чѣмъ не полагается шутить. .

Теперь онъ въ Тріестѣ. Отъ его голоса зависитъ, быть ли королемъ Албаніи принцу изъ англійскаго или изъ нѣмецкаго царственнаго дома. Вокругъ него увиваются претенденты, онъ куритъ сигару, и, загадочно улыбаясь, молчитъ. А корреспонденты? Если бы я теперь явился къ нему съ карточкой столичной газеты, меня попросили бы зайти послѣзавтра между четырьмя и десятью минутами пятаго, ко мнѣ бы вышелъ секретарь синьора X. X. и извинился бы, что синьоръ X. X. занятъ, а, кромѣ того, прибавилъ бы вотъ что:

— И знаете, вообще... русская печать, къ сожалѣнію, еще такъ мало вліятельна...

Quantum mutatus ab illo!

Тринадцать лѣтъ тому назадъ, когда совершилось надо мною вышеописанное покушеніе, албанскимъ движеніемъ, дѣйствительно, не интересовался никто. Даже въ Италіи никто. Албанцевъ въ Италіи около ста тысячъ. Это не иммигранты, а коренные жители Италіи съ незапамятныхъ временъ. Ихъ колоніи находятся, главнымъ образомъ, въ Калабріи и Сициліи. Тамъ есть цѣлый рядъ чисто албанскихъ деревень, гдѣ народъ до сихъ поръ говоритъ по-албански. Въ Палермо и Катаніи, въ Неаполѣ и въ Римѣ также много албанцевъ-горожанъ; эти своего языка по большей части не знаютъ и говорятъ только по-итальянски. Они хорошіе итальянскіе патріоты. Криспи, итальянскій шовинистъ и

имперіалистъ, былъ сицилійскій албанецъ по происхожденію. «Движеніе» началось именно въ средѣ этихъ албанцевъ-горожанъ. Въ началѣ оно носило совершенно альтруистическій характеръ. Студентъ, который на меня покушался, добивался отъ меня только одного: автономіи Албаніи. Я подозрительно спросилъ: да не хочешь ли ты присоединить Албанію къ Италіи? — Оказалось, что онъ этого не только не хочетъ, но и ни за что не допуститъ. Албанія для албанцевъ. — Тогда я подумалъ, что это движеніе аналогично сіонизму, что итальянскіе албанцы мечтаютъ вернуться въ освобожденную Албанію. Но мой студентъ съ негодованіемъ отвергъ это подозрѣніе. Они итальянскіе патріоты и никогда Италію не покинутъ. Они просто хотятъ, чтобы Албанія освободилась, объединилась и возродилась; они останутся въ Италіи, но будутъ помогать своей madre-patria; а для этого итальянскіе албанцы должны изучать албанскій языкъ и.... литературу (тутъ онъ, ясно помню, запнулся и смущенно прибавилъ: quando ci sara — когда она будетъ), интересоваться Албаніей и пр. Въ томъ и заключается миссія албанскаго комитета, коего онъ. мой собесѣдникъ, состоялъ секретаремъ. Все это было очень благородно, невинно и скучно. Понятно, никто этимъ дѣломъ не интересовался, и бѣднымъ возродителямъ Албаніи приходилось мечтать объ интервьюерѣ. Хотя бы изъ Одессы. Если бы я былъ изъ Кишинева, онъ бы тоже удовлетворился.

Такъ прозябало албанское дѣло, пока не нашелся умный человѣкъ и не нажалъ нужную кнопку. Если не ошибаюсь, этотъ умный человѣкъ, впервые сказавшій «э», былъ Ансельмо Лореккіо, тоже итальянскій албанецъ, довольно извѣстный публицистъ по этому вопросу. Онъ понялъ, что покуда рѣчь идетъ объ интересахъ Албаніи, до тѣхъ поръ никому это не занимательно. Поэтому онъ перевелъ центръ тяжести вопроса съ земли на воду — заговорилъ не объ Албаніи, а объ Адріатическомъ морѣ. Его формула была очень проста: l'Adriatico è un mare italiano e albanese. Адріатическое море должно принадлежать итальянцамъ и албанцамъ. Это значило сказать надлежащее слово въ надлежащій мо-

ментъ. Въ Италіи до тѣхъ поръ думали, какъ и во всемъ свѣтѣ, что Адріатическое море принадлежитъ итальянцамъ и австріякамъ. И это парализовывало всю энергію Италіи, не позволяло и мечтать объ активной адріатической политикѣ. Это вынудило Италію мечтать только объ Африкѣ. Но африканская мечта лопнула вдребезги подъ двумя ударами: сначала французы выхватили изъ-подъ носу Италіи Тунисъ, уже наполовину итальянизированный, Тунисъ, «обѣщанный» Италіи Бисмаркомъ, — а потомъ негусъ Менеликъ разгромилъ итальянскую армію при Адуѣ. Униженная, раздавленная, подъ гнетомъ страшнаго экономическаго кризиса, Италія осталась съ повисшими руками. Было ясно, что великодержавныя претензіи надо оставить, что мечта объ «экспансіи» итальянцамъ не по плечу и не по карману. И масса, и общество были возмущены, слышать больше не хотѣли объ авантюрахъ «активной политики», а прозвище Криспи—Чиччо (уменьшительное отъ Франческо) стало въ Италіи хуже браннаго слова. Одинъ изъ популярнѣйшихъ поэтовъ Италіи, подъ женскимъ псевдонимомъ, призывалъ итальянскихъ матерей къ страшной мести преступникамъ, вовлекшимъ родину въ горе и позоръ. «Не рожайте отнынѣ Авеля, покорнаго игу; но соберите въ вашихъ грудяхъ желчь, чтобы вскормить ею Каина!». И Каинъ долженъ стать мстителемъ. Довольно безумія! Не позволяйте, чтобы вновь повторилась страшная ночь —

Quando i figliuoli vostri, a mille a mille,
Cadder lungi da voi,
Perchè un ladro impazzito e un imbecille
Si son creduti eroi.

Страшная ночь Адуи, «когда ваши сыны тысячами пали вдали отъ васъ, потому что одинъ помѣшавшійся воръ и одинъ болванъ возомнили себя героями». Подъ титуломъ ополоумѣвшаго вора подразумѣвался Чиччо, подъ именемъ болвана — угадайте сами. Вся Италія повторяла эти стихи и приговаривала: баста!

Такъ прошло лѣтъ пять шесть, публика отдохнула, финансовый кризисъ началъ проходить, стали прибывать бодрость и аппетитъ, но аппетиту не на что было направиться. Ирредентизмъ? Тріестъ и Тренто? Объ этомъ можно грезить, но для активной политики это не матеріалъ. Куда же? Въ Триполи? Общественное мнѣніе слышать не хотѣло объ Африкѣ. Нужно было нѣчто новое. Тутъ-то и выступилъ Ансельмо Лореккіо, или кто-то другой изъ итало-албанскихъ публицистовъ, и нашелъ нужное слово: Албанія! Албанія, какъ совладычица Адріатики, и при этомъ, конечно, союзница Италіи. Между Бриндизи и албанской Валоной едва нѣсколько десятковъ верстъ, это самое узкое мѣсто Адріатики. Если Италія и Албанія будутъ заодно, они могутъ въ любой моментъ по уговору запереть Австрію въ Адріатикѣ, закрыть ей выходъ въ Средиземное море. Проливъ между Бриндизи и Валоной будетъ играть роль Дарданеллъ. Тріестъ потеряетъ всякое значеніе для Австріи, Австрія будетъ въ рукахъ Италіи и ея союзницы. Дивныя перспективы! Но для этого нужны два условія: во-первыхъ, чтобы Албанія стала политическимъ факторомъ; во-вторыхъ, чтобы она подпала подъ вліяніе Италіи.

Съ этого момента начинаются красные дни итало-албанизма. Комитеты, которыхъ никто не замѣчалъ, становятся злобою дня, центромъ вниманія; объ албанскомъ движеніи читаются лекціи, пишутся статьи, объ Албаніи говорятъ съ парламентской трибуны. Въ одномъ изъ южныхъ городовъ учреждается каѳедра албанскаго языка. Миланское купечество обращается къ правительству съ петиціей — принять мѣры къ развитію торговыхъ сношеній съ албанскими портами. За пятилѣтній промежутокъ удесятеряется количество обязательныхъ рейсовъ между Бриндизи, Анконой и Венеціей съ одной стороны, Санъ-Джованни, Дураццо, Валоной и Превезой съ другой; для этой цѣли парламентъ вотируетъ пароходствамъ «Navigazione generale» и «Puglie» солидныя надбавки къ субсидіямъ. Итальянскій вывозъ въ Албанію колоссально возрастаетъ; еще въ 1899 году онъ былъ ничтоженъ, все ввозили австріяки; въ 1904

году итальянцы почти догнали послѣднихъ; теперь, кажется, и обогнали. Причемъ «ввозятся» въ Албанію не только товары вещественные, но и одинъ товаръ невѣсомый: итальянское вліяніе. Консула начинаютъ проявлять большую активность, вербуютъ агентовъ и сторонниковъ среди арнаутскихъ нотаблей. Возникаютъ итальянскія школы для албанскихъ дѣтей Валоны, Эльбасаны, Скутари; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ученики при торжественныхъ случаяхъ поютъ итальянскій гимнъ и кричатъ: да здравствуетъ король Италіи! Албанія становится модной страной итальянскихъ высокопоставленныхъ туристовъ. Гвиччардини и нынѣшній министръ иностранныхъ дѣлъ Санъ-Джуліано печатаютъ описанія своихъ путешествій по Албаніи. Словомъ, скромная пропаганда скромныхъ комитетовъ привела къ оглушительнымъ результатамъ. Инціаторы ничего подобнаго не предвидѣли, да и ничего подобнаго не хотѣли. Бѣдный Ансельмо Лореккіо тщетно кричитъ: тиру! Ибо онъ ясно видитъ, что изъ его формулы «mare italiano e albanese» выпала главная для него половина — вторая. Изъ Адріатики хотятъ сдѣлать просто итальянское море. Движеніе, поднятое во имя освобожденія Албаніи, грозитъ привести къ перекрѣпощенію Албаніи. Въ Италіи организуется около того времени лига, цѣль которой печься объ Албаніи, но девизомъ служитъ римская формула: mare nostrum. *Наше море!*

Но снѣжный комъ катится дальше. Разъ заинтересовалась Италія, должна заинтересоваться и Австрія. Вѣнская политика дальновиднѣе римской — въ Вѣнѣ уже давно знали Албаніи цѣну и крѣпко держались за право покровительства надъ албанскими католиками, предоставленное Австріи международными договорами. Но пока въ Италіи было тихо, Вѣна тоже не налегала на албанскій вопросъ. Теперь все измѣнилось. На учащеніе итальянскихъ пароходныхъ рейсовъ Австрія отвѣтила учащеніемъ рейсовъ своего «Ллойда», въ отвѣтъ на энергію итальянскихъ консуловъ дала инструкціи своимъ консуламъ, стала тоже подкупать «нотаблей» (впрочемъ, она этимъ благочестиво занималась помаленьку и раньше) и такъ далѣе. Такъ Албанія стала узло-

вымъ пунктомъ міровой политики. Объ Албаніи заговорила Европа. Автономія Албаніи стала предметомъ политической дискуссіи. Албанія вышла въ большой свѣтъ.

Вскорѣ послѣ этого произошелъ младотурецкій переворотъ, и затѣмъ четыре весны подрядъ въ Албаніи подымались мятежи. Природа этихъ возстаній, ихъ происхожденіе — это надолго останется тайной. Нельзя отрицать, что младотурки повели сразу по отношенію къ Албаніи безумную, нелѣпую политику, изъ которой ничего, кромѣ бунта, выйти не могло. Но вся Европа убѣждена почему-то, что кромѣ младотурецкой провокаціи здѣсь дѣйствовало заграничное подстрекательство. Чье? откуда? изъ Вѣны? изъ Рима? Вѣрнѣе всего — изъ Вѣны и изъ Рима. Тайна сія велика есть, когда-нибудь она откроется. Но тотъ студентикъ, съ котораго начинается эта исторія, можетъ потирать руки и ходить выпяча грудь. Онъ себѣ забавлялся, вродѣ какъ у насъ дѣти играютъ въ снѣжки и думаютъ, что это бомбы, — а изъ его снѣжнаго шарика выросла большая лавина. Смѣшно, странно и жутко. Такъ иногда зарождаются великія событія на землѣ.

Смѣшно, странно и жутко. Жилъ-былъ народъ, ростомъ въ полтора милліона душъ. Есть на свѣтѣ народы въ шесть и въ пятнадцать, и въ тридцать милліоновъ, народы съ великимъ прошлымъ и цѣнною культурой, но еще долго не забрезжитъ имъ свѣтъ избавленія. У албанцевъ нѣтъ ни прошлаго, ни культуры. Когда-то нагрянулъ къ нимъ итальянскій флибустьеръ, какой-то никому невѣдомый «герцогъ Джованни», объединилъ подъ своей властью нѣсколько племенъ и оставилъ неписанный кодексъ, сохранившійся понынѣ въ преданіяхъ подъ именемъ «закона герцога Джованни» — по-албански «легъ дука-Гини». Въ этомъ, да еще въ краткой, тоже полулегендарной авантюрѣ Скандербека — вся албанская исторія и вся албанская культура. До сихъ поръ албанскія племена ничѣмъ не объединены, до сихъ поръ въ ихъ горахъ держится смѣсь феодализма, клановъ и родового строя, напоминающая Шотландію въ незапамятныя времена, когда Кемпбелли воевали съ Дугласами, словно двѣ чужія

державы. Въ началѣ XX-го вѣка въ верхней Албаніи, по удостовѣренію консуловъ, 70 процентовъ мужскихъ смертей приписывалось кровавой мести. До сихъ поръ у этого народа нѣтъ общаго алфавита. Его литература еще десять лѣтъ тому назадъ чуть ли не исчерпывалась псалтыремъ въ лондонскомъ изданіи да парой «еженедѣльныхъ» газетъ, выходившихъ по 3 раза въ годъ не то въ Бостонѣ, не то въ Будапештѣ. Теперь она, право, немногимъ богаче. И вдругъ совершается чудо. Албанія будетъ королевствомъ. Черезъ три года будутъ албанскія гимназіи, черезъ пятнадцать лѣтъ будетъ университетъ. На албанскій языкъ переведутъ «Фауста» и учебникъ физики, на албанскомъ языкѣ зацвѣтутъ всѣ цвѣтки, которымъ полагается цвѣсти на деревѣ культуры, отъ философіи до поваренныхъ книгъ, отъ поэзіи до порнографіи. Изъ смутныхъ преданій о кодексѣ дука-Гини албанскіе правовѣды составятъ гражданское и уголовное уложеніе, и въ Гейдельбергѣ будутъ писать диссертаціи о національныхъ чертахъ албанскаго законодательства. Вокругъ парламента, который будетъ въ Эльбасанѣ, закипитъ борьба партій, будутъ радикалы, клерикалы, потомъ будутъ соціалисты, и на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ Жоресъ, привѣтствуя новую секцію, скажетъ, какъ сказалъ когда-то Дюпюи первому депутату-негру отъ Алжира: «А, вы албанецъ? Продолжайте, товарищъ, продолжайте!» И они будутъ *продолжать*. Все имъ будетъ доступно, все, о чемъ, скрежеща зубами, безсильно мечтаютъ десятки другихъ народовъ, сидя на развалинахъ великихъ національныхъ воспоминаній. Въ одесскій портъ войдутъ тяжелые грузовые пароходы подъ новымъ флагомъ, который теперь сочиняютъ въ Тріестѣ, а по кручамъ Малиссіи побѣгутъ, сквозь спиральные туннели, курьерскіе поѣзда....

О, зависть, чудовище съ зелеными глазами, какъ умѣешь ты издѣваться и дразнить!

ЯЗЫКЪ НАРОДНЫЙ И НАЦІОНАЛЬНЫЙ

(СПРАВКА)

(1916)

Безпроволочный телеграфъ сообщилъ недавно, что нѣмецкая администрація въ Бельгіи вводитъ или уже ввела фламандскій языкъ преподаванія въ гентскомъ университетѣ. Это, конечно, демагогія, какъ и введеніе польскаго языка въ другомъ случаѣ. Это — только демагогія потому, что нѣмцы, если бы дѣйствительно сочувствовали культурной самобытности другихъ народностей, имѣли время до войны доказать это въ своей собственной окраинной политикѣ. Но демагогія бываетъ разная, — практичная и непрактичная. Въ данномъ случаѣ практичность ея подъ большимъ сомнѣніемъ. Стоитъ остановиться на этомъ жестѣ. Фламандизація гентскаго университета — сама по себѣ интересный вопросъ. Это былъ одинъ изъ боевыхъ лозунговъ фламандскаго движенія, и германскій жестъ напоминаетъ намъ о томъ, что оно продолжается. Трава растетъ и подъ снѣгомъ.

Эта трава растетъ уже больше семидесяти лѣтъ. Успѣхи фламандскаго движенія были сравнительно медленны, и ихъ медленность — изумительная демонстрація той прилипчивой силы, какую далъ Богъ французской культурѣ. О политическомъ угнетеніи фламандцевъ валлонами смѣшно говорить. Бельгія — свободная демократическая страна, въ которой фламандцы составляютъ большинство, а валлоны — меньшинство; равноправіе обоихъ языковъ гарантировано еще конституціей 1830 года. Фламандскій языкъ пользуется въ Бельгіи самыми широкими правами, но онъ ими далеко не въ полной мѣрѣ дѣйствительно *пользуется*. И не потому, что правительство или бюрократія «разъясняютъ» или ко-

веркають законъ, а просто потому, что сами заинтересованныя лица недостаточно «заинтересованы». Фламингантизмъ — движеніе серьезное, имѣющее солидную реальную почву и большую будущность впереди; но покамѣстъ его жизненныхъ силъ все еще недостаточно, чтобы заполнить то обширное пространство, которое предоставлено ему закономъ. Въ Брюсселѣ (до нашествія) оффиціальныя сообщенія печатались на первомъ мѣстѣ по-фламандски и только на второмъ по-французски; это — потому, что Брюссель находится во фламандской половинѣ Бельгіи. Новичка это предрасполагало, заставляло думать, что дѣйствительно фламандская культура въ Брюсселѣ чувствуется сильнѣе, чѣмъ французская, по крайней мѣрѣ столь же сильно. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ въ культурной жизни Брюсселя фламандскій языкъ играетъ очень скромную роль. Даже въ Гентѣ и Антверпенѣ, — двухъ столицахъ коренной Фландріи, — общій типъ и тонъ культуры скорѣе французскіе: фламандская культура, конечно, представлена, и сильно представлена, тамъ, но чтобы ощутить ее, надо пойти къ извѣстнымъ людямъ или въ извѣстные кварталы, тогда какъ французская чувствуется на каждомъ шагу.

Есть одно яркое, неоспоримое мѣрило удѣльнаго вѣса, принадлежащаго тому или иному языку въ дѣйствительной жизни: уличныя вывѣски, частныя афиши и т. д. Это — характернѣе, чѣмъ оффиціальныя объявленія, или газеты, выставленныя въ витринахъ кіосковъ. Оффиціальныя объявленія *должны* печататься на двухъ языкахъ; видя газету, вы еще не знаете, много ли у нея читателей. Вывѣска говоритъ яснѣе. Въ свободной странѣ торговецъ свободенъ въ выборѣ языка своей вывѣски; и онъ безошибочно выбираетъ тотъ, который *нуженъ*. Если оба языка, или три языка дѣйствительно *нужны*, онъ не пожалѣетъ денегъ на вторую и третью вывѣску. Въ Брюсселѣ, даже въ Гентѣ и Антверпенѣ масса лавокъ только съ французскими надписями Только въ простонародныхъ кварталахъ фламандскія надписи пестрятъ на каждомъ шагу, и это значитъ, что тамъ этотъ языкъ дѣйствительно практически нуженъ для успѣш-

ной продажи товара. Но тамъ, гдѣ торговля разсчитана на высшій и средній классъ населенія, чуткій торговецъ далеко еще не убѣдился въ дѣйствительной необходимости фламандскихъ вывѣсокъ. Замѣтьте, что этотъ самый торговецъ въ Гентѣ и Антверпенѣ почти всегда носитъ фламандскую фамилію, какъ и девять десятыхъ его покупателей; можетъ-быть, онъ даже сочувствуетъ «фламингантизму»; во всякомъ случаѣ онъ былъ бы возмущенъ, если бы самое завалящее оффиціальное сообщеніе было распубликовано безъ фламандскаго текста. Но въ своей торговлѣ онъ учитываетъ не права и не принципы, а реальности.

Такое несоотвѣтствіе между оффиціальнымъ и фактическимъ вѣсомъ языка — далеко не рѣдкость. Укажу только на два примѣра, — они намъ помогутъ понять суть языковаго спора въ Бельгіи. Одинъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ — Норвегія. Ея литературный, научный, политическій, газетный, школьный языкъ — датскій; въ Норвегіи его нѣсколько иначе произносятъ и въ послѣдніе годы примѣняютъ другую орѳографію, но по существу пишутъ на чистомъ датскомъ языкѣ съ очень немногими «провинціализмами». Это и есть языкъ Ибсена, Бьернсона и Гамсуна, языкъ парламента, суда, университета, гимназій, журналовъ, языкъ интеллигентной Христіаніи. Но провинція, и особенно деревня, говорятъ до сихъ поръ на другомъ языкѣ, не похожемъ на датскій, и это и есть, теоретически говоря, національный языкъ Норвегіи, тогда какъ языкъ «Перъ Гюнта» есть плодъ датскаго владычества, и ни Перъ Гюнтъ, ни его мать, ни Сольвейгъ никогда на немъ не говорили. Въ срединѣ XIX вѣка Иваръ Осенъ, геніальный самоучка-филологъ изъ крестьянской семьи, составилъ на основаніи мужицкихъ діалектовъ словарь и грамматику чисто норвежскаго языка; онъ его прозвалъ Landsmaal (произносится Landsmôl); сторонники этого языка называются «мольстреверы». Въ политическомъ смыслѣ они достигли съ тѣхъ поръ огромныхъ успѣховъ. Уже въ 1885 году стортингъ принялъ огромнымъ большинствомъ резолюцію, гласившую: «правительству предлагается принять всѣ нуж-

ныя мѣры къ тому, чтобы норвежскій народный языкъ, въ качествѣ языка оффиціальной жизни и школы, занялъ равное мѣсто (sidestilles) съ нашимъ общимъ литературнымъ и книжнымъ языкомъ». Еще въ 1874 г. было приказано въ народныхъ школахъ въ провинціи пользоваться при устномъ обученіи мѣстными нарѣчіями. Въ 1889 г. Landsmaal сталъ обязательнымъ предметомъ въ учительскихъ семинаріяхъ, въ 1892 санкціонировано изданіе на этомъ языкѣ учебниковъ по разнымъ предметамъ народной школы; въ 1894 г. стортингъ въ качествѣ прецедента вотировалъ какой-то законъ, изложенный въ оригиналѣ не на книжномъ языкѣ, а на Landsmaal; въ 1897 г. стортингъ принялъ резолюцію объ обязательномъ изданіи законовъ на обоихъ языкахъ. Если судить по этимъ политическимъ достиженіямъ, должно показаться, что Landsmaal побѣждаетъ по всей линіи. Но на дѣлѣ всѣ эти правила и резолюціи ни на іоту не измѣнили языка норвежской культуры. Кое-гдѣ въ сельскихъ школахъ учителя говорятъ съ дѣтьми на діалектѣ, какъ говорили и раньше, но учебники даже для этихъ школъ пишутся по-прежнему на «датско-норвежскомъ»; объ остальныхъ школахъ и говорить нечего. «Мольстреверы» выдвинули рядъ талантливыхъ писателей, пишущихъ на Landsmaal, — изъ нихъ Арне Гарборгъ хорошо извѣстенъ и въ Россіи; но на общемъ фонѣ норвежской литературы это не отразилось, и она остается при «книжномъ» языкѣ; всѣ газеты, даже соціалистическіе, издаются на немъ же; вывѣска, — та абсолютно не считается съ существованіемъ Landsmaal; чтобы ощутить этотъ языкъ, какъ реальную культурную атмосферу, придется пойти къ спеціалистамъ-любителямъ, и ихъ придется долго и съ трудомъ искать. Здѣсь ужъ объ угнетеніи одной націи другой и помыслить немыслимо: Landsmaal не прививается въ норвежской культурѣ не потому, что ему мѣшаютъ, а потому, что.... не прививается.

Въ другомъ концѣ Европы можно прослѣдить аналогичное явленіе. Въ Греціи между книжнымъ языкомъ и обиходнымъ — пропасть; это тѣмъ болѣе любопытно, что подъ «обиходнымъ» понимается не только языкъ простонародья, но и

обычная разговорная рѣчь интеллигентнаго класса. Больше того: «обиходный» языкъ довольно прочно утвердился въ одной изъ отраслей литературы, — въ поэзіи. И даже въ прозаическомъ повѣствованіи, діалогъ часто приводится на обиходномъ языкѣ. Но дальше, что называется ни съ мѣста. Газеты, которыя въ Греціи замѣняютъ книгу, которыхъ тамъ несмѣтное множество, и которыя читаются даже носильщиками, издаются на литературномъ языкѣ. Есть движеніе, добивающееся политическихъ правъ для обиходнаго языка (его сторонники тамъ называются почему-то *мальяри,* — «косматые»), но до сихъ поръ имъ ничего не удалось; массы къ этому вопросу равнодушны (несмотря на то, что книжному языку приходится учиться съ довольно большимъ трудомъ), а въ интеллигентныхъ кругахъ, особенно въ студенчествѣ, «мальяри» встрѣчаютъ яростную оппозицію. Вывѣска абсолютно игнорируетъ ихъ, и культурная жизнь идетъ мимо.

Эти параллели взяты издалека, но онѣ полезны для уясненія слабой стороны фламандскаго движенія: оно еще не завоевало или недостаточно завоевало интеллигентные классы самаго фламандскаго общества. Конечно, позиція фламандскаго языка въ тысячу разъ сильнѣе позиціи Landsmaal, и въ этомъ отношеніи между ними никакого сравненія быть не можетъ. Но основная бѣда у нихъ та же: дѣло стало за санкціей интеллигентнаго класса. Въ концѣ-концовъ это есть главный и рѣшающій моментъ въ развитіи молодыхъ или «опальныхъ» языковъ. Сколь бы ни былъ либераленъ законъ, это еще не придаетъ такому языку творческой «культуроспособности». Даже то, что на немъ говорятъ массы, еще не рѣшаетъ вопроса: въ Норвегіи, въ Италіи, въ сѣверной Испаніи, въ Уэльсѣ, въ Бретани, въ Провансѣ, въ нѣмецкой Швейцаріи, въ Германіи, массы, даже деревенскія, несомнѣнно, все больше и больше, хотя медленно, переходятъ отъ своихъ языковъ къ книжному языку образованнаго класса, несмотря даже на то, что напримѣръ, кельтскія нарѣчія Бретани и Уэльса рѣшительно ничего общаго не имѣютъ съ французскимъ или англійскимъ

языками. Въ Ирландіи на глазахъ послѣдняго столѣтія все крестьянство, за исключеніемъ маленькой области на крайнемъ западѣ, перешло отъ гэльскаго къ англійскому языку. Можетъ-быть, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ странъ еще произойдетъ возрожденіе прежняго языка, если на то будетъ житейская санкція со стороны достаточно крупной части образованнаго класса. Но сами-по-себѣ массы въ этомъ вопросѣ, судя по всѣмъ примѣрамъ, не могутъ сыграть рѣшающей роли. Ихъ важная роль въ томъ, что онѣ дольше всего сохраняютъ опальный языкъ и что ихъ примѣръ иногда можетъ повліять на образованные классы. Но главная инстанція, которая выноситъ языку приговоръ жизни или смерти, это — та часть націи, которую мы, хотя неточно, но для всѣхъ ясно можемъ обозначить именемъ «образованныхъ классовъ». Изъ этой среды выходитъ большая часть писателей, ученыхъ, артистовъ, политическихъ дѣятелей, т. е. людей, лично производящихъ ту часть національной культуры, которая выражается при помощи языка; тѣ, которые выходятъ прямо изъ народа, должны пройти чрезъ эту среду и ассимилироваться въ ней; эта среда является также главнымъ, часто единственнымъ «потребителемъ» національной культуры; поэтому національная культура вынуждена въ первую очередь приспособляться къ этой средѣ. Если «опальный» языкъ найдетъ въ ней достаточную поддержку (не просто симпатіи, а фактическихъ читателей) или если окажется въ силахъ влить въ нее достаточный контингентъ новой «интеллигенціи изъ народа» и если эти новички, попавъ въ эту среду, не растаютъ и не обезличатся въ ней, — тогда житейская побѣда молодаго языка — вопросъ времени. Если нѣтъ, языкъ этотъ обреченъ. Онъ можетъ еще долго прозябать или даже процвѣтать въ низшихъ сферахъ разговорнаго обихода, онъ можетъ даже выдвигать талантливыхъ писателей, какъ Арне Гарборгъ или (въ Греціи) Паламасъ, онъ можетъ добиться оффиціальнаго признанія въ законѣ, но онъ не будетъ орудіемъ національной культуры, т. е. національнымъ языкомъ въ полномъ смыслѣ слова.

LA BÊTE HUMAINE

HOMO HOMINI LUPUS
(1910)

Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» пишетъ изъ Америки о послѣднемъ избіеніи негровъ. Любопытная подробность, на которую у насъ обратили, кажется, мало вниманія: произошло это событіе 4-го іюля н. с., то-есть въ «самый большой праздникъ Соединенныхъ Штатовъ, — день объявленія независимости». На этотъ день было назначено состязаніе въ боксѣ между двумя великими чемпіонами — Джонсономъ и Джеффри. Корреспондентъ разсказываетъ, что публичный боксъ запрещенъ по всей С. Америкѣ, кромѣ штата Невады; поэтому поединокъ происходилъ въ одномъ изъ городовъ этого штата, но оттуда были «проведены спеціальныя телеграфныя проволоки въ главнѣйшіе города» и «туда ото всѣхъ газетъ посланы спеціальные корреспонденты». На всемъ пространствѣ Штатовъ передъ редакціями большихъ газетъ стояли толпы народа, и горластые редакціонные джентльмены выкрикивали ежеминутно послѣднюю новость: «Джеффри получилъ страшный ударъ въ подбородокъ. — Джеффри упалъ за арену». И вотъ, когда оказалось, что побѣдителемъ остался негръ Джонсонъ, а бѣлый Джеффри признанъ побѣжденнымъ, бѣлая толпа, словно по уговору, во множествѣ городовъ устроила неграмъ погромы

Къ такимъ непріятностямъ негры давно привыкли, но обыкновенно обстановка событія другая. Обыкновенно — эти вещи происходятъ только на югѣ; на этотъ разъ приняли участіе въ избіеніяхъ негровъ и города сѣвера. Обыкновенно — поводомъ является слухъ, будто мѣстный негръ «опять» покушался изнасиловать бѣлую дѣвушку: собирается

многотысячная толпа, виновнаго негра ищутъ, дабы линчевать его черезъ повѣшеніе или сожженіе живьемъ, а попутно прикончатъ палками или изъ браунинговъ еще десятокъ черныхъ, за то, что попались на дорогѣ. Но на сей разъ этого повода не было. Просто два широкоплечихъ идіота подрались на кулачки, по взаимному соглашенію, съ позволенія мѣстнаго начальства и подъ контролемъ знатоковъ этого тонкаго искусства. И такъ какъ побѣдителемъ оказался негръ и можно было опасаться, что другіе негры въ странѣ зазнаются, бѣлые граждане великой республики не стерпѣли и низложили гордыню эфіоповъ. Для этого на негровъ набрасывались въ пропорціи 50 на одного, проламывали головы, топтали каблуками, истязали даже черныхъ женщинъ и дѣтей. «Въ однихъ восточныхъ штатахъ», пишетъ корреспондентъ, «много негровъ растерзано толпой; сотни ранены и изувѣчены. Въ южныхъ штатахъ, гдѣ антагонизмъ между расами гораздо сильнѣе, число изувѣченныхъ, навѣрное, нужно считать *тысячами*».

Каковъ же фонъ, на которомъ возможны такія вспышки? Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ свободнѣйшей изъ республикъ, въ странѣ, которая своимъ политическимъ существованіемъ обязана возстанію, десять милліоновъ гражданъ живутъ въ самомъ черномъ безправіи только за то, что у нихъ кожа другого цвѣта. Когда-то они были рабами; потомъ сѣверные штаты потребовали отмѣны рабства и пошли войной противъ юга, стоявшаго за сохраненіе исконнаго порядка. Война кончилась побѣдой сѣверянъ. Негры были признаны свободными и равноправными гражданами великой республики.

Съ тѣхъ поръ ушло около полувѣка, и не только негръ, но и бѣлый американецъ засмѣется вамъ въ лицо, если вы въ серьезъ примете это равноправіе. Нигдѣ въ культурномъ мірѣ, если даже включить въ это гибкое понятіе Россію и Румынію, нѣтъ подобнаго неравенства. Прежде всего, это неравенство безвыходное. Россійскій еврей, если не въ мочь терпѣть, все-таки можетъ выкреститься. Американскіе негры уже давно христіане, и дальше идти некуда. Расы не смоешь.

Смѣшанные браки тоже не помогаютъ: если прадѣдъ былъ негромъ, если у правнука осталась хоть подозрительная черточка въ рисункѣ губъ, въ завиткахъ волосъ, или (почти неискоренимая) темная полоска у корня ногтей, — онъ для своихъ согражданъ негръ и дѣлитъ общую негритянскую судьбу. Его не пускаютъ ни въ театры, ни въ отели, ни въ поѣзда, ни въ школу. Для него отводятся особые вагоны на желѣзной дорогѣ и особые закуты въ трамваѣ; училища для негритянскихъ дѣтей строятся отдѣльно отъ «бѣлыхъ» школъ, строятся на скупые гроши и содержатся тѣсно и грязно... Политическія права чернаго гражданина, «свободнаго и равноправнаго», сведены на нѣтъ. Въ южныхъ штатахъ, гдѣ негры живутъ массами и могли бы серьезно вліять на исходъ выборовъ, дѣйствуетъ цѣлая система фальсификацій и выкрутасовъ для уничтоженія негритянскихъ голосовъ. Эта система установлена разъ навсегда, примѣняется открыто на глазахъ у всего міра, президентъ и конгрессъ о ней знаютъ, и никому даже въ голову не приходитъ пожать плечами, до того это стало въ порядкѣ вещей. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы черные люди рѣшали политическую судьбу своей родины наравнѣ съ бѣлыми людьми. Равенство равенствомъ, но, тѣмъ не менѣе...

Въ оправданіе свое бѣлые американцы приводятъ много доводовъ, которымъ грошъ цѣна. Они говорятъ: зачѣмъ негру, напримѣръ, учиться? Это раса неспособная къ духовному творчеству, не давшая міру еще ни одного генія. Тѣ, которые такъ говорятъ, сами знаютъ, что школы нужны не для высиживанія геніевъ, а для грамотности, для повышенія общаго умственнаго уровня массъ; а между тѣмъ установлено, что негры очень способны, понятливы и одарены хорошей памятью. Есть у нихъ очень приличные писатели, проповѣдники, профессора; на «бѣлый» вкусъ они, конечно, не геніальны, но сами негры ими довольны, а это главное. Нельзя обязать одно племя непремѣнно нравиться другому. Какихъ такихъ геніевъ дали міру болгары или турки? И еще спорный вопросъ, дала ли міру хоть одного настоящаго генія сама великая союзная республика. Знаютъ это и аме-

риканцы, знаютъ, что «негеніальность» расы не есть доводъ въ пользу безправія, и все-таки пользуются этимъ доводомъ. Говорятъ они также — въ оправданіе общаго соціальнаго бойкота, которому подвергнуты негры во всей странѣ — что здѣсь дѣйствуетъ нѣкая сверхъ-сознательная сила, нѣчто стихійное, вродѣ «національныхъ отталкиваній» г-на Струве, отчего они, бѣлые люди, физически не въ состояніи вынести близость негра. Но и это завѣдомая неправда. Проф. Мюнстербергъ, написавшій интересную книгу объ американцахъ, удостовѣряетъ, что любой бѣлый, даже изъ самыхъ завзятыхъ южанъ, охотно предоставляетъ своихъ дѣтей черной нянькѣ и съ полнымъ аппетитомъ обѣдаетъ въ ресторанѣ, когда эта нянька сидитъ тутъ же рядомъ и суетъ своему питомцу куски въ ротъ. Но если такая же негритянка войдетъ и сядетъ въ противоположномъ углу за столъ, какъ равная, бѣлый подыметъ скандалъ, соберетъ толпу, ресторанъ объявятъ подъ бойкотомъ и побьютъ въ немъ стекла, а нахальную черную женщину поколотятъ. Здѣсь не физическое отталкиваніе, здѣсь убѣжденное непризнаніе человѣка въ человѣческомъ существѣ другой расы. Въ одномъ русскомъ журналѣ недавно цитировалась такая фраза бѣлаго южанина (привожу на память): «Мы, въ сущности, любимъ негра, но какого? Такого, который знаетъ свой шестокъ, не лѣзетъ ни въ школу, ни въ театръ». А такъ какъ негръ наивенъ и все-таки принимаетъ свое полувѣковое равенство въ серьезъ, и все-таки напираетъ на двери школы и театра, и все-таки хочетъ голосовать, и притомъ еще плодится и размножается куда успѣшнѣе бѣлаго, то у бѣлаго человѣка презрѣніе все чаще смѣшивается съ тревогой. Въ результатѣ — нечеловѣческое, скотское озлобленіе, которое прорывается въ буквально ежегодныхъ погромахъ. Не проходитъ лѣта, чтобы гдѣ-нибудь на югѣ не повторилась та же исторія: молодой негръ позволитъ себѣ съ бѣлой кухаркой вольную шутку руками, какія сплошь и рядомъ себѣ разрѣщаютъ бѣлые джентльмены, та огрызнется, ея бѣлый женихъ подыметъ вопль о покушеніи на изнасилованіе, въ пять минутъ собирается грандіозная толпа, и начинается охота на черныхъ

людей. Картины линчеванія, которыми это заканчивается, отвратительнѣе всякаго кошмара. Люди, бѣлые люди, граждане республики, не пьяные, грамотные, часто прошедшіе не одну только начальную школу, люди въ пиджакахъ и чистомъ крахмальномъ бѣльѣ работаютъ локтями, чтобы тоже добраться до негра и тоже ударить его палкой; люди дерутся за честь быть палачомъ, подержаться за кончикъ веревки; иногда, въ очень глухихъ мѣстахъ, еще вспоминаютъ древній обычай — окунуть негра въ деготь и потомъ вывалять въ распоротой перинѣ, а уже въ этомъ видѣ поджечь. Полиція бездѣйствуетъ, коммиссаръ, къ которому прибѣгаютъ молить о заступничествѣ, пожимаетъ плечами и говоритъ: — Ничего не могу подѣлать. — Знакомая картина, если только не хуже...

Издали обѣтованная земля кажется краше, чѣмъ на дѣлѣ. Мы, у которыхъ не только демократической, но и вообще никакой конституціи нѣтъ, мы естественно склонны вѣрить, что въ демократизаціи государственнаго устройства заключается панацея противъ многихъ общественныхъ золъ. Когда-то люди были еще глупѣе и думали, будто свобода лѣчитъ — даже отъ бѣдности; однако, съ тѣхъ поръ соціалисты успѣли намъ втолковать, что голодные останутся голодными даже при всеобщемъ избирательномъ правѣ. Но въ одно старая вѣра сохранилась: что расовые, національные или религіозные предразсудки поддерживаются исключительно абсолютизмомъ, демократія же ихъ не знаетъ и знать не хочетъ. Какъ разъ соціалисты разныхъ наименованій особенно старались до недавняго времени вбить въ головы эту неправду. Ибо это неправда, наглая и вопіющая. Демократія сама по себѣ очень хорошая вещь, мы ея всѣ желаемъ и добиваемся, но не надо облыжно сулить то, чего не будетъ. Расовые предразсудки коренятся именно и главнымъ образомъ въ массахъ. Допущеніе этихъ массъ ко власти далеко не всегда улучшаетъ положеніе угнетенныхъ племенъ. Что пользы евреямъ отъ того, что въ Румыніи конституція? Что выиграли тѣ же евреи отъ того, что въ Финляндіи введена самая демократическая въ мірѣ избирательная система? Не-

гритянскій вопросъ въ Сѣверной Америкѣ ярко иллюстрируетъ печальную картину. Здѣсь, на фонѣ почти идеальнаго демократизма, полной свободы, широкаго самоуправленія — расовая ненависть дѣйствуетъ въ самыхъ чудовищныхъ формахъ и въ самомъ безпримѣсномъ, очищенномъ видѣ. Въ Россіи или въ Румыніи пускаются по крайней мѣрѣ въ ходъ, для оправданія аналогичныхъ явленій, доводы экономическаго или политическаго свойства: такая-то народность якобы революціонна или якобы эксплоатируетъ «коренную» бѣдноту. Въ Америкѣ никто даже не пытается сочинить что-либо подобное: негры политически кротки, какъ ягнята, и занимаются почти поголовно ремеслами или низшими видами наемнаго труда. Во Франціи или въ нѣмецкой Австріи, чтобы оправдать антисемитизмъ, ссылаются на громадныя богатства Ротшильдовъ или такъ называемыхъ вѣнскихъ Quai-Juden; въ Америкѣ среди негровъ нѣтъ ни одного крупнаго состоянія. Здѣсь на лицо простая, голая, ничѣмъ неприкрытая антипатія расы къ расѣ, безъ всякаго повода или предлога, такъ, здорово живешь. За то, что Джонсонъ повалилъ Джеффри. Это въ свободнѣйшей странѣ, среди населенія, почти поголовно грамотнаго, и въ другихъ случаяхъ — напримѣръ, въ обращеніи съ бѣлой женщиной или съ бѣлымъ ребенкомъ — рыцарски-корректнаго; это въ странѣ, гдѣ ни полиція, ни судъ не боятся никакого давленія сверху. Въ такой странѣ и въ такой средѣ расовая ненависть не разъ и не два, а изъ года въ годъ выливается въ такія формы, которыя соперничаютъ не только съ кишиневской или бакинской рѣзнею, но прямо съ подвигами курдовъ въ армянскихъ вилайетахъ Турціи. Видно, противъ этой болѣзни не помогаютъ ни всеобщее голосованіе, ни всеобщее обученіе.

Но есть нѣчто болѣе глубокое, чѣмъ демократія и даже чѣмъ поголовная грамотность: это — опытъ собственныхъ страданій. Принято вѣрить, что тотъ, кто самъ долго страдалъ подъ гнетомъ сильнѣйшаго, не станетъ угнетать еще слабѣйшихъ. Мы часто строимъ самыя розовыя надежды именно на томъ, что такой-то народъ самъ много вытерпѣлъ — «значитъ», онъ будетъ сочувствовать и понимать,

ему совѣсть не позволитъ обидѣть слабаго тою же обидой, подъ которою недавно кряхтѣлъ самъ. Но и это, на повѣрку, одни словеса. Въ Германіи еще не вымерло поколѣніе, въ памяти котораго живы тѣ времена, когда единой Германіи не было, а нѣмецкій народъ былъ раздробленъ на мелкіе огрызки. Это поколѣніе выносило въ груди мечту объединенія, подготовило почву упорнымъ трудомъ и осуществило свой идеалъ героическимъ усиліемъ. И то же самое поколѣніе, черезъ самый короткій промежутокъ, начало походъ противъ познанскихъ поляковъ. Польша раздроблена, какъ была недавно раздроблена Германія, но строители единой Германіи сочли бы глупымъ сентиментализмомъ считаться съ этимъ совпаденіемъ. Тотъ же германскій патріотъ, который въ 1860 г. плакалъ слезами сердца, когда дѣти въ сельской школѣ пѣли пѣсню о единой Германіи, — черезъ 40 лѣтъ изъ собственныхъ рукъ поролъ польскихъ мальчиковъ, не желавшихъ учиться закону Божію на нѣмецкомъ языкѣ. Это только въ Ветхомъ Завѣтѣ написано: «Не притѣсняй инородца, ибо и ты былъ инородцемъ въ землѣ Египетской». Въ теперешней морали этому слюнявому гуманизму нѣтъ больше мѣста.

Люди идутъ еще дальше. Не только память о *прошлыхъ* страданіяхъ не помѣха, чтобы въ свой чередъ бить другихъ по тому же мѣсту, по которому самъ былъ нещадно битъ наканунѣ. Бываетъ и хуже. Бываетъ, что народъ, и понынѣ страдающій, понынѣ угнетенный, понынѣ взывающій къ небу во имя справедливости, въ *то же самое время* изловчается душить слабѣйшую группу. Посмотрите на тѣхъ же поляковъ въ Галиціи, гдѣ они хоть немного чувствуютъ себя хозяевами. Что тамъ только не продѣлывается надъ русинами! Русины издаютъ въ Вѣнѣ спеціальный журналъ на нѣмецкомъ языкѣ — «Ukrainische Rundschau» — содержаніе котораго на три четверти сводится къ перечисленію гадостей, которыя продѣлываются въ краѣ польской администраціей. Каждая рѣчь русинскихъ депутатовъ въ рейхсратѣ полна тѣхъ же горькихъ жалобъ, украинская печать Лемберга только о томъ и кричитъ. По

австрійской конституціи всѣ народности равноправны; между тѣмъ русины почти изгнаны изъ администраціи и суда, русинскіе чиновники насчитываются единицами на государственной и областной службѣ даже въ Восточной Галиціи, гдѣ русинское населеніе въ громадномъ большинствѣ; элементарныхъ школъ мало, среднихъ школъ почти совсѣмъ нѣтъ, между тѣмъ какъ львиная доля областного школьнаго бюджета тратится на польскія гимназіи и на субсидированіе польскихъ начальныхъ школъ; на судѣ, если процессъ хоть издали похожъ на столкновеніе между русиномъ и полякомъ, первому никогда не добиться правды; полиція позволяетъ себѣ надъ русинскими мужиками самыя безобразныя насилія — то жандармъ подстрѣлитъ наповалъ мужика за ловлю рыбы въ непоказанномъ мѣстѣ, то цѣлое «стадо» русинъ, изъ-за ссоры съ полякомъ-помѣщикомъ, связавъ руки за спиною, гонятъ пѣшкомъ дальше 50 верстъ въ уѣздный городъ, подталкивая прикладами, а за мужьями бѣгутъ бабы съ дѣтьми и воютъ. такъ что, по свидѣтельскимъ показаніямъ, «за 2 километра слышно было». На выборахъ въ рейхсратъ продѣлываются неслыханныя мошенничества и насилія: то группу русинъ-избирателей, пришедшихъ пѣшкомъ изъ деревни, просто не пустятъ въ городъ, то выкрадутъ или подмѣнятъ нѣсколько сотъ бюллетеней. Это не секретъ, весь рейхсратъ и вся Австрія знаетъ, что такое галиційскіе выборы, самое слово «Galizische Wahlen» пріобрѣло въ общемъ сознаніи особый смыслъ. Во всей Австріи кипитъ борьба націй, но нигдѣ она не доводитъ людей до такого озлобленія: вѣдь не даромъ въ одной только Галиціи, изо всѣхъ австрійскихъ провинцій, оказался возможнымъ террористическій актъ (убійство русиномъ Сичинскимъ поляка-намѣстника) и, что особенно характерно, убійца встрѣтилъ нескрываемое сочувствіе со стороны всего русинскаго общества. Таковы результаты хозяйничанья угнетенной народности въ краѣ, гдѣ ей дано хоть отчасти хозяйничать.

Въ другихъ формахъ, но по существу то же продѣлывается въ Галиціи и надъ евреями. На судѣ еврею, особенно бѣдному, немыслимо добиться правды противъ поляка, а бываютъ зато

и такіе случаи, что судья-полякъ, въ разгарѣ засѣданія, обругаетъ еврея свидѣтеля Іудой или въ этомъ родѣ (въ наказаніе потомъ такого судью переводятъ на лучшее мѣсто) Въ политическомъ смыслѣ поляки откровенно смотрятъ на евреевъ какъ на матеріалъ для эксплоатаціи въ цѣляхъ упроченія своей власти надъ краемъ. Еврейская національность не признается, при переписи евреевъ записываютъ «поляками» и такимъ образомъ создается въ Галиціи «польское большинство». На самомъ дѣлѣ число поляковъ и русинъ въ краѣ одинаково, а изъ 800 000 евреевъ по крайней мѣрѣ 90 % носятъ пейсы, говорятъ на жаргонѣ и двухъ словъ не умѣютъ правильно сказать по-польски. Еврейскій націонализмъ преслѣдуется всѣми средствами. Были случаи исключенія учениковъ изъ гимназіи «за сіонизмъ». Въ Галиціи за послѣднія десять лѣтъ открылось множество частныхъ школъ для распространенія древне-еврейскаго языка: нѣтъ мытарствъ, которымъ бы не подвергались эти школы, особенно подъ видомъ посѣщеній санитарной комиссіи, которая въ 75 случаяхъ на сто «приходитъ въ ужасъ» отъ антигигіенической обстановки, гдѣ чахнутъ эти бѣдныя, милыя еврейскія дѣтки, и школу прикрываютъ. Особенной же ненавистью пользуется жаргонъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Лембергѣ совѣтъ адвокатскаго сословія подвергъ дисциплинарной карѣ одного молодого адвоката за то, что онъ публично произнесъ рѣчь на жаргонѣ. Не за содержаніе, а за жаргонъ! Въ этой ненависти къ еврейскому національному достоянію объединяются всѣ польскія партіи, отъ клерикаловъ до соціалъ-демократовъ. Не только сіонизмъ, не только соціалисты Поалэ-Ціонъ, но и такъ называемая «еврейская соціалистическая партія», соотвѣтствующая нашему Бунду и признающая евреевъ за особую національность, бойкотируется и преслѣдуется польскими соціалъ-демократами. Когда въ 1906 году депутатъ Штраухеръ впервые заговорилъ съ трибуны рейхсрата о евреяхъ, какъ націи, рѣзче и грубѣе всѣхъ издѣвался надъ нимъ вождь польскихъ соціалъ-демократовъ, Дашинскій. Двойная иллюстрація къ нашей темѣ: членъ угнетеннаго класса угнетенной націи,

самъ завзятый націоналистъ, не хочетъ признать права на національную жизнь за другой народностью, еще болѣе угнетенной.

Впрочемъ, за самыми яркими иллюстраціями нѣтъ нужды отправляться за границу: ихъ сколько угодно въ русской Польшѣ. Тяжело и неловко объ этомъ говорить: въ передовой печати грустное положеніе Царства Польскаго всегда отмѣчается съ глубокимъ сочувствіемъ, и не принято нарушать общій тонъ упоминаніемъ про оборотную сторону польской медали. Но вѣдь и на оборотной сторонѣ копошатся живые люди съ реальными страданіями, и въ сущности нѣтъ никакой причины замалчивать некрасивую правду. . .

Вотъ еще примѣръ, о которомъ тоже больно говорить. Въ Лондонѣ былъ недавно «конгрессъ угнетенныхъ націй». Представительница Финляндіи произнесла рѣчь, въ которой прозвучали покаянныя нотки. «И мы во многомъ были грѣшны», сказала она, «мы, живя подъ дамокловымъ мечемъ, сами угнетали другую націю — евреевъ. Пора было насъ встряхнуть. Но встряска эта оказалась слишкомъ ужъ сильной . . .» Да, слишкомъ сильной, и хочется вѣрить, что черная туча надъ Финляндіей все-таки пролетитъ и разсѣется безъ слѣда. Но что правда, то правда: о такомъ гнетѣ надъ евреями, какой существуетъ въ Финляндіи, даже Россія и Румынія не знаютъ. Евреямъ разрѣшено жить только въ трехъ городахъ (въ Гельсингфорсѣ, Выборгѣ и Або); за чертой города имъ воспрещено даже временное пребываніе, и первый встрѣчный финнъ, увидавъ еврея за городомъ, имѣетъ право арестовать преступника и представить въ участокъ. Большая часть промысловъ евреямъ недоступна. Браки между евреями обставлены стѣснительными и унизительными формальностями. Убой скота по еврейскому обряду воспрещенъ. Постройка синагогъ крайне затруднена. Поселеніе новыхъ евреевъ въ краѣ не допускается, незаконно проникшіе энергично выселяются мѣрами полиціи *(даже теперь,* въ моментъ глубокаго національнаго траура Финляндіи). Политическихъ правъ евреи лишены абсолютно, новый избирательный законъ, прославленный своей идеальной демо-

кратичностью, предоставляющій избирательныя права женщинамъ, оставилъ евреевъ за порогомъ. Тоже демократія, тоже высокая культурность, тоже сами знаютъ, что такое угнетеніе и страданіе, а все-таки...

Мудръ былъ философъ, который сказалъ: homo homini lupus Человѣкъ для человѣка хуже волка, и долго еще мы этого ничѣмъ не передѣлаемъ, ни государственной реформой, ни культурой, ни горькими уроками жизни. Глупъ тотъ, кто вѣритъ сосѣду, хотя бы самому доброму, самому ласковому. Глупъ, кто полагается на справедливость: она существуетъ только для тѣхъ, которые способны кулакомъ и упорствомъ ея добиться. Когда слышишь упреки за проповѣдь обособленія, недовѣрія и прочихъ терпкихъ вещей, иногда хочется отвѣтить: Да, виновенъ. Проповѣдую и буду проповѣдывать, потому что въ обособленіи, въ недовѣріи, въ вѣчномъ «насторожѣ», въ вѣчной дубинкѣ за пазухой — единственное средство еще кое какъ удержаться на ногахъ въ этой волчьей свалкѣ.

НЕ ВѢРЮ

(1910)

Отвѣчая на статью «Homo homini lupus», одинъ почтенный публицистъ не отрицаетъ того, что человѣкъ человѣку волкъ и хуже волка, но все-таки думаетъ, что эта бѣда—отъ несовершенства политическаго и соціальнаго строя. Демократія, а въ особенности тотъ грядущій порядокъ, носителемъ котораго является рабочій классъ, все это измѣнитъ и исправитъ; «тогда» и слабымъ народностямъ хорошо будетъ житься за пазухой у сильныхъ. Я, по мнѣнію уважаемаго оппонента, неправъ, когда обвиняю и демократію въ прикосновенности къ «волчьей свалкѣ»: развѣ. говоритъ онъ, Галиція — демократія? развѣ тамъ фактическая власть въ рукахъ народа? А потому надо вѣрить въ свѣтлое будущее. Демократія, а за нею нѣчто еще лучшее, вступятъ нѣкогда въ свои права, и будетъ хорошо. Какъ у Некрасова: «вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ».

Долженъ признаться, что я въ барина не вѣрю. Конечно, только въ *данномъ* отношеніи, въ смыслѣ вѣрнаго лѣкарства противъ племенного гнета. Этотъ пробѣлъ въ цѣлебныхъ свойствахъ демократіи нисколько не умаляетъ ея цѣнности во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Вѣдь кромѣ національныхъ или расовыхъ меньшинствъ, которыя боятся *чужого* гнета, есть на свѣтѣ, слава Богу, и большинства, которымъ *чужой* гнетъ не грозитъ, а грозитъ только «свой», единокровный гнетъ абсолютизма или олигархіи. Для нихъ демократія означаетъ болѣе или менѣе полное освобожденіе отъ политическаго гнета. И такъ какъ на свѣтѣ число людей, принадлежащихъ къ мажоритарнымъ націямъ, несравненно больше

числа людей, принадлежащихъ къ націямъ миноритарнымъ, то прежде всего надо по справедливости считаться съ интересами первыхъ.

Что касается до вторыхъ, то и для нихъ переходъ страны къ демократическому строю представляетъ, хотя не всегда и не во всемъ, облегченіе. Облегченіе заключается главнымъ образомъ въ томъ, что открывается большая, чѣмъ прежде, возможность протестовать, организовываться, бороться. Но чтобы демократія сама по себѣ была гарантіей противъ гнета одной націи надъ другою — въ это я не вѣрю. Демократія есть наисовершеннѣйшая организація политическаго выраженія народной воли; поэтому всѣ народные предразсудки тоже наисовершеннѣйшимъ образомъ выражаются въ дѣйствіяхъ именно подъ эгидой демократическаго строя. А чтобы предразсудки сами собой испарялись отъ демократической благодати, этого, надѣюсь, никто не скажетъ.

Отличнымъ примѣромъ являются Соединенные Штаты. Мой оппонентъ правъ, что Галиція не демократія; но Соединенные Штаты Сѣверной Америки — демократія въ самомъ обширномъ смыслѣ, хотя и своеобразно сложившаяся. Правда, избирательныя права еще только въ немногихъ штатахъ распространены на оба пола, и это, конечно, недочетъ; но, за этимъ исключеніемъ, механика демократіи на лицо. Всеобщее, равное, прямое и тайное голосованіе; президентъ избирается не парламентомъ, какъ во Франціи, а всенародной подачей голосовъ, и его право veto въ законодательныхъ вопросахъ ограничено; главныя должностныя лица, держащія въ рукахъ узлы мѣстной администраціи, тоже избираются, мѣстное самоуправленіе доведено до nec plus ultra; свобода слова, собраній, союзовъ абсолютная. А все-таки негровъ линчуютъ и громятъ ни за что, ни про что, и все-таки въ южныхъ штатахъ они лишены избирательныхъ правъ за цвѣтъ кожи.

Галиція, конечно, не демократія. Но какъ отнестись къ теперешнимъ депутатамъ отъ польскаго населенія Галиціи? Вѣдь они избраны всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Что ни говорите, это есть демократическое представительство, выраженіе народной воли по очень усовер

шенствованной системѣ. Знаменитыя избирательныя фальсификаціи, о которыхъ я уже говорилъ, примѣняются въ Галиціи главнымъ образомъ противъ русинъ и евреевъ, значительно рѣже противъ польскихъ избирателей. Между тѣмъ мой оппонентъ хорошо знаетъ, что польское коло въ вѣнскомъ рейхсратѣ все-таки представляетъ изъ себя реакціонную силу, идущую почти во всемъ рука объ руку съ христіанскими соціалистами. Какъ ни мудри, приходится заключить, что таково или приблизительно таково, въ общемъ, коллективное настроеніе польскаго населенія Галиціи.

То же самое приходится сказать и о нѣмцахъ Австріи. Въ нѣмецкихъ округахъ всеобщее избирательное право проведено съ особою тщательностью, такъ какъ самые округа у нѣмцевъ меньше, чѣмъ у остальныхъ національностей. Объ избирательныхъ фальсификаціяхъ или насиліяхъ ничего не слышно. А въ результатѣ — кромѣ соціалистовъ, почти всѣ нѣмецкіе депутаты принадлежатъ къ антисемитическимъ фракціямъ. Изъ нихъ самая большая — христіанскіе соціалисты. Остальныя именуются либеральными и, дѣйствительно, всегда рѣзко выступаютъ противъ клерикальныхъ поползновеній. Но когда онѣ объединились въ общій союзъ, то при этомъ было соблюдено одно важное условіе: евреи Офнеръ и Куранда не были приняты въ члены союза, хотя оба, бѣдняги, и считаютъ себя нѣмцами перваго сорта. Такъ и слоняются теперь по кулуарамъ эти два тевтонца іудейскаго вѣроисповѣданія, въ качествѣ «дикихъ», не находя себѣ пріюта. А когда въ 1908 г. одинъ патеръ изъ партіи Люэгера внесъ резолюцію о введеніи процентной нормы для евреевъ въ австрійскихъ школахъ, большинство нѣмецкихъ депутатовъ, избранныхъ отъ культурнаго нѣмецкаго народа всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосовъ, голосовало *за*. Если бы завтра Австрія стала демократической республикой, то всѣ эти нѣмцы, поляки и пр. избирали бы не только депутатовъ, но и губернаторовъ съ исправниками. Рѣшительно не вижу, почему ихніе исправники были бы тогда лучше ихнихъ депутатовъ.

Конечно, «тамъ, за далью непогоды», за горизонтомъ демократіи, намъ рисуютъ царство будущаго соціалистическаго

строя. Я считаю обобществленіе орудій производства и неизбѣжнымъ, и желательнымъ результатомъ соціальнаго процесса и признаю, что носителемъ этого переворота является рабочій классъ; слѣдовательно, съ этой стороны тоже не принадлежу къ особенно закоснѣлымъ еретикамъ. Но гадать о деталяхъ будущаго строя все-таки рано. Одно можно сказать съ увѣренностью: національныя различія тогда не только не исчезнутъ, но еще ярче выразятся благодаря полной свободѣ развитія національныхъ культуръ и, въ особенности, благодаря подъему массъ, которыя являются главными носительницами фактической національной самобытности. Къ этому взгляду приходятъ въ послѣднее время всѣ тѣ соціалъ-демократы, которые не кругомъ невѣжественны въ національномъ вопросѣ: этотъ взглядъ проводится въ обширномъ трудѣ О. Бауэра «Соціалъ-демократія и національный вопросъ», и даже Каутскій не такъ уже далекъ отъ него, какъ десять лѣтъ тому назадъ. Но предсказывать съ точностью до одной десятой, какъ тогда будутъ настроены національныя большинства по отношенію къ живущимъ среди нихъ инородцамъ, будутъ ли нѣмцы любить евреевъ и освободятся ли американцы отъ своей животной антипатіи къ неграмъ, — это было бы шарлатанствомъ: и правнукамъ нашимъ отъ сегодняшняго дня черезъ сто лѣтъ всѣ эти вопросы врядъ ли уже будутъ ясны. Пока же можно съ увѣренностью говорить только объ одномъ: свободенъ или несвободенъ отъ національныхъ предразсудковъ самъ носитель будущаго строя, пролетаріатъ? Тутъ я вынужденъ опять отвѣтить, что и въ этого барина не вѣрю.

Не надо пересаливать. Изъ того, что рабочій есть носитель будущаго, совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы рабочій представлялъ собою нравственное совершенство уже въ настоящемъ. Пролетаріатъ есть классъ неимущій, и въ качествѣ таковаго неизбѣжно несетъ на себѣ пока всѣ печальные слѣды бѣдности, невѣжества и предразсудковъ. Въ томъ числѣ и расовыхъ. Международная солидарность пролетаріата означаетъ, въ первую очередь, то, что рабочіе одной страны дѣйствительно заинтересованы въ благосостояніи рабочихъ другой страны —

иначе послѣдніе, не находя заработка на мѣстѣ, начнутъ эмигрировать и сбивать заработную плату у первыхъ. И, дѣйствительно, какъ только дѣло доходитъ до иммиграціи, международная солидарность пролетаріата стушевывается, и остается голая борьба рабочихъ одной націи противъ рабочихъ другой націи за кусокъ хлѣба.

Въ малыхъ размѣрахъ эту племенную борьбу между рабочими можно было наблюдать, напримѣръ, еще недавно въ Бѣлостокѣ. Трудно сосчитать, сколько тамъ было столкновеній между христіанскими и еврейскими ткачами на той почвѣ, что христіанскіе рабочіе не признавали за евреями права работать на механическихъ станкахъ. При ручномъ станкѣ — пусть будетъ и еврей; но какъ только фабрика (даже еврейская) вводитъ машинные станки, мѣсто должно перейти къ русскому или поляку. Въ изданіяхъ Бунда сколько угодно матеріала по исторіи этой борьбы. Христіанскіе рабочіе до того упорно стояли за свою «монополію», что возникала опасность физическихъ столкновеній. Наконецъ, въ послѣднее время установили modus vivendi въ видѣ процентной нормы: евреевъ должно быть не больше 50 процентовъ — это на еврейскихъ-же фабрикахъ! Чтобы оцѣнить справедливость этого процента, надо принять во вниманіе, что въ Бѣлостокѣ евреи составляютъ значительное большинство населенія и что на христіанскія фабрики ихъ совсѣмъ не принимаютъ. Въ нѣсколько большихъ размѣрахъ то же самое происходило въ концѣ 90-хъ годовъ на французско-бельгійской границѣ, гдѣ французскіе сельско-хозяйственные рабочіе силой противились допущенію къ работамъ партіи бельгійцевъ, пришедшихъ изъ-за заставы. Но во весь ростъ вырисовывается эта эгоистическая политика пролетаріата въ той же Сѣверной Америкѣ, т.-е. именно тамъ, гдѣ крупная промышленность достигла наивысшей степени развитія, а сосредоточенныя въ ней рабочія массы — наивысшей степени вліянія. Кто не знаетъ, что всѣ драконовскія мѣры Соединенныхъ Штатовъ противъ иммиграціи диктуются этимъ вліяніемъ? Для капиталистовъ Сѣверной Америки иммиграція, чѣмъ ея больше, тѣмъ выгоднѣе, потому

что она понижаетъ заработную плату. Двери закрываются только въ интересахъ «коренного» пролетаріата, для огражденія его отъ конкурренціи и подъ прямымъ давленіемъ могущественныхъ и богатыхъ профессіональныхъ союзовъ. Профессіональные союзы и не стѣсняются этого, и не скрываютъ. Ихъ позиція въ вопросѣ о въѣздѣ китайскихъ рабочихъ не оставляетъ желать ничего лучшаго по ясности: не впускать, и баста. Въ прошломъ году объѣзжалъ Европу делегатъ, посланный этими союзами для изученія вопроса объ эмиграціи; въ своихъ сношеніяхъ съ рабочими секретаріатами и комитетами этотъ делегатъ совершенно недвусмысленно настаивалъ на томъ, что американскій пролетаріатъ вынужденъ занять позицію противъ наплыва заморскихъ братьевъ. Въ результатѣ, когда изъ нью-іоркскаго или гальвестонскаго порта, точь въ точь какъ изъ Волочиска, выпроваживаютъ назадъ пріѣзжаго еврея, то за этимъ актомъ обороны стоитъ американскій пролетарій, одобряетъ и не стѣсняется.

Тѣ же профессіональные союзы въ штатахъ Юга энергично поддержали всѣ мѣры, отнявшіе у негровъ избирательныя права. А негры юга — типично-пролетарское населеніе. Среди нихъ процентъ и промышленныхъ, и особенно сельско-хозяйственныхъ рабочихъ значительно выше, чѣмъ у бѣлыхъ, а предпринимателей почти нѣтъ. Но кожа у нихъ черная, и южно-американскій бѣлый пролетаріатъ голосовалъ за то, чтобы черныхъ его товарищей лишили избирательныхъ правъ.

Правда, огромное большинство американскихъ рабочихъ еще не озарено благодатью соціалистической вѣры. Но вѣдь классовая психологія пролетаріата зиждется на его объективной соціальной функціи и вытекающихъ изъ нея реальныхъ интересахъ, а не на той или иной субъективно-воспринятой идеологіи. И въ смыслѣ классовой солидарности американскіе рабочіе дадутъ кому угодно сто очковъ впередъ: первое доказательство тому — монументальная сила ихъ профессіональныхъ союзовъ, импозантность ихъ рѣдкихъ, но грандіозныхъ забастовокъ. Но классовая солидарность

превращается въ свою противоположность, какъ только на сцену слишкомъ густо напираетъ голодный заграничный пролетаріатъ; и классовая солидарность молчитъ, когда подымаетъ свой голосъ нелѣпѣйшій отвратительнѣйшій изъ расовыхъ предразсудковъ.

Но и озаренные благодатью тоже еще не такъ прочны въ этомъ смыслѣ, какъ хочется вѣрить моему оппоненту. Въ упомянутой книгѣ Бауэра немного приподнята завѣса надъ національными треніями внутри австрійской социалъ-демократіи, даже послѣ того, какъ брюнскій партейтагъ установилъ вѣчный миръ и ладъ. Между чешскими и нѣмецкими соціалъ-демократами доходило на выборахъ до голосованія за разныхъ кандидатовъ, чехи за чеха и нѣмцы за нѣмца, въ одномъ и томъ же округѣ, не взирая на буржуазную опасность. Но особенно характерно, конечно, отношеніе къ евреямъ. Ужъ оставимъ то, что вѣнская «Arbeiter-Zeitung», органъ крещеныхъ евреевъ Виктора Адлера и Аустерлица, сплошь и рядомъ отпускаетъ, особенно въ полемикѣ противъ «Neue Freie Presse», юдофобскія шуточки, которыхъ въ Россіи не разрѣшила бы себѣ ни одна приличная газета. Не будемъ останавливаться на такихъ пустякахъ, какъ стиль оффиціальнаго органа партіи, и вглядимся въ принципіальное отношеніе. О Дашинскомъ, лидерѣ польскихъ соціалистовъ, я уже упоминалъ. Для него мысль о томъ, что еврей хочетъ обучаться въ своей школѣ на своемъ языкѣ и объясняться съ судьей на жаргонѣ, такъ же точно, какъ полякъ объясняется по-польски и русинъ по-русински, — и смѣшна, и возмутительна. Онъ это не разъ, и въ самой хлесткой формѣ, высказывалъ и съ трибуны парламента, и въ народныхъ собраніяхъ. Для Отто Бауэра, главнаго теоретика австрійской соціалъ-демократіи по національному вопросу, всѣ національности хороши, всѣ самобытныя культуры подлежатъ самой тщательной поддержкѣ и охранѣ — кромѣ еврейской. Онъ не отрицаетъ, что евреи пока еще нація; но ей слѣдуетъ исчезнуть. Почему? На это у Бауэра простой отвѣтъ, замѣчательный по искренности и цинизму: евреи не должны забывать, что христіанское общество сильно прони-

гано антисемитизмомъ, что отъ этого настроенія далеко не свободенъ даже христіанскій пролетаріатъ (sic), что всякія специфическія еврейскія особенности, вродѣ акцента, вызываютъ у христіанскихъ сосѣдей отталкиваніе, а потому евреямъ надо изо всѣхъ силъ ассимилироваться, лучше всего посредствомъ смѣшанныхъ браковъ. Иными словами: антисемитизмъ санкціонируется, и евреямъ рекомендуется не бороться съ нимъ, а, напротивъ, подладиться подъ вкусъ антисемитовъ. Книга эта издана серьезными, правовѣрными марксистами и считается, наряду съ сочиненіями Шпрингера, библіей австрійскихъ соціалъ-демократовъ по національному вопросу.

На фонѣ этого теоретическаго отношенія разыгрываются иногда во станѣ австрійской соціалъ-демократіи и совсѣмъ знакомыя сцены, напоминающія не столько о космополитической солидарности рабочаго класса, сколько о практикѣ дворянскихъ клубовъ, куда не пускаютъ евреевъ. Такая сцена вышла недавно на первомайскомъ праздникѣ въ Вѣнѣ. Въ праздникѣ осмѣлилась принять участіе группа еврейскихъ рабочихъ и подмастерьевъ изъ партіи Поалэ-Ціонъ. Они прошли по городу со своими красными знаменами, на знаменахъ были еврейскія надписи, и пѣли они еврейскія пѣсни; они думали, что это не грѣхъ, разъ у нѣмцевъ нѣмецкія и у чеховъ чешскія надписи и пѣсни. Но когда они явились въ общій Lokal въ Пратерѣ, то къ нимъ подошелъ одинъ изъ редакторовъ «Arbeiter-Zeitung», онъ же распорядитель праздника, и приказалъ или не пѣть еврейскихъ пѣсенъ (hebräische Weisen), или убираться. «Иначе — прибавилъ — я не ручаюсь . . .» Тѣ ушли. Потомъ говорили изъ разныхъ источниковъ, будто сами рабочіе тутъ не при чемъ, а все сдѣлалъ распорядитель по собственному вдохновенію. Можетъ быть. Но вѣдь онъ то ужъ навѣрное пропитанъ соціалистическою благодатью . . .

Нѣтъ, не вѣрю ни въ какого барина, ни въ завтрашняго, ни въ послѣзавтрашняго. А въ дубинку за пазухой вѣрю, ибо вижу отъ нея барыши въ сосѣдскихъ карманахъ.

ПРАВО И СИЛА

(1911)

Теперь стало обычнымъ вопросомъ: вы за турокъ или за итальянцевъ? Большинство прогрессивно-мыслящихъ людей за турокъ. Это ясно и изъ разговоровъ и изъ печати — почти всей европейской и даже американской печати. Образъ дѣйствій итальянцевъ въ этой войнѣ съ самаго начала произвелъ на культурный міръ отталкивающее впечатлѣніе. Не въ первый разъ европейская держава захватываетъ чужую землю, но обыкновенно этому предшествовала извѣстная подготовка атмосферы: устраивались нарочно столкновенія консуловъ съ мѣстными властями, инсценировались оскорбленія иностраннаго знамени со стороны туземцевъ, наконецъ даже провоцировался маленькій погромъ иностранно-подданныхъ, причемъ изъ одного побитаго телеграфныя агентства дѣлали сто убитыхъ, пресса заинтересованной державы подымала крикъ, парижская печать, взявъ обильный бакшишъ, присоединялась къ негодующему хору, посланники другихъ державъ начинали приставать къ варварскому монарху съ «представленіями» и т. д.; черезъ годъ или два создавалось такое настроеніе, что серьезныя газеты или министры крупныхъ государствъ уже могли его опредѣлять сакраментальными словами: «вопросъ объ отношеніяхъ варварской страны имя рекъ къ державѣ имя рекъ превратился въ кошмаръ, нависшій надъ всей Европой». Только послѣ этого производилась державой имя рекъ экспропріація варварскаго царства имя рекъ, и Европа тогда облегченно вздыхала: кошмаръ разсѣялся. И тогда уже никто, кромѣ отъявленныхъ враговъ, не осмѣливался пикнуть о поруганной справедливости, о жестокостяхъ, разстрѣлахъ женщинъ и тому подобной дребедени. Великое дѣло на землѣ этикетъ!

Итальянцы страшно сглупили: они не соблюли общепринятаго церемоніала дневнаго грабежа, и за то ихъ теперь ругають на всѣхъ перекресткахъ, раздувають ихъ невинныя карательныя мѣропріятія до размѣра «звѣрствъ» и злорадствують по поводу встрѣченныхъ ими затрудненій. Въ то же время Франція благородно и деликатно береть съ Германіи честное слово, что ей, Франціи, будетъ предоставлена полная свобода дѣйствій въ Марокко; всѣ понимають, что это значитъ — свобода дѣйствій въ Марокко — но всѣ рукоплещуть Франціи, потому что она подготовила атмосферу. Въ то же время Англія благородно и деликатно уговаривается съ другой державой разобрать по частямъ Персію, участвуетъ въ мѣропріятіяхъ, цѣлью которыхъ является поддержать въ Персіи безпорядокъ, потомъ ссылается на то, что безпорядокъ въ Персіи грозитъ британскимъ интересамъ, и такимъ образомъ подготовляетъ атмосферу, шито-крыто, деликатно и благородно, а ея пресса говоритъ объ итальянскомъ налетѣ на Триполи съ возмущенной брезгливостью. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте, какая мерзость: держава съ 30 милліонами жителей накидывается на беззащитную область, гдѣ едва милліонъ населенія! 30 противъ одного! То ли дѣло была война между Англіей, во владѣніяхъ которой живетъ нѣсколько сотъ милліоновъ подданныхъ, — и бурами, которыхъ было въ Трансваалѣ вмѣстѣ съ Оранжевой республикой около трехсотъ тысячъ душъ. Глупые невоспитанные итальянцы! Вахлаки, не знающіе европейскихъ манеръ!

Меня теперь тоже часто спрашиваютъ: вы за турокъ или за итальянцевъ? Пожимаю плечами и не знаю, что отвѣтить. Мы до сихъ поръ наивны, до сихъ поръ остались провинціалами въ политикѣ. При чемъ тутъ сочувствіе или несочувствіе? Какъ, по какому признаку можно установить, чья сторона больше достойна сочувствія? Развѣ на міровой аренѣ рѣшаются вопросы права, справедливости? Попробуйте сказать итальянцу, что «право» на сторонѣ турокъ, — онъ расхохочется вамъ въ лицо. — «А сама Турція, — спроситъ онъ, — какъ овладѣла Триполисомъ? благодаря праву? А гдѣ было право, когда турки взяли Константино-

поль, и Фатихъ въѣхалъ на конѣ по трупамъ въ Айя-Софію? Вообще, кто и гдѣ на всей политической картѣ владѣетъ чѣмъ-либо «по праву»? Турція держитъ Критъ грубою силой, угрозой раздавить Элладу, если аѳинское правительство провозгласитъ аннексію острова, а между тѣмъ все населеніе Крита уже столько лѣтъ умоляетъ о возсоединеніи съ Греціей и столько крови пролило за этотъ идеалъ. И однако Турція кричитъ о своемъ правѣ на Критъ, о своемъ правѣ владѣть островомъ, который не хочетъ турецкаго владычества. Откуда, спрашивается, взялось это право? За ласку, что ли, предался во время оно Критъ въ руки мусульманъ? Турки взяли его силой, какъ мы хотимъ взять Триполи, и держатъ его силой, какъ мы будемъ держать Триполи. А все прочее болтовня». Такъ скажетъ вамъ итальянецъ, и вы ничего не можете ему возразить.

Европа, кромѣ того, оскорблена въ своихъ лучшихъ чувствахъ еще и тѣмъ, что итальянцы такъ хитро выбрали моментъ, когда турки еще не въ состояніи воевать на морѣ. Какъ это стыдно — нападать на беззащитныхъ! У Европы очень рыцарственные вкусы: ни дать, ни взять престарѣлая кокотка, вспоминающая былыя времена, когда изящные кавалеры вызывали другъ друга на дуэль въ изящныхъ выраженіяхъ съ элегантными жестами. Въ наше время пора было бы смотрѣть на эти вопросы болѣе трезво. Одно изъ двухъ: или не надо грабить, или надо грабить въ самый удобный моментъ. Даже съ точки зрѣнія гуманности (если на минуту допустить, что въ подобныхъ вопросахъ умѣстна такая точка зрѣнія) гораздо лучше, что война произошла теперь. потому что она скорѣе кончится, будетъ меньше убитыхъ и утонувшихъ, и меньше народныхъ денегъ съ обѣихъ сторонъ канетъ на дно морское.

Тоже вотъ очень волнуютъ добрую Европу итальянскія жестокости въ Триполи. Надо полагать, что въ этихъ свѣдѣніяхъ много вранья; но, съ другой стороны, и то надо полагать, что итальянцы маху не дали и хорошенько потѣшили зудившія руки. Не отставать же имъ въ этомъ отношеніи

отъ остальной Европы! Что продѣлывали бельгійцы въ Конго, нѣмцы въ Камерунѣ, англичане въ Индіи? Кто изъ васъ, добрые люди, не вырѣзывалъ въ свое время ремней изъ спины цвѣтного человѣка, кто не разстрѣливалъ ихъ десятками во время своего завтрака, не то для острастки, не то ради развлеченія? Французскіе писатели утверждаютъ, будто во время возстанія сипаевъ въ Индіи примѣнялась пытка «китти», заключавшаяся въ томъ, что женщинамъ сдавливали грудь въ деревянныхъ тискахъ; другая пытка состояла въ томъ, что внутрь женскихъ органовъ впускали большого жука мѣстной породы, замѣчательной огромными клешнями. Но то было полвѣка назадъ, а нѣмецкіе аристократы и бельгійскіе цивилизаторы только недавно прославились такими же точно подвигами въ Камерунѣ и Конго. Нечего ужъ и говорить о томъ, какъ «работали» бандиты Джавидъ-паша и Торгутъ-паша въ Албаніи: туркамъ простительно, они непросвѣщенные, итальянцы на ихъ примѣръ ссылаться не станутъ . . . ибо и кромѣ турокъ есть имъ на кого въ Европѣ сослаться.

Особенно трогательно извѣстіе, что сѣверо-американское общественное мнѣніе страшно негодуетъ на итальянцевъ. Есть даже слухъ, будто между Соединенными Штатами и Портой ведутся переговоры, въ результатѣ которыхъ американская эскадра ударитъ на итальянскую. Это трогательно. Янки — это, дѣйствительно, какъ разъ die rechte Instanz, чтобы судить о попранномъ правѣ. Кубу они забрали, очевидно, по праву, Филиппины проглотили тоже на основаніи права, а теперь находятъ, что итальянцы не имѣютъ права отымать Триполи у бѣдныхъ туземцевъ. Бѣдные туземцы! Подумаешь, вся исторія Соединенныхъ Штатовъ не есть одинъ сплошной безжалостный грабежъ такихъ же туземцевъ — краснокожихъ . . .

Кстати, на этой исторіи любопытно остановиться. Я уже разъ писалъ объ отношеніи янки къ неграмъ; но негры, все-таки, не чета арабамъ Триполи, негры — не аборигены Америки, и не у нихъ отнята территорія, на которой теперь хозяйничаютъ янки. Стоитъ поразмыслить надъ тѣмъ, какъ

отозвалось это вторженіе бѣлой расы на аборигенахъ Сѣверной Америки. Мы про нихъ знаемъ по Куперу и Майнъ-Риду, но есть и другіе литературные источники. Въ самой Америкѣ и на другихъ языкахъ есть цѣлая библіотека сочиненій, посвященныхъ тѣмъ мерзостямъ, что творила и продолжаетъ творить бѣлая раса надъ исконными хозяевами материка. Характерно и выразительно заглавіе одной изъ этихъ книгъ: «A Century of Dishonour» («Позорное столѣтіе».) Рѣчь идетъ не о какомъ-нибудь стародавнемъ столѣтіи, рѣчь идетъ о XIX-мъ вѣкѣ, о вѣкѣ Авраама Линкольна и Теодора Рузвельта, о вѣкѣ Эдгара Поэ, Бретъ-Гарта, Готорна, Марка Твэна, Бичеръ-Стоу, Эдиссона... «Позорное столѣтіе»!

Вотъ нѣсколько эпизодовъ изъ этого столѣтія. Въ 1869 г. комиссія, учрежденная президентомъ Грантомъ, писала слѣдующее: «Исторія отношеній между нашимъ правительствомъ и индѣйцами есть позорный рядъ нарушенныхъ договоровъ и неисполненныхъ обѣщаній; исторія отношеній между индѣйцами и бѣлымъ пограничнымъ населеніемъ представляетъ собою, *какъ правило,* отвратительную цѣпь насилій, убійствъ, грабежей и неправды съ нашей стороны — и, *какъ исключеніе*, дикіе взрывы отпора со стороны краснокожихъ». Эта характеристика совершенно справедлива. Правительство Штатовъ издавна трактовало краснокожія племена, какъ особыя, почти независимыя націи, и вступало съ ними на бумагѣ въ формальные договоры; потомъ договоры нарушались, обѣщанія игнорировались, и воцарялось наглое, неприкрытое насиліе. Эта система примѣнялась до послѣднихъ десятилѣтій «позорнаго столѣтія», и еще не доказано, что ее перестали примѣнять теперь. Еще въ 60-хъ годахъ было вычислено, что Штаты истратили на «индѣйскія войны», т. е. попросту на истребленіе краснокожихъ пятьсотъ милліоновъ долларовъ; въ то же самое время — съ 1776 по 1869 годъ — было заключено между правительствомъ и краснокожими 360 договоровъ, которые торжественно вносились въ книгу законовъ республики и никогда не соблюдались. По договору отводилась данному племени особая «резервація», правительство брало на себя

обязанность доставлять краснокожимъ всѣ средства къ жизни, а зато индѣйцамъ было запрещено отлучаться изъ «резерваціи»; но правительственные агенты расхищали суммы, предназначавшіяся для краснокожихъ, кормили ихъ гнилью, а то и просто по мѣсяцамъ морили голодомъ. Въ результатѣ туземцы начинали волноваться — а тогда къ нимъ посылали усмирителей. И какихъ усмирителей! Комиссія президента Гранта изображаетъ ихъ такими красками. Гдѣ-то бродячіе индѣйцы украли нѣсколько лошадей, подстрѣлили нѣсколькихъ бѣлыхъ и скрылись въ неизвѣстномъ направленіи. Былъ немедленно организованъ отрядъ — шайка изъ восьмисотъ «рудокоповъ, игроковъ и авантюристовъ»; во главѣ отряда поставили полковника Чивингтона — онъ же проповѣдникъ методистской церкви — и послали «усмирять». Отрядъ дошелъ до поселеній совершенно мирнаго племени Чейеннэ, съ которымъ всего нѣсколько дней назадъ агентъ Штатовъ, майоръ Уинкупъ, заключилъ договоръ о вѣчномъ союзѣ и мирѣ. Чейеннэ дружелюбно приняли бѣлое войско, тѣ тоже притворились друзьями, а потомъ окружили селеніе и вырѣзали 170 душъ, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей. Трупы индѣйцевъ были скальпированы и притомъ изуродованы такъ мерзко, что комиссія, по англо-саксонской стыдливости, не рѣшилась точно описать. И такъ бывало сплошь и рядомъ, на каждомъ шагу. Племя Чейеннэ поплатилось за то, что бродяги, не принадлежавшіе къ этому племени, кого-то обокрали и убили. Случались и другіе поводы. Въ 1876 г. племя сѣверныхъ сіуксовъ получило по договору территорію въ Черныхъ Горахъ и поселилось тамъ. Вдругъ, на несчастье краснокожихъ, въ этой мѣстности оказалось золото — и сіуксовъ выгнали. Они возмутились, вождь ихъ, Ситингъ-Буль, нанесъ американскому генералу Кестеру тяжелое пораженіе при рѣкѣ Little Big Horn, но, понятно, въ концѣ концовъ, сіуксы были раздавлены и уничтожены... Одна изъ возмутительнѣйшихъ страницъ этой исторіи грабежа — эпизодъ съ племенемъ Чироки, обитавшимъ въ Георгіи, Сѣверной Каролинѣ и Теннеси. Племя это обладало прекрасной плодородной

территоріей и стояло на высокомъ культурномъ уровнѣ. Разводили маисъ, табакъ, хлопокъ, пшеницу, производили разнаго рода ткани; было среди нихъ много ремесленниковъ, и вся торговля края была въ ихъ рукахъ. По всѣмъ главнымъ рѣкамъ области сновали ихъ торговыя лодки. Бѣлыхъ они съ самаго начала приняли очень дружелюбно, дали имъ всѣ права, кромѣ права занимать должности. Чироки приняли христіанство, изобрѣли шрифтъ для своего языка, стали учить своихъ дѣтей по-англійски. У нихъ было республиканское правленіе съ очень подробно разработанной конституціей. Въ ихъ столицѣ Echota была газета, и съ негритянскими своими рабами они обращались лучше бѣлыхъ рабовладѣльцевъ. Но ихъ земля слишкомъ понравилась бѣлымъ, и въ Вашингтонъ посыпались требованія о выселеніи Чироки изъ родныхъ мѣстъ. Было это въ первой четверти «позорнаго столѣтія», республика была еще молода и, по молодости лѣтъ, сентиментальна; поэтому нашлось нѣсколько бѣлыхъ интеллигентовъ, которые вступились за Чироки, организовали петиціи въ ихъ защиту и т. д. Ничто не помогло. Въ 1835 г. ихъ подъ пушками заставили подписать договоръ о выселеніи. Они подписали, но не двинулись съ мѣста. Тогда опять было двинуто войско подъ предводительствомъ ген. Скотта... Теперь осколки племени Чироки прозябаютъ гдѣ-то на краю свѣта, въ знаменитой «территоріи краснокожихъ», куда янки заперли аборигеновъ захваченной страны; но и въ этомъ застѣнкѣ они до сихъ поръ сохранили остатки своей когда-то цвѣтущей культуры. Одинъ изъ крупныхъ дѣятелей того времени сказалъ: «Никакіе лавры наши на поляхъ битвы не закроютъ этого грязнаго пятна на нашемъ гербѣ. Какими бы подвигами впослѣдствіи мы ни вздумали гордиться, намъ закроютъ уста однимъ напоминаніемъ: remember the Cherokee Nation (помни о племени Чироки)!». Но почтенный дѣятель ошибся: его соотечественники послѣ того много разъ еще затмили это черное дѣло другими черными дѣлами. Достаточно напомнить, что въ 60-хъ годахъ парламентъ территоріи Idaho назначилъ по 100 долларовъ за скальпъ «самца», по 50 за женскій и по

10 за скальпъ ребенка моложе 10 лѣтъ. Въ 1862 г. губернаторъ Аризоны издалъ приказъ истребить всѣхъ мужчинъ племени апачей, а женщинъ и дѣтей продать въ рабство. Около того же времени въ печати заинтересованныхъ штатовъ серьезно дебатировался вопросъ: не развить ли среди краснокожихъ искусственно эпидемію оспы? Указывалось въ числѣ преимуществъ этой болѣзни на то, что бѣлые, въ виду прививки, невосріимчивы къ ней, и такимъ образомъ, можно будетъ извести всѣхъ краснокожихъ безъ опасенія заразить порядочныхъ людей. Впрочемъ, на этотъ эксперимент не рѣшились и остались при старыхъ методахъ, развѣ съ легкими усовершенствованіями: напримѣръ, въ войнѣ съ племенемъ Семиноки пущены были въ ходъ со стороны бѣлыхъ кубинскія собаки-ищейки. Иногда, однако, примѣнялись и болѣе культурныя средства: колоссальныя территоріи, величиною съ доброе европейское королевство, «покупались» у краснокожихъ чуть не по гривеннику за квадратную версту. Это продѣлали, между прочимъ, съ племенемъ делаваровъ. Делавары ушли далеко на западъ, въ Канзасъ, обжились тамъ, обстроились, имѣли скотъ, достатокъ и школы. Началась война Сѣвера и Юга. Незлопамятные делавары стали на сторону Сѣвера — противъ рабовладѣльческихъ штатовъ — и поставили въ правительственныя войска нѣсколько сотъ волонтеровъ, которые съ честью и славой прослужили три года, защищая единство республики. А когда они вернулись домой, то застали свои гнѣзда разоренными — землю и скотъ забрали бѣлые, и въ Вашингтонѣ не хотѣли слушать никакихъ жалобъ. Такъ и пропали делавары безъ слѣда въ «территоріи краснокожихъ». Другое племя — Малая Черепаха въ штатѣ Ohio — одержавъ побѣду въ сраженіи при Сентъ-Клерѣ, гдѣ пали 600 бѣлыхъ солдатъ, набило всѣмъ шести ста павшимъ рты землею, не умѣя иначе выразить передъ Богомъ и людьми свой протестъ противъ земельной алчности бѣлаго грабителя... И такъ далѣе, и такъ далѣе. Все это съ успѣхомъ продолжалось, какъ я сказалъ, до послѣднихъ десятилѣтій XIX вѣка. Еще въ декабрѣ 1890 г., судя по отчету Bureau of Ethnology,

основанному на оффиціальныхъ донесеніяхъ, американское войско, «оперируя» противъ другой вѣтви сіуксовъ, перестрѣляло 150 душъ женщинъ и дѣтей во время бѣгства...

Самое же удивительное то, что всѣ эти подвиги сходятъ съ рукъ, и никто про нихъ даже не вспоминаетъ. Попытайтесь попрекнуть янки — онъ даже спорить съ вами не станетъ. Онъ самъ все это знаетъ и признаетъ. Нѣкій американскій генералъ Крукъ сказалъ: «Хуже всего въ этихъ операціяхъ то, что приходится воевать противъ людей, на сторонѣ которыхъ право». Эта искренняя фраза не помѣшала генералу Круку «оперировать» противъ краснокожихъ съ полнѣйшимъ успѣхомъ. Сентименты сентиментами, а дѣло дѣломъ. Янки, вмѣсто отвѣта на упрекъ, просто укажетъ вамъ на грандіозный расцвѣтъ своего отечества, на сорокаэтажные дома, на чудовищныя фабрики, на благосостояніе рабочаго люда, на кварталы, гдѣ находятъ убѣжище и заработокъ сотни тысячъ изгнанниковъ, отвергнутыхъ Европой, на свои прекрасныя школы и на Эдгара Поэ, и на Эдиссона, и на культурное фермерство Калифорніи, и на многое другое, и лаконически прибавитъ: если бы мы не забрали силой эту землю, на ней бы росъ понынѣ степной ковыль. И ему тоже вы ничего не можете возразить, потому что весь міръ такъ смотритъ на эти вопросы. Міръ считаетъ, что цивилизація все равно какъ деньги: non olet. Міръ считается съ результатами и не помнитъ и не желаетъ помнить о средствахъ. Если черезъ 30 лѣтъ въ Триполи будутъ желѣзныя дороги, электричество и гигіеническія тюрьмы для одиночнаго заключенія согласно послѣднему слову итальянской карательной науки, то вся Европа признаетъ, что Италія совершила великую цивилизаторскую миссію, отвоевала для культуры клокъ земли, который въ рукахъ Турціи, вѣроятно, продолжалъ бы заростать чертополохомъ. И никто тогда не вспомнитъ ни того, что Италія улучила для своего налета такой неблагородный моментъ, когда бѣдные турки не имѣютъ еще броненосцевъ, — ни того, что она разстрѣливала арабовъ. Non olet! Что же и гдѣ же послѣ этого право или криво, при чемъ тутъ сочувствіе или несочувствіе, какъ тутъ можно быть «за» сихъ

или «противъ» оныхъ, когда передъ нами просто великая всемірная волчья свалка, гдѣ нѣтъ правыхъ и нѣтъ виноватыхъ, а есть нагая борьба алчностей и насилій, мерзкая, безсовѣстная борьба, изъ которой однако родится все то, чѣмъ мы духовно живемъ и дышемъ и что зовемъ культурой...

Конечно, при этомъ всякій старается спасти аппарансы Вотъ и итальянцы распускаютъ слухъ о томъ, что имъ нужна земля — некуда, молъ, дѣть своихъ эмигрантовъ. Но при этомъ они сами прекрасно знаютъ, что Триполи для такой цѣли не годится. Итальянская эмиграція, дѣйствительно огромная, состоитъ изъ двухъ элементовъ: изъ временныхъ и вѣчныхъ эмигрантовъ. Первые покидаютъ родину на время, чтобы заработать деньги и вернуться; для нихъ эмиграція — отхожій промыселъ. Вторые уѣзжаютъ навѣки, это настоящіе переселенцы. Первая категорія имѣетъ огромное экономическое и культурное значеніе для Италіи: эти «американцы», народъ трезвый и бережливый, ежегодно пересылаютъ на родину сотни милліоновъ, и это, между прочимъ, одна изъ серьезныхъ причинъ нынѣшняго финансоваго благополучія Италіи. Съ другой стороны, «американцы» во время своихъ путешествій набираются ума-разума и, по возвращеніи, образуютъ самый культурный элементъ итальянской деревни. Почти всюду теперь во главѣ сельскихъ кассъ и потребительныхъ союзовъ стоятъ бывшіе «американцы». Совершенно ясно, что отъ всѣхъ этихъ преимуществъ Италія не захочетъ и не можетъ отказаться: недаромъ говорятъ, что въ ея вывозѣ главную роль теперь играетъ этотъ своеобразный одушевленный товаръ — рабочія руки. Этотъ товаръ можно сбывать только въ очень богатыхъ странахъ, какъ Соединенные Штаты, Аргентина, Бразилія; въ пустынномъ Триполи для этой категоріи эмигрантовъ нѣтъ и еще 50 лѣтъ не будетъ мѣста и заработка. Остается вторая категорія — переселенцы, уѣзжающіе навсегда. Конечно, было бы выгоднѣе для Италіи направлять эти массы въ свою собственную колонію, а не въ чужія страны. Но вѣдь это есть вопросъ о массовой земледѣльческой колонизаціи, т. е. вообще одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ, ка-

кіе знаетъ соціальная политика. Эту проблему не только разрѣшить, но и поставить еще не удалось въ самой Италіи: Калабрія, Апулія, Сицилія изобилуютъ пустырями, откуда населеніе тысячами бѣжитъ въ Америку. Почему же удастся заселить пустыри Триполитаніи, гдѣ прежде всего нѣтъ воды? За 20 лѣтъ напряженной работы и грандіозныхъ затратъ Италія не поселитъ въъ Триполи столько колонистовъ, сколько ихъ добровольно теперь за одинъ годъ осѣдаетъ по разнымъ угламъ южно-американскихъ llanos. И все это въ Италіи знаютъ очень хорошо, потому что много писали, много думали объ этихъ вопросахъ. Но вѣдь нужно какъ-нибудь спасти аппарансы, вотъ и ссылаются на крайнюю нужду въ землѣ...

Откровенно говоря, я не знаю, къ чему такая щепетильность на этой прекрасной планетѣ. Зачѣмъ аппарансы? Гораздо проще указать на сосѣдей. на Англію, которая забрала Египетъ, Аденъ, Перимъ, Кипръ, на Францію, которая проглотила Алжиръ, Тунисъ и Марокко, на Австро-Венгрію, которая съѣла Боснію, и т. д. и т. д., — и отвѣтить итальянской поговоркой: Così fan tutti. Всѣ такъ дѣлаютъ. Если мы будемъ только глядѣть, какъ другіе грабятъ, а сами не вмѣшаемся, то черезъ десять лѣтъ та же самая пресса будетъ насъ же называть дураками, державы перестанутъ съ нами считаться, сосѣди начнутъ повышать тонъ въ разговорахъ съ нами, и все жирное, что есть и что будетъ на свѣтѣ, попадетъ къ другимъ, а мы останемся съ пустыми руками; весь міръ будетъ насъ игнорировать. и ни одна собака не вспомнитъ о благородствѣ, которое мы проявили, не забравъ куска, что такъ плохо лежалъ. Благодаримъ покорно за такую перспективу. Не мы сочинили этотъ міръ, не наша обязанность его передѣлывать и не намъ отступать передъ тѣмъ, что уже сто разъ освятили своимъ авторитетомъ культурнѣйшія націи Европы. Триполи мы заберемъ, и баста. А общественное мнѣніе, пресса и прочіе носители этическихъ началъ? Они перебѣсятся, и еще придутъ насъ поздравить.

Лестно и весело жить въ этомъ лучшемъ изъ міровъ.

ПРАВДА
(1916)

Америка постепенно завоевываетъ разныя вещи; между прочимъ кинематографъ. Въ Англіи теперь цѣлое движеніе противъ американской ленты; кажется, ее хотятъ сдѣлать первой жертвой новаго курса, — обложить запретительной пошлиной. По справедливости она этого наполовину заслуживаетъ. Это должна быть одна изъ любопытнѣйшихъ загадокъ тамошней жизни: почему американцы такъ любятъ чепуху. Простую, настоящую, нарочитую чепуху. Не то, что сѣлъ авторъ сочинять умную вещь, а получилась чепуха помимо его воли; нѣтъ, авторъ сѣлъ за столъ нарочно придумать чепуху. Очевидно, милліонамъ въ Америкѣ это нужно. Вѣроятно это стоитъ въ какой-нибудь связи съ чрезмѣрной логичностью тамошней жизни: все высчитано, пригнано, во всемъ «хронометризмъ»,—сбѣсилась отъ этого душа человѣческая и взмолилась къ небу о чепухѣ. У В. Брюсова есть такой разсказъ: въ соціалистическомъ государствѣ было такое преобладаніе порядка, что граждане, наконецъ, не вытерпѣли и стали нарочно дѣлать безсмысленныя выходки, отчего и произошла революція. Америка выбрала, очевидно, болѣе невинную форму протеста противъ всепроникающаго хронометризма.

Но это относится только къ одной половинѣ американскаго фильмодѣлія. Другая половина иногда бываетъ очаровательна. Кинематографическіе авторы Новаго Свѣта очень заинтересовались въ послѣднее время шестидесятыми годами. Въ самомъ дѣлѣ, это была во всемъ цивилизованномъ мірѣ удивительно красивая эпоха. Уже былъ телеграфъ и паровозъ, такъ что можно было жить по-человѣчески, но люди еще не успѣли перепрѣть въ котлѣ ума и еще вѣрили серьезно въ добро, прогрессъ и принципы. Наука дѣлала великія открытія радостно, въ сознаніи, что это всѣмъ ко благу и никому не во вредъ; еще не было ни торпеды, ни

16*

пулемета, и почти не было разницы между военнымъ и охотничьимъ ружьемъ, зато былъ, скажемъ, Дарвинъ. Были также Гарибальди, Лассаль, Линкольнъ... Міръ представлялъ собой приличную компанію, въ которой пріятно и лестно пожить. Были войны, но онѣ велись во имя красивыхъ принциповъ: объединеніе Италіи, объединеніе Германіи, освобожденіе негровъ, — или по крайней мѣрѣ такъ казалось. Кромѣ того тогда красиво и пышно одѣвались. Я бы не сказалъ «изящно», но красиво и пышно. Въ кринолинѣ и въ узкихъ штанахъ со штрипками была одна и та же идея: не суетись, не вертись волчкомъ, не торопись. Человѣкъ долженъ двигаться впередъ, но двигаться торжественно, по широкой дорогѣ, шурша своими шелками, а не бѣжать вприпрыжку, потѣя, пыхтя, проскальзывая въ щели. Милое, милое время! Американскія фильмы воспроизводятъ его съ чутьемъ и роскошью. Имъ удается сохранить три элемента, опредѣлявшіе то время: культурный, патріархальный и полудикій. *Глядя,* кажется, что читаешь Бретъ-Гарта, — переживаешь юность міра и свое отрочество.

Двѣ изъ этихъ лентъ навели меня на размышленія, ради которыхъ я сѣлъ писать это письмо. Съ теперешней воїной эти размышленія, кажется, не имѣютъ ничего общаго, но тѣмъ лучше, — не о воїнѣ единой живъ человѣкъ въ концѣ-концовъ. Одна лента называется «Рожденіе націи». Имѣется въ виду американская нація. Лента изображаетъ борьбу Сѣвера и Юга и періодъ «реконструкціи» побѣжденнаго Юга послѣ войны. Лента тянется три часа, но захватываетъ. Либретто, взятое изъ какого-то романа, сдѣлано съ умомъ и со вкусомъ; поставлена вещь изумительно. Мы знаемъ объ американской междоусобицѣ и о вопросахъ, съ нею связанныхъ, по учебнику, по «Хижинѣ дяди Тома» и по стихотворенію Лонгфелло «Сонъ негра», которое въ хрестоматіи. Здѣсь завѣса приподнята съ другой стороны. «Да будетъ выслушана и другая сторона».

Намъ теперь издали кажется, что этическая правда вопроса была такъ ясна: Сѣверъ требовалъ освобожденія негровъ, Югъ стоялъ за сохраненіе рабства, а потому да свер-

нится правосудіе. Современникамъ это не казалось такъ просто. Самъ Линкольнъ вначалѣ не былъ сторонникомъ насильственной отмѣны рабства въ южныхъ штатахъ. Американская конституція 1787 года установила, что сохраненіе или отмѣна этого института зависитъ отъ воли отдѣльныхъ штатовъ и не подлежитъ вмѣшательству союзной власти. Это была правовая сторона проблемы. Сторона нравственная тоже казалась современникамъ, даже лучшимъ изъ нихъ, допускающей разныя толкованія. Одинъ авторъ того времени, Гуделль, собралъ и издалъ полемику за и противъ рабства. То, что писали защитники «этого института», часто поражаетъ своимъ искреннимъ пафосомъ. Крѣпостное право въ Россіи не имѣло, кажется, такихъ открытыхъ энтузіастовъ. Правда, въ Америкѣ положеніе было другое: рѣчь шла о цвѣтной расѣ, и взгляды раздѣлились не по линіи партій, а по линіи территоріальныхъ границъ.

Какъ можетъ Сѣверъ судить о вопросѣ, о которомъ сѣверяне понятія не имѣютъ? — спрашивали защитники Юга. Горсть негровъ на Сѣверѣ — домашняя прислуга и мелкіе ремесленники; въ хозяйствѣ края они не играютъ никакой роли. На Югѣ треть населенія — негры; въ хозяйствѣ Юга они — все; отмѣните рабство, и вы опрокинете всю нашу экономическую жизнь. Дайте новымъ условіямъ развиться постепенно, помогите намъ привлечь европейскую иммиграцію, создать бѣлый рабочій классъ и т. д. — Что будутъ дѣлать негры, если владѣльцы перестанутъ ихъ кормить, одѣвать и держать подъ своимъ кровомъ? — спрашивали другіе. — Увѣрены ли вы, что эта раса приспособлена къ современному порядку личной конкурренціи, къ борьбѣ за хлѣбъ въ условіяхъ новѣйшей экономической жизни? Ни отцы ихъ въ Америкѣ, ни дѣды и пращуры ихъ въ Африкѣ никогда не знали заботы о насущномъ кускѣ. Вы хотите выбросить три милліона людей на улицу. Или вы ждете, что они начнутъ работать за плату, какъ бѣлые, изъ сознанія необходимости, а не изъ страха наказанія? Это — фантазерство. Вы не знаете существъ, о которыхъ говорите. Вы не понимаете, что идея личнаго заработка не есть врожденная

идея человѣчества; она есть одинъ изъ продуктовъ цивилизаціи и притомъ — позднѣйшей цивилизаціи. До нея надо дорасти черезъ цѣлый рядъ поколѣній. Дикарь, предоставленный самому себѣ, органически не въ состояніи зарабатывать. Онъ можетъ или просить милостыню, или красть. Третьи указывали на быстрое вымираніе краснокожихъ и австралійскихъ туземцевъ. Отсталыя расы, — говорили они, — отъ соприкосновенія съ цивилизаціей погибаютъ. Единственное средство спасти ихъ заключается въ томъ, чтобы бѣлый принялъ на себя устройство ихъ жизни, чтобы бѣлый ихъ кормилъ, одѣвалъ и заставлялъ дѣлать ту работу, для которой они годятся. Вотъ почему негры плодятся и размножаются, а свободные индѣйцы угасаютъ.

Эти выводы не остались безъ вліянія. Огромное большинство сѣвернаго общества было противъ вмѣшательства въ эти «внутреннія дѣла» Юга. Такъ-называемыхъ «аболиціонистовъ», т. е. сторонниковъ принудительной отмѣны рабства, было очень мало. Почти каждый мало-мальски отвѣтственный дѣятель, выступая противъ южанъ, считалъ своимъ долгомъ отмежеваться отъ крайней партіи: «Я, конечно, — не аболиціонистъ». Югъ могъ бы, казалось, жить спокойно, сохраняя «этотъ институтъ».

Но въ томъ-то и дѣло, что онъ не могъ. Онъ не могъ даже ограничиться оборонительной позиціей: сила вещей вынуждала его наступать. На его глазахъ Сѣверъ развивался безпримѣрно благодаря свободному бѣлому труду. Южные штаты чувствовали, что они скоро превратятся въ ничтожную окраину. Поэтому они цѣпко хватались за каждую соломинку, способную поддержать ихъ вліяніе въ Союзѣ. Они особенно дорожили сенатомъ. Въ немъ каждый штатъ имѣетъ равное число представителей независимо отъ количества населенія; 13 южныхъ и 13 сѣверныхъ штатовъ уравновѣшивали другъ-друга. Но въ составъ Союза кромѣ полноправныхъ штатовъ входили также «территоріи»: Орегонъ, Небраска и др.; онѣ еще не имѣли представительства въ законодательныхъ учрежденіяхъ Союза; но ихъ населеніе росло, и было ясно, что скоро многія изъ нихъ будутъ

признаны полноправными штатами, и если они будуть противъ рабства, они задавятъ Югъ. Поэтому Югъ хотѣлъ «заразить» ихъ, сдѣлать их штатами рабовладѣльческими. Получился тяжелый конституціонный споръ. Сѣверяне настаивали, что разъ территоріи принадлежать Союзу, какъ таковому, Союзъ имѣетъ право запретить въ нихъ рабство. Южане отвѣчали: разъ территоріи принадлежать всему Союзу, южане имѣютъ такое же право, какъ и сѣверяне, селиться тамъ со всѣмъ своимъ имуществомъ; въ законно пріобрѣтенное имущество южанина входятъ негры, и никто не имѣетъ права отнимать у него эту часть живого инвентаря, когда онъ ее привозитъ на окраину, составляющую собственность всего Союза. Но и на этомъ конфликтъ не могъ остановиться. По «Хижинѣ дяди Тома» всѣ мы помнимъ, что негръ, переправившійся черезъ рѣку изъ Кентукки въ Огайо, становился свободнымъ. Южане настаивали, что этотъ порядокъ юридически равноцѣненъ, скажемъ, разрѣшенію конокрадства. Если конституція Союза признаетъ, что законъ Кентукки о рабствѣ имѣетъ силу закона, то дядя Томъ есть собственность мистера Легри предъ лицомъ всего Союза. Если дядя Томъ сбѣжалъ, дѣло Союза — вернуть его хозяину, а не прятать его, заявляя: что съ воза упало, то пропало. Или отмѣните рабство, или признавайте его послѣдствія.

Этотъ доводъ оказался особенно убѣдительнымъ. Юридическое доктринерство было всегда слабостью (или силой?) американской государственной мысли: оно сквозитъ и въ каждомъ параграфѣ конституціи 1787 года, и въ перепискѣ президента Вильсона съ Германіей. Между этими двумя моментами стоитъ 1850 годъ, когда союзный парламентъ Соединенныхъ Штатовъ издалъ законъ, по которому бѣглые негры, даже на территоріи сѣверныхъ штатовъ подлежали впредь задержанію и возвращенію въ хозяйскія объятія. Конечно, это привело къ еще большему озлобленію, къ кровавымъ дракамъ на улицахъ Сѣвера при каждой попыткѣ задержать бѣглаго негра и, наконецъ, вмѣстѣ со всѣми другими причинами, — къ войнѣ.

Но и война началась не во имя отмѣны рабства на Югѣ. Она началась просто во имя возстановленія Союза, въ виду отложенія южныхъ штатовъ. Въ тѣхъ частяхъ конфедераціи, которыя были захвачены войсками Сѣвера, «этотъ институтъ» считался de jure сохраненнымъ вмѣстѣ со всѣми другими правами частной собственности. Только на третій годъ войны, въ минуту, очень тяжелую для Сѣвера, когда дѣло казалось проиграннымъ и нужно было идти на крайнія средства для поддержанія энтузіазма, — только тогда рѣшился Линкольнъ провозгласить отмѣну рабства. И то не просто. Его прокламація въ сентябрѣ 1862 г. гласила, что если мятежные штаты не сдадутся въ теченіе ста дней, рабство будетъ отмѣнено. Они не сдались, и 1-го января 1863 г. Линкольнъ исполнилъ свою угрозу. Если бы южные штаты подчинились, негры остались бы въ хозяйскихъ объятіяхъ. Такъ смотрѣлъ на вопросъ Эбраамъ Линкольнъ, — по прозвищу «честный Эбъ», — самый правдивый, самый благородный, самый искренній государственный дѣятель міра послѣ Аристида. Есть надъ чѣмъ задуматься. Очевидно, правда и кривда не всегда въ жизни размежеваны четкими границами.

Одного никогда бы Линкольнъ не допустилъ: чтобы неграмъ, на завтра послѣ эмансипаціи, дали избирательныя права. Но Линкольнъ былъ убитъ, и побѣдители, оставшіеся безъ его узды, провели «15-ю поправку къ конституціи», въ силу которой цвѣтные граждане получили политическое полноправіе. Въ то же время часть бѣлыхъ южанъ (всѣ причастные къ войнѣ противъ союза) лишена была избирательныхъ правъ. Тогда началась вакханалія, извѣстная подъ именемъ «реконструкціи». Почти во всѣхъ штатахъ и округахъ Юга негры оказались въ большинствѣ. Они еще ничего не понимали въ этихъ вопросахъ, но судьба послала имъ руководителей. Съ Сѣвера нахлынули тучи такъ-называемыхъ «ковровыхъ мѣшковъ». Это была американская разновидность того типа, который въ Россіи получилъ кличку «господа ташкентцы». Это были бѣлые джентльмэны безъ опредѣленныхъ занятій, съ багажомъ, умѣщавшимся въ одномъ ковровомъ мѣшкѣ, и съ готовыми избирательными

рѣчами. Они пошли прямо къ негру и «открыли ему глаза». Бѣдный чернокожій въ то время не зналъ, что съ нимъ творится. Многія изъ экономическихъ послѣдствій, что предсказывали апологеты рабства, дѣйствительно сбылись. «Порвалась цѣпь великая, порвалась — раскачалася однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику». Одурманенные свободой, опьяненные мщеніемъ и злорадствомъ, ошарашенные вдругъ экономической необезпеченностью, негры слѣпо ринулись за «ковровыми мѣшками». Начался повальный грабежъ казны государственной и частной. Одинъ изъ историковъ той эпохи, человѣкъ осторожный и гуманный (W. H. Smith), описываетъ ее такъ: «Многіе изъ южанъ теперь жалѣли о счастливыхъ дняхъ до реконструкціи, когда Югъ былъ раздѣленъ на военные округа и управлялся непосредственно генералами Союза. Они управляли сурово, но они по крайней мѣрѣ были честны, и Югъ тогда не былъ преданъ на разграбленіе. Теперь законодательныя учрежденія южныхъ штатовъ, составленныя изъ бѣлыхъ сѣверянъ и южныхъ негровъ (два элемента, равно свободные отъ платежа налоговъ), довели обложеніе имущества прежнихъ господъ до такой степени, что многіе изъ нихъ обнищали, а государственные долги южныхъ штатовъ колоссально возросли». За то были созданы тысячи синекуръ для «ковровыхъ мѣшковъ» и ихъ черной свиты. Среди этого разгула, съ понурой головой проходилъ вчерашній рабовладѣлецъ, гордый потомокъ первыхъ колонизаторовъ Америки, внукъ творцовъ ея свободы, часто носитель имени, извѣстнаго въ обоихъ мірахъ, безправный, безпомощный, среди насмѣшекъ... и дочери его теперь предпочитали сидѣть дома, потому что на улицѣ негры посылали имъ воздушные поцѣлуи, а «ковровые мѣшки» щипали ихъ повыше локтя.

Мы не ушли отъ нашей темы — отъ фильмы «Рожденіе націи». Не все это показано на экранѣ, но все это вспомнилось, когда смотрѣлъ на экранъ. Лента изображаетъ вещи, конечно, въ сгущенной окраскѣ. Бѣлые приходятъ голосовать, но негры выталкиваютъ ихъ въ шею; негры устраиваютъ погромъ бѣлыхъ (кажется, ничего подобнаго никогда

не было); есть, конечно, неизбѣжное покушеніе чернаго на честь бѣлой дѣвушки. Главный сюжетъ ленты — подвиги тайнаго общества «Кью-Кляксъ-Кланъ». Оно дѣйствительно существовало и носило полушутовской, полукровавый характеръ. Члены его, играя на суевѣрной пугливости чернокожихъ, облачились въ бѣлыя мантіи съ красными крестами на груди и съ опущеннымъ капюшономъ; въ этомъ видѣ они отрядами налетали на городки и поселки и творили судъ и расправу надъ неграми и «ковровыми мѣшками»; они разсылали смертные приговоры и иногда приводили ихъ въ исполненіе. На лентѣ все это вышло очень эффектно, и Кью-Кляксы тамъ спасаютъ отчизну. Въ дѣйствительности они не имѣли никакого политическаго значенія и скоро выродились въ простую банду жулья. Но что-то, какой-то привкусъ внутренней правды чувствуется сквозь всѣ преувеличенія ленты. Или, вѣрнѣе, чувствуется то, что сказано выше по поводу Линкольна: міръ такъ дико сложился, что иногда грани правды и кривды стираются; зритель, — человѣкъ твердыхъ убѣжденій, думавшій, будто онъ всегда знаетъ, гдѣ добро и гдѣ зло, — вынужденъ сочувствовать обѣимъ сторонамъ, и на душу его нисходитъ смятеніе и соблазнъ, и ему хочется проснуться, чтобы вся путаница жизни оказалась кошмаромъ послѣ плотнаго ужина, чтобы опять все было ясно и чтобы опять была одна правда, а не двѣ.

Выйдя изъ театра, гдѣ все это показывали, я сталъ перебирать въ памяти другіе историческіе примѣры такихъ столкновеній, гдѣ обѣ стороны «по-своему правы». Черезъ нѣсколько минутъ пришлось это занятіе бросить или мысленно повторить весь учебникъ исторіи отъ первой страницы до послѣдней. Нѣтъ, повидимому, такого конфликта между группами, гдѣ одна группа была бы абсолютно неправа, — ежели судить объективно. Однажды я былъ въ Москвѣ и видѣлъ «Вишневый садъ»; это — очень грустная повѣсть о томъ, какъ разрушается многое прекрасное и благородное оттого, что въ жизнь ворвался чумазый разночинецъ. Люди, которыхъ отцы и дѣти создавали и холили вишневый садъ, и которые пятьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ предвидѣли

это послѣдствіе демократизаціи міра и старались не допустить ея, были «по своему правы», ежели судить объективно. Или возьмемъ болѣзненно живой примѣръ: Ирландія и Ульстеръ. Ульстеръ населенъ не злодѣями, въ немъ живутъ порядочные люди, уважающіе свободу и самоуправленіе; однако при словѣ «гомруль» у нихъ волосы встаютъ дыбомъ и они готовы на безумства, лишь бы чего-то не допустить, что-то отстоять. И тамъ люди, очевидно, «по-своему правы».

Весь вопросъ только въ томъ, слѣдуетъ ли «судить объективно»; и если слѣдуетъ, то когда? Я полагаю, что судить объективно слѣдуетъ, но черезъ много лѣтъ послѣ того, какъ борьба кончилась. Не раньше. Пока длится конфликтъ, нужна людямъ не объективность, а нѣчто другое. Что? На этотъ вопросъ мнѣ отвѣтила другая лента въ кинематографѣ.

На сей разъ это была «Хижина дяди Тома». Сказано, что «Contract Social» сдѣлалъ французскую революцію, а «Записки охотника» освободили крестьянъ. Но, конечно, Бичеръ-Стоу побила всѣ рекорды въ смыслѣ прямого вліянія книги на событія. Въ чемъ было обаяніе этой книги? Что это за книга? Хорошо ли она написана? Смѣшно сказать: на послѣдній вопросъ ужасно трудно отвѣтить. Я въ послѣдній разъ читалъ «Хижину дяди Тома», когда получилъ ее въ награду при переходѣ изъ перваго класса во второй. Помню, что это была книжка съ картинками, ужасно интересная. Всѣ мои знакомые тоже больше ничего не помнятъ. Спросить некого. Перечитать? Некогда. Такъ и придется оставить вопросъ неразрѣшеннымъ навѣкъ: хорошо ли написана книга, сдѣлавшая безсмертное дѣло и ставшая сама безсмертной. Она безсмертна: будутъ милліоны людей, которые не прочтутъ никогда ни Руссо, ни «Записокъ охотника»; но черезъ «Хижину дяди Тома» всѣ они пройдутъ, какъ черезъ Робинсона, Гулливера или корь. Ибо, хорошо или плохо написана эта книга, но одно въ ней есть безсмертное. Это — вѣра въ одну единственную правду, — безповоротную, безоговорочную, безъ торга и уступки. Вудро Вильсонъ, нынѣ президентъ Соединенныхъ Штатовъ, увѣ-

ряетъ, что Бичеръ-Стоу изобразила въ своемъ романѣ рядъ рѣдкихъ исключеній, выдавъ ихъ за правило; онъ — не единственный честный историкъ, который такого мнѣнія. Но это все равно. Если такія вещи были возможны, если онѣ просто были мыслимы, — хотя бы ихъ даже никогда не случалось, — то пусть ударитъ молнія съ неба и сожжетъ нашъ міръ. Вудро Вильсонъ и другіе честные историки утверждаютъ, что Югъ не былъ виноватъ, что нѣкоторые южные штаты еще до отпаденія отъ Англіи пытались запретить ввозъ негровъ, но Англія не согласилась; а потомъ рабство постепенно стало фундаментомъ всей жизни, и уже нельзя было отъ него отказаться. Но это все равно, — пусть упадетъ фундаментъ и пусть все рушится во имя справедливости. Вильсонъ и другіе настаиваютъ, что среди рабовладѣльцевъ Юга преобладали люди порядочные и гуманные. Развѣ «Хижина дяди Тома» это отрицаетъ? Если я вѣрно помню, тамъ большинство господъ дѣйствительно хорошіе люди; здѣсь на фильмѣ они почти всѣ были хорошіе. Но и это все равно. Пусть идутъ по-міру хорошіе люди. если такъ слѣдуетъ. «Правда на свѣтѣ одна, и она вся у меня», вотъ что, повидимому, написано въ этой безсмертной книжкѣ съ картинками.

Макъ-Донна, одинъ изъ разстрѣлянныхъ вождей ирландскаго мятежа, писалъ стихи по-англійски. Одно его стихотвореніе называется «Поэтъ-вождь». Тамъ сказано: «Они звали его своимъ королемъ, вождемъ людей; и онъ велъ ихъ въ теченіе одного славнаго года, и побѣдилъ ихъ врага». Но потомъ онъ началъ задумываться. «Его сердце тихо заговорило». Оно говорило очень долго, — у меня уже нѣтъ мѣста передать всѣ слова, — но они приблизительно сводились къ тому, что все на свѣтѣ мимолетно и относительно, и въ сущности одной правды нѣтъ. Такъ онъ думалъ, думалъ, думалъ, — и надоѣлъ своимъ людямъ. «Тогда они выбрали вождемъ суроваго, увѣреннаго человѣка, что не оглядывался назадъ на безплодные пустыри прошлаго; онъ дрался за свою страну въ первомъ ряду и далъ ей миръ и славу».

СОЛЬВЕЙГЪ
(1915)

По воскресеньямъ иногда къ хозяйкѣ приходитъ племянница; мужъ ея — солдатъ, она служитъ бонной въ Кенсингтонѣ и получаетъ выходной день разъ въ двѣ недѣли. У хозяйки внизу маленькая гостиная, и тамъ стоитъ фортепіано; племянница играетъ слабо, но настойчиво, иногда упражненія, а иногда что-нибудь такое, что играютъ въ кинематографѣ. Въ послѣднее воскресенье, пріотворивъ свою дверь, я сверху услышалъ, какъ она разбирала первые такты чего-то знакомаго. Пѣсня Сольвейгъ? Очевидно. Я захлопнулъ дверь. Въ Европѣ не осталось, кажется, ни одного разстроеннаго піанино, изъ котораго не исторгалась бы хоть разъ въ недѣлю пѣсня Сольвейгъ; мы даже какъ-то спорили съ однимъ пріятелемъ, что больше надоѣло, — пѣсня Сольвейгъ или Тіпперэри; но я не думалъ, что она проникла даже въ нашъ древній переулокъ, забытый Богомъ, и что ее можно такъ плохо играть. Я захлопнулъ дверь, — она у меня толстая.

«Быть-можетъ, пройдетъ и зима, и весна, и потомъ лѣто за ними, и весь годъ; но когда-нибудь ты вернешься, — я это знаю навѣрно; и я буду ждать, потому что я такъ обѣщала на прощанье. Пусть сохранитъ тебя Богъ, гдѣ бы ты ни скитался на свѣтѣ; пусть помилуетъ тебя, если ты стоишь у подножія Его. Здѣсь я буду ждать, пока ты не вернешься; а если ты ждешь меня наверху, мы встрѣтимся тамъ, мой другъ». Хорошія слова, настоящія. Новалисъ говорилъ о стилѣ Гете: einfach, nett und dauerhaft. Любопытно, что та же похвала, точь въ точь, встрѣчается у Толстого по другому поводу: у Нехлюдова всѣ вещицы туалета отличаются свойствами дорогихъ вещей, — онѣ «изящныя, прочныя и не-

замѣтныя». Вѣроятно, это и есть высшая похвала на свѣтѣ Ибсенъ ее честно заслужилъ въ этихъ восьми строчкахъ безъ размѣра. Хороша ли музыка Грига, я ужъ не въ состояніи судить. Когда-то она была очень трогательна, но теперь она каждому человѣку напоминаетъ сразу всѣхъ его кузинъ. Слава Богу, что словъ Ибсена почти никто не помнитъ, иначе и они бы уже надоѣли.

Какъ несправедливо устроенъ нашъ внутренній міръ, что лучшія вещи, — образы, звуки, идеи, — по мѣрѣ популяризаціи теряютъ для насъ свою цѣнность. Это недемократично Мы требуемъ просвѣщенія для всѣхъ, мы мечтаемъ о времени, когда вкусъ массы будетъ въ среднемъ такъ же утонченъ, какъ теперь вкусъ интеллигенціи; но когда мы достигнемъ этого идеала, авторы откажутся писать, композиторы и художники забастуютъ. Ибо сложнѣйшія симфоніи моментально будутъ включаться въ музыкальную программу кинематографа и ресторана, и публика, — публика будетъ поднѣвать! Въ каждой цырюльнѣ будутъ красоваться слѣпки съ Родэновъ того времени, и на столѣ, для развлеченія гг. кліентовъ, ожидающихъ очереди бриться, въ живописномъ безпорядкѣ будутъ разбросаны произведенія Софокловъ той эпохи. Въ тотъ вѣкъ геніи забастуютъ и потребуютъ закрытія школъ. Слава имѣетъ свои предѣлы, дальше которыхъ она превращается въ непріятность, которую трудно переварить.

Это относится даже къ прообразамъ. Всѣ мы знаемъ, какъ это смѣшно, когда Гамлетъ, напримѣръ, становится бытовымъ явленіемъ и проникаетъ въ Щигровскій уѣздъ. Почему? Эльсиноръ не больше Щигровъ, — а въ то время онъ былъ, несомнѣнно, даже куда грязнѣе, чѣмъ Щигры. Дѣло не въ мѣстѣ, даже не въ санѣ королевича, дѣло только въ количествѣ. Одинъ Гамлетъ, это — поэтично, сто Гамлетовъ, это — смѣшно. Хуже того: никто даже не признаетъ въ нихъ Гамлетовъ, хотя бы они были, какъ двѣ спички изъ одного коробка, похожи на свой прообразъ. Или вотъ еще примѣръ, изъ нашего нынѣшняго быта. Вы ѣдете на крышѣ омнибуса. За вами вскарабкивается кондукторша; на ней — глупая

мужская фуражка и блестящія пуговицы; омнибусъ качаетъ, и она неловко задѣваетъ боками за спинки сидѣній; вамъ полагается большая сдача, и она, разставивъ сапоги, лѣзетъ въ какой-то десятый карманъ, гдѣ у нея бумажки. Извольте въ этомъ видѣ угадать ея прообразъ. Далеко на сѣверѣ — гора, на горѣ — лѣсъ, въ лѣсу — шалашъ; тамъ сидитъ женщина, прядетъ свою пряжу, думаетъ о комъ-то, кто далеко, можетъ-быть, въ волнахъ подъ бурей, можетъ-быть, въ бою подъ огнемъ, — и она поетъ: «Пусть сохранитъ тебя Господь, гдѣ бы ты ни былъ»... Легко ли распознать тихій голосъ Сольвейгъ въ этомъ бодромъ окрикѣ мужиковатой кондукторши: Кому билетъ? А вѣдь это она.

А, можетъ-быть, и не она. Я еще, такъ сказать, не рѣшилъ для себя этой проблемы: существуетъ ли теперь въ природѣ Сольвейгъ, хотя бы новая по внѣшности, но въ душѣ та же, или вымеръ этотъ типъ, и легкомысленный вѣкъ нашъ создалъ жену изъ другого ребра? Иногда мнѣ кажется, что Сольвейгъ только переодѣлась, но жива; только ноги ея по необходимости топчутъ наши мостовыя среди людской толкотни, но душа ея далеко, въ шалашѣ на горѣ, и въ ушахъ ея звучитъ *его* послѣднее слово: vente — жди; она выдаетъ билеты, или служитъ при лифтѣ, или разноситъ письма, или пишетъ на машинкѣ, или упаковываетъ снаряды, — но вѣдь это въ сущности то же, что нитка и веретено; и въ сердцѣ у нея, если ты способенъ подслушать, ты услышишь пѣсню и тѣ же слова — «вѣчныя, прекрасныя и незамѣтныя». Это все мнѣ кажется иногда. Но иногда мнѣ кажется иначе: мнѣ кажется, что передъ нами — совсѣмъ другая женщина, у которой, насколько знаю, нѣтъ еще прообраза въ литературѣ. Сольвейгъ въ сущности много разъ повторяется въ литературѣ; иногда это — крестьянка, иногда принцесса; иногда прядетъ, иногда ничего не дѣлаетъ, однѣ поютъ, другія молчатъ, но у нихъ одно общее, — онѣ «глядятъ на дорогу». Онѣ тоскуютъ и ждутъ; въ этомъ вся душа ихъ; грустью вѣетъ отъ нихъ, иногда затаенной, иногда явной. Вѣетъ ли грустью отъ Сольвейгъ нашего времени? Глядитъ ли она на дорогу? Часто ли? Не разберешь...

Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что Сольвейгъ нашихъ дней, за исключеніемъ исключеній, тоскуетъ по своемъ воинѣ, боится и молится за него, если умѣетъ молиться. Но когда присмотришься къ женской толпѣ въ тѣхъ разныхъ странахъ, что я перевидалъ за эту войну, трудно убѣдить себя, что это чувство главное. Впечатлѣніе скорѣе получается такое, что есть между прочимъ и это чувство, но оно не вытѣсняетъ, какъ бывало когда-то въ шалашахъ на горѣ, всѣ другія настроенія; напротивъ, часто эти другія настроенія одолѣваютъ и захватываютъ первый планъ. Что это за другія настроенія? Самыя разнообразныя, — начиная съ охоты работать и кончая охотой танцовать, — но всѣ они отличаются одной чертой, — они ярко-мажорныя. Понятно, это не относится къ той Сольвейгъ, которая получила грустную вѣсть съ фронта и надѣла черный крепъ: мы съ глубокимъ поклономъ отходимъ въ сторону, она больше не предметъ для нашихъ наблюденій; но она — меньшинство, и, слава Богу, всегда останется меньшинствомъ. Мы говоримъ объ остальномъ большинствѣ, — о тѣхъ, у кого есть еще въ окопахъ любимый человѣкъ, мужъ, сынъ, братъ, отецъ; общій тонъ этой женской массы въ наши дни несомнѣнно ближе къ мажорной гаммѣ, чѣмъ къ минорной. Какая-то неожиданная бодрость просвѣчиваетъ въ каждомъ ихъ проявленіи; тѣ, которыя работаютъ въ родѣ описанной кондукторши, — бодро работаютъ, тѣ, которыя наряжаются,—придумали задорную моду; тѣ, которыя ходятъ по театрамъ, — ходятъ на веселыя пьесы. Было ли это такъ въ прежнія войны? Мы уже забыли. Врядъ ли, впрочемъ, можно сравнивать: никогда еще столько народу не уходило на войну, и никогда Сольвейгъ не составляли такой огромной части населенія. При прежнихъ войнахъ онѣ растворялись въ обществѣ; теперь онѣ — одинъ изъ главныхъ элементовъ общества, и не только въ гостиной или на улицѣ, но и за прилавкомъ, и на заводахъ, и въ конторѣ; не онѣ теперь поддаются настроенію общества, — скорѣе наоборотъ. И тѣмъ не менѣе въ старину про нихъ писали такъ: «Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи, смотритъ въ поле, инда очи разболѣлись глядючи»... А теперь? Конечно, Сольвейгъ и

теперь глядитъ на дорогу, отъ времени до времени, въ минуты, свободныя отъ другихъ заботъ.

Причинъ этой перемѣны много. Одна изъ нихъ очень прозаична. Я отнюдь не хочу оскорбить память ибсеновской героини, «обосновавъ» ея психологію при помощи упрощеннаго марксизма; но все-таки надо помнить, что поэтическая минорность ея настроеній прочно опиралась на экономическія непріятности, связанныя съ уходомъ мужчины, хотя бы и такого безпутнаго, какъ Перъ Гюнтъ. Уходъ мужей и братьевъ на войну означалъ когда-то бѣдность или прямо нищету, самоуправство сосѣдей, полную беззащитность; каждая мелочь каждаго дня горько напоминала объ отсутствіи кормильца и заступника. Эта сторона картины теперь сильно измѣнилась. Какъ во времена пещернаго человѣчества, опять война стала всенароднымъ занятіемъ, въ которомъ участвуютъ старики, женщины и дѣти, кто чѣмъ гораздъ; чѣмъ страна культурнѣе, тѣмъ лучше и полнѣе можетъ она использовать всѣхъ своихъ людей, — и тѣмъ больше денегъ сыплетъ она въ карманы, въ мирное время пустые. Уже стало избитой истиной повторять, что никогда не было столько денегъ въ рукахъ средняго и низшаго класса. Вздорожаніе жизни, по крайней мѣрѣ, здѣсь, на Западѣ, далеко еще не поглотило этого избытка. Низшіе классы въ общемъ никогда такъ хорошо не питались и не одѣвались. Передъ Сольвейгъ распахнулись внезапно возможности, о какихъ она и мечтать не смѣла; онѣ всячески выманиваютъ ее изъ шалаша и отвлекаютъ ея вниманіе отъ дороги. Она можетъ пріобрѣсти шкафъ и кресло, она можетъ давать дѣтямъ молоко и сунуть имъ въ руку мѣдную монету на леденцы; наконецъ . . . она можетъ купить ту шляпу съ цвѣтами со всѣхъ сторонъ. Она ходитъ въ кинематографъ при каждой смѣнѣ программы. Это относится не только къ простонародью. Всѣ торговцы подтверждаютъ, что и покупательная сила средняго класса возросла. Экономисты качаютъ головами и скорбно говорятъ, что это — изобиліе лживое и безпочвенное. Это къ дѣлу не относится: оно пока есть, оно чувствуется, и оно каждый день понемногу вплетаетъ въ пѣсню Сольвейгъ мажорные тона.

Это — не единственная причина перемѣны. Вотъ еще одна, — болѣе щекотливаго характера; будемъ говорить о ней осторожно, обиняками. Она находится въ связи съ такъ называемымъ распадомъ быта, разрушеніемъ устоевъ, ослабленіемъ семейнаго начала и другими подобными болѣзнями вѣка. Началось это задолго до войны; кто говоритъ — десятки лѣтъ тому назадъ, а кто — сотни (я говорю: тысячи). Но *эта* война съ ея неожиданными особенностями, страшно ускорила процессъ. Разложеніе «началъ» шло себѣ медленно, открашивались крошки, отслаивались чешуйки, но не больше. Война сразу вылила въ міровой котелъ громадное ведро какой-то страшно ѣдкой кислоты. Давно уже людямъ такъ наглядно не показывали, что «все можно», что принципы, договоры, обѣщанія, прогрессъ, традиціи, свобода, гуманность, — все это труха, шелуха и чепуха. Все можно: можно топить женщинъ и дѣтей, сжигать людей живьемъ, выкуривать ихъ какъ гадюкъ изъ разсѣлины, выгонять сотни тысячъ народу на большую дорогу и гнать ихъ голодными чортъ знаетъ куда, вѣшать и бить, и насиловать. Это все уроки, это все заучивается наизусть и перерождаетъ совѣсть человѣческую. Но такое перерожденіе всегда идетъ въ ту сторону, которую мы назвали мажорной. Большая чума всегда порождаетъ пиръ во время чумы. Въ Италіи, въ безпокойный вѣкъ, когда на каждомъ шагу можно было получить ударъ ножомъ въ спину, мудрый государь написалъ безсмертныя слова: «Кто хочетъ веселиться, веселись, — что будетъ завтра, неизвѣстно». Эта простая аргументація дѣйствуетъ на людей непобѣдимо, особенно когда ее намъ подсказываютъ не слова, а факты.

Вотъ разсказъ одного господина: онъ — подданный нейтральной державы, живетъ по дѣламъ въ одной изъ воюющихъ державъ, сюда наѣзжаетъ рѣдко; ему нѣтъ 40 лѣтъ, онъ высокъ и одѣвается элегантно. Онъ разсказалъ мнѣ это въ одинъ изъ наѣздовъ сюда. Я передаю, конечно, своими словами. Въ томъ городѣ, гдѣ онъ живетъ по дѣламъ, у него есть много друзей. Одинъ изъ нихъ — человѣкъ немолодой, котораго только недавно призвали на войну. У него жена лѣтъ 32-хъ и дѣти. Уѣзжая, онъ сказалъ моему знакомому:

«Я ихъ оставляю подъ твоей защитой». Мой знакомый порядочный человѣкъ; онъ отнесся къ дѣлу честно, бывалъ въ домѣ два раза въ недѣлю и оказывалъ г-жѣ X. всякія услуги. Почти онъ всегда засиживался у нея долго, потому что она женщина интересная и изящная, и они бесѣдовали о разныхъ разностяхъ, между прочимъ иногда о войнѣ и объ ея мужѣ. Какъ Паоло и Франческа до той роковой страницы, они «были одни и ничего не опасались», — въ томъ числѣ и самихъ себя. Мой знакомый — порядочный человѣкъ и вѣренъ своимъ друзьямъ; г-жа X. выше всякихъ подозрѣній. Но они очень подружились. Они уже знали другъ о другѣ всѣ мелочи жизни и понимали другъ друга съ полуслова. Она разсказала ему свою молодость и біографію своего сердца до выхода замужъ; біографія ея сердца на этомъ остановилась. Біографія его сердца была много длиннѣе и имѣла также страницы, совсѣмъ недавно исписанныя. Все это они читали вмѣстѣ. Читать вмѣстѣ небезопасно. Франческа говоритъ: «Много разъ это чтеніе заставляло наши взоры встрѣчаться и лица наши блѣднѣть». Но все это было въ порядкѣ. Мой знакомый — порядочный человѣкъ, и г-жа X. тоже; дружба съ такимъ ароматомъ чего-то большаго, чѣмъ дружба, все-таки можетъ остаться хорошей дружбой, если онъ и она — благородные люди.

Все было въ порядкѣ, пока вдругъ не подвернулась роковая страница. Кто ее написалъ, мы никогда не узнаемъ; этотъ таинственный авторъ, закутанный какъ чучело, въ выпуклыхъ очкахъ, пролетѣлъ въ ту ночь высоко-высоко надъ домами и швырнулъ внизъ четыре тяжелыя жестянки. Первая разорвалась въ ста шагахъ отъ дома; впечатлѣніе было, какъ будто она взорвалась въ сосѣдней комнатѣ и сейчасъ все рухнетъ, — потолокъ, стѣны, домъ, весь міръ. Г-жа X. даже не вскрикнула: она поднялась и быстро пошла въ комнату дѣтей. Второй взрывъ прозвучалъ дальше, третій еще дальше, четвертый едва донесся; но еще долго послѣ того продолжалась суматоха на улицѣ и въ домѣ, звучали шаги, голоса и дѣти хныкали и не засыпали. Уже было поздно, когда они опять сидѣли въ гостиной. Онъ спросилъ: мнѣ пора?

Она его удержала разсѣяннымъ жестомъ, какъ-будто хотѣла сказать: что мнѣ до приличій, когда міръ вотъ такой. Въ вознѣ съ дѣтьми распустились ея косы; она стала было обвертывать ихъ вокругъ головы, но бросила, и повторила тотъ жестъ: зачѣмъ это, разъ міръ такой? Мой знакомый говоритъ, что у нея — хорошія косы и что блѣдность отъ волненія къ ней очень шла. И онъ почувствовалъ въ атмосферѣ что-то новое. Мой знакомый — плохой психологъ, и не могъ бы точно опредѣлить, что это было. Но онъ смутно чувствовалъ, что теперь на свѣтѣ все какъ-то стало сразу проще. Тысячи вещей стали неважными и ненужными. Зачѣмъ эта люстра на потолкѣ, если черезъ минуту, можетъ-быть, и потолка не останется? Къ чему прическа, къ чему всѣ правила жизни и морали, къ чему весь этотъ сложный хламъ традицій, если можно бросать бомбы съ неба? Разъ можно, — тогда все можно. Вотъ выгорѣла одна изъ лампочекъ, въ гостиной стало полутемно; можно зажечь другую, но зачѣмъ? Это прежде нельзя было вдвоемъ сидѣть въ потемкахъ, а теперь все можно. Г-жа Х. заговорила такъ тихо, что онъ долженъ былъ сѣсть ближе, и она не отодвинулась. Голосъ у нея былъ новый; онъ волновалъ ихъ обоихъ. Мой знакомый чувствовалъ, что теперь можно взять ее за руку, — она оставитъ руку въ его рукѣ. Мой знакомый... мой знакомый — порядочный человѣкъ, онъ попрощался и ушелъ.

Я передалъ это, какъ уже сказано, своими словами, и довольно далеко отъ подлинника; въ особенности боюсь, что конецъ я измѣнилъ до неузнаваемости. Мнѣ нужна была только иллюстрація къ разсужденію о томъ, какъ большая чума подстрекаетъ людей пировать. Этимъ я никакъ не хочу сказать, что г-жа Х. — бытовое явленіе нашихъ дней. Можетъ-быть мой знакомый — хвастунъ, и просто выдумалъ ее; наконецъ, читатель можетъ рѣшить, что это я выдумалъ и его, и ее, и всю исторію. Это все не существенно; притча, даже если она — правда, ничего не доказываетъ; она только разъясняетъ мысль, и дѣлаетъ это осторожно.

...Самое курьезное оказалось то, что хозяйкина племянница и не думала играть пѣсню Сольвейгъ. Когда я опять отворилъ дверь, она какъ-разъ опять начала свою пьесу сначала, и черезъ двѣ минуты я понялъ свою ошибку. Я давеча слишкомъ поторопился захлопнуть дверь. Дѣйствительно, первые такты напоминаютъ пѣсню Сольвейгъ; но потомъ идетъ совсѣмъ другая музыка. Эту вещь я слышалъ въ кафешантанахъ; она называется «Послѣднее танго». «Подъ знойнымъ небомъ Аргентины я съ ней, подъ звуки мандолины, плясалъ послѣднее танго»... И все-таки первые такты удивительно похожи. Сознательно ли сбокралъ кафе-шантанный композиторъ Грига? Или же есть какая-то связь, какой-то законный для нашего времени переходъ отъ скорби къ модному танцу? Не разберешь.

ГОРОСКОПЪ

(1 января 1912 г.)

Въ день Новаго года газеты обыкновенно помѣщаютъ обзоръ событій истекшаго года: нѣсколько обзоровъ — политическій, экономическій, литературный, художественный. Не завести ли новый обычай: печатать въ этотъ день обзоръ событій *наступающаго* года? Нѣчто вродѣ гороскопа новорожденному annus Domini MCMXII. Конечно, никакой гороскопъ не можетъ быть составленъ съ ручательствомъ за безошибочность. Предсказаніе всегда гадательно; если не сбудется, просятъ не серчать. Но полезно, все-таки, подсчитать, съ какими шансами Европа вступаетъ въ 1912-ый годъ, какія завязки ждутъ своихъ развязокъ, какія сѣмена зрѣютъ въ нѣдрахъ времени. Стоило бы поговорить объ этомъ и серьезно, съ фактами и цифрами подъ рукой. Но тогда нѣтъ смысла печатать это въ новогоднемъ номерѣ, который читается людьми, еще не переварившими богатырской вчерашней выпивки. Остается одно: говорить объ этихъ важныхъ матеріяхъ въ стилѣ легкой causerie, такъ, чтобы подъ каждымъ словомъ чувствовался припѣвъ: не любо, не слушай.

Итакъ — мы начинаемъ.

Прежде всего, на первой очереди событій въ Европѣ стоитъ великая война. Та война, которой міръ такъ боится и въ то же время съ такимъ болѣзненнымъ, жуткимъ любопытствомъ ждетъ. Война въ центрѣ Европы, между двумя (или больше) первоклассными культурными державами, во всеоружіи грандіозныхъ безумствъ нынѣшней техники, съ уча-

стіемъ земныхъ, морскихъ, подводныхъ и поднебесныхъ войскъ, съ невѣроятнымъ количествомъ человѣческихъ жертвъ и съ такими денежными убытками, прямыми, косвенными и отраженными, для которыхъ, чудится, не хватитъ цифръ въ ариѳметикѣ. Эта война должна разразиться между Англіей и Германіей. Вопросъ только въ томъ, удастся ли Европѣ локализировать ее между этими двумя государствами; и вопросъ еще въ томъ, дѣйствительно ли буря грянетъ въ 1912 году — или отсрочится, съ грѣхомъ пополамъ, еще на нѣсколько мѣсяцевъ. Но что война неизбѣжна, какъ неизбѣженъ вечеръ послѣ дня, объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Обыкновенно, когда человѣкъ предсказываетъ войну, надъ нимъ подтруниваютъ: легко, молъ, дѣлать политику, сидя въ клубѣ, кафе или трактирѣ и измышляя хитроумныя комбинаціи между англичанкой, французомъ и нѣмчурой. Но тутъ положеніе обратное: посмѣяться можно только надъ тѣмъ, кто не видитъ совершенно очевидной неизбѣжности этой войны, отъ которой вся охнетъ и зашатается земная поверхность.

На землѣ есть островъ, обыкновенный островъ средней величины; онъ меньше многихъ другихъ острововъ — меньше Борнео, Суматры, Мадагаскара, Новой Зеландіи. Если бы двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, когда впервые стали доходить до центра тогдашней цивилизаціи — до Рима — болѣе или менѣе точные слухи объ этомъ островѣ, — если бы тогда вы спросили самаго проницательнаго изъ образованныхъ римлянъ, какая предстоитъ судьба жителямъ Альбіона, тотъ бы пожалъ плечами и отвѣтилъ: — Вѣроятно, будутъ плестись, прихрамывая, въ хвостѣ цивилизаціи. Альбіонъ — островъ, слѣдовательно онъ отрѣзанъ отъ всѣхъ рессурсовъ, обреченъ вариться въ собственномъ соку. Кареагенъ никогда не достигъ бы морского величія, если бы выстроенъ былъ на островѣ; опора его мощи была въ туземныхъ войскахъ, которыя черпались изъ неистощимой глубины африканскаго материка. Безъ этого чернаго фонда никакого значенія не имѣли бы ни мореходные таланты кареагенянъ, унаслѣдованные отъ Тира и Сидона, ни лукавство ихъ — perfidia plus quam pu-

піса; они остались бы мелкими торгашами и мелкими пиратами, и Ганнибалъ поступилъ бы на римскую службу. Островъ есть второстепенный придатокъ къ материку; этимъ все сказано.

И вотъ, Англія стала величайшей изъ имперій, величайшей по духу и величайшей по пространству. Въ лучшихъ точкахъ земного шара раскинуты ея владѣнія. Нѣтъ другой короны, подъ которой было бы сосредоточено столько христіанъ, столько мусульманъ, столько бѣлыхъ, столько негровъ. Поразительно сложно и разнообразно все въ ея владѣніяхъ: этническій и религіозный составъ населенія, формы управленія и формы эксплоатаціи колоній со стороны метрополіи, разнообразны и самые размѣры отдѣльныхъ территорій. Подобно умному хозяину, который одинаково заботливо бережетъ и огромныя помѣстья, и маленькій прудъ, ибо всему знаетъ цѣну, такъ Англія цѣпко держитъ въ желѣзной рукѣ и Канаду, которая въ тридцать разъ больше своей метрополіи, и булавочную головку Гибралтара. Политическій строй ея колоній охватываетъ всѣ мыслимыя формы, отъ самодержавной монархіи до федеративной республики; съ изумительнымъ чутьемъ реальнаго знаетъ маленькая Англія, какъ съ кѣмъ ладить и какъ надъ кѣмъ владычествовать, и въ ея запасѣ имѣются безчисленные образцы цѣпей — однѣ для Австраліи, совсѣмъ другія для Индіи, опять особыя для Египта и совершенно своеобразныя для Трансвааля; эти цѣпи иногда невидимы, неощутительны, какъ паутина, иногда тяжки и массивны, какъ тѣ, на которыхъ, по индусскому повѣрью, привѣшена земля — и которыя, говоритъ браминъ, никогда не порвутся.

И всѣ эти цѣпи, цѣпочки и нити сходятся въ одномъ узлѣ — на небольшомъ островѣ, который во сто разъ меньше своей имперіи. Какъ могла создаться такая мощь? И — еще больше диво — разъ создавшись, какъ могла она уцѣлѣть? Это — тайна той мистической сущности, которой имя — національный геній; но, во всякомъ случаѣ, мы знаемъ и всѣ можемъ назвать по имени ту внѣшнюю форму, въ которую вылилась эта загадочная, необъяснимая сила. Эта

форма — первенство на морѣ. Если бы не оно, скромный островъ, окутанный туманами, не могъ бы ни покорить, ни удержать всѣ эти необозримыя пространства, населенныя сотнями милліоновъ и отдѣленныя отъ центра десятками тысячъ миль. И тогда не было бы великой Англіи, ни ея богатства, ни ея могучей культуры, возросшей на сокахъ этого богатства. Съ тѣхъ поръ, какъ Англія сознаетъ себя великой тѣломъ и духомъ, Англія знаетъ, что источникъ и опора ея величія — въ морскомъ первенствѣ. Потеря морского первенства есть начало конца. Смѣшно думать, что Англія съ этимъ примирится.

До сихъ поръ считалось, что, кромѣ Англіи, всякая держава стремится имѣть на морѣ столько боевыхъ единицъ, сколько ей нужно въ обрѣзъ. Это было въ порядкѣ вещей и никого не тревожило. Теперь картина измѣнилась. Германія готовится переступить черезъ обычную норму; она не хочетъ довольствоваться тѣмъ, что необходимо; молодая Германія расправляетъ мышцы, чувствуетъ, какъ переливаются, играютъ по косточкамъ свѣжія, неиспользованныя силы, — и хочетъ помѣряться этими силами съ самодержцемъ океановъ. «И рукою дерзновенной хвать за вражескій вѣнецъ». Трудно сказать, какія побужденія лежатъ воистину въ основѣ этой затѣи. Нельзя отрицать, что преобладаніе на морѣ дало бы Германіи несмѣтныя выгоды, окупило бы даже дикія затраты морского бюджета; но неоспоримо и то, что въ этомъ случаѣ германская политика слѣдуетъ скорѣе порывамъ самолюбія своихъ вождей, чѣмъ ясно-сознанному голосу матеріальнаго расчета. Можетъ быть, лучшимъ выходомъ изъ положенія была бы, поэтому, перемѣна на тронѣ Гогенцоллерновъ. Если бы на тронѣ было поменьше фантазіи и поменьше энергіи, можетъ быть нѣсколько замедлилась бы эта скачка въ перегонки съ соперникомъ, который не можетъ и не долженъ уступить, — эта игра съ огнемъ, въ которомъ могутъ расплавиться даже тѣ желѣзные обручи, что 40 лѣтъ назадъ сковали изъ осколковъ единую Германію.

Когда разразится война? Можетъ быть и въ наступающемъ году; чѣмъ скорѣе, тѣмъ вѣроятнѣе. Англія не

можетъ ждать. Черезъ 12 лѣтъ будетъ слишкомъ поздно; слѣдовательно, и черезъ шесть лѣтъ уже будетъ плохо. То, что затѣваетъ Германія, есть революція, революція мірового размѣра, которая должна перебросить политическую ось міра, передвинуть полюсы. Если революцію можно задушить, то только въ зародышѣ. Въ Англіи это понимаютъ. Говорятъ, мы были наканунѣ взрыва, когда шли переговоры о Марокко; говорятъ, что только ложная робость британскаго главнаго штаба помѣшала Англіи вмѣстѣ съ Франціей схватить Германію за руки и за горло. Если не вчера, то завтра. Этого рифа Европѣ не обойти. Мы своими глазами увидимъ «европейскую войну», то ужасное, чѣмъ мы столько лѣтъ пугаемъ и запугиваемъ другъ друга, тотъ кошмаръ, изъ страха предъ которымъ державы такъ напряженно берегутъ иллюзію мира, оттягивая со дня на день разрѣшеніе давно созрѣвшихъ споровъ. Мы своими глазами увидимъ, своими ушами услышимъ. И, кто знаетъ, можетъ быть и своими боками почувствуемъ. Ибо въ такомъ пожарѣ вѣдомо будетъ только одно — гдѣ его начало; но кто знаетъ, гдѣ будетъ его конецъ? Паника овладѣетъ Европой въ ту минуту; одинъ крикъ подымется изъ милліоновъ гортаней: локализируйте войну, не дайте вовлечь въ нее сосѣдей! И правительства, гонимыя ужасомъ, напрягутъ, должно быть, всѣ силы, натянутъ узду до послѣдняго предѣла, чтобы не сорваться съ покатаго склона и не влетѣть въ страшную сферу кроваваго циклона. Но удастся ли это? Надъ полемъ большой войны встаетъ заражающая атмосфера безумія, въ особенности надъ полемъ такой войны, которой всѣ давно и съ содроганіемъ ждутъ. Со дна души подымутся потаенные инстинкты, долго подавленные аппетиты, зачешутся руки, заворчатъ злые, жадные голоса, послышатся старые, полузабытые упреки, выплывутъ изъ забвенія старые счеты, воздухъ наполнится предчувствіемъ грозы, и вдругъ кто-то гдѣ-то вскрикнетъ, двинется, ринется, толкнетъ сосѣда, тотъ вздрогнетъ и отвѣтитъ — и готово, все загорѣлось, все смѣшалось въ міровой свалкѣ, нѣтъ уже ни правыхъ, ни виновныхъ, и нельзя понять, кто разбитъ и кто

побѣдитель, и кто чего требуетъ и кто въ чемъ отказываетъ:

«Хлещетъ багровый потокъ, затопляя въ бушующей лавѣ
Богомъ разрушенный міръ и вздымаясь до горныхъ оглавій:
Дико взревѣла земля — смѣшалось небо съ пустыней,
Тучи съ сыпучимъ пескомъ въ единой бурлящей пучинѣ. —
И, отъ шакала до льва, до могучаго льва великана,
Все закружилось, какъ пыль, въ безумномъ кольцѣ урагана.»

Впрочемъ, это уже поэзія и фантазія. Это все можетъ случиться, можетъ и не случиться. Въ гороскопѣ этого нѣтъ. Въ гороскопѣ написано только то, что неизбѣжно; въ 1912 году или немного позже, но неизбѣжно...

МУЗА МОДЫ

(1916)

Полночь. На Страндѣ-улицѣ тьма цепелинская, но мы сидимъ въ hall'ѣ гостиницы имя рекъ; здѣсь свѣтло и шумно. Гостиница имя рекъ славится тѣмъ, что въ Лондонѣ есть старая острота: англичане ходятъ туда «*послушать*, какъ иностранцы ѣдятъ супъ». Это не значитъ, что въ гостиницѣ имя рекъ селятся только неблаговоспитанные иностранцы; напротивъ, она по карману только благовоспитаннымъ иностранцамъ. Но англичане находятъ, что даже самые приличные иностранцы не умѣютъ держать себя за столомъ вполнѣ какъ слѣдуетъ. Можетъ-быть, это и правда. Сами англичане въ этомъ отношеніи большіе мастера; они ѣдятъ ужасно невкусныя вещи, но ѣдятъ со вкусомъ. Въ часъ дня, когда клерки, приказчики, переписчицы, кассирши наполняютъ дешевые рестораны, зайдите въ такой ресторанъ: тамъ тоскливо пахнетъ бараниной, но вся эта небогатая публика держитъ себя, и ножъ, и вилку удивительно изящно. Англичане, которые такими вещами дорожатъ, — и справедливо, — съ гордостью говорятъ о себѣ, что они — первая нація на морѣ и за столомъ.

— Кромѣ того они самая декольтированная нація на свѣтѣ, — говоритъ нашъ пріятель, у котораго мы тутъ въ гостяхъ; онъ — нашъ соотечественникъ, но уже старый парижанинъ и великій англоманъ.

Его замѣчаніе наглядно подтверждается, если осмотрѣться кругомъ. Сидитъ публика за столиками, приходитъ публика изъ театра. Иностранцевъ среди нихъ сравнительно мало, и даже англичане въ большинствѣ — лондонцы, а не провин-

ціалы, хотя это и гостиница, вѣрнѣе, — кафэ при гостиницѣ. Молодые мужчины почти всѣ въ хаки; немногіе во фракахъ, но и у тѣхъ часто забинтованы головы или руки. Женщины очень нарядны, и онѣ сдѣлали все возможное, чтобы поддержать мнѣніе нашего пріятеля. Онъ объясняетъ намъ, — людямъ мѣшковатымъ, не знающимъ свѣтскаго быта и впадающимъ въ меланхолію, когда приходится напялить смокингъ, — что въ Англіи нѣтъ понятія нарядный, парадный, бальный туалетъ, а есть только понятіе вечерній туалетъ. Англійская приличная дама должна быть одѣта по-бальному каждый вечеръ, даже у себя дома; и портнихи строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы вечерній туалетъ, даже когда его шьютъ изъ скромной матеріи, былъ скроенъ по-бальному, — безъ верхушки. Носить по вечерамъ высокія платья, — это все равно, что говорить по-англійски съ простонароднымъ акцентомъ, — клеймо низкаго происхожденія.

Теперь, по случаю войны, все это соблюдается не такъ строго, и даже мужчины иногда обѣдаютъ въ пиджакахъ. Но въ гостиницѣ имя рекъ традиція держится прочно. За сосѣднимъ столикомъ сидятъ пожилой майоръ, его мамаша, молодой лейтенантъ и его барышня: старшей дамѣ — за 50, младшей — около 18-ти, но онѣ обѣ поддерживаютъ традицію въ одинаковой и въ глубокой степени.

— Такъ и надо, — говоритъ нашъ пріятель убѣжденно. — Я не то, что абсолютный сторонникъ этой манеры одѣваться, — скорѣе, напротивъ, особенно въ странѣ, гдѣ такъ много острыхъ локтей. Но во всякомъ случаѣ это мода гордая, знаменоносная, жизнеутверждающая, и въ такое время важно ее сохранять. Если бы отъ нея отказались, это произвело бы на всю страну впечатлѣніе демонстраціи унынія. Что характерно для унынія? Желаніе спрятаться. Унылый человѣкъ сидитъ дома; если нельзя, если нужно быть на людяхъ, онъ жмется къ стѣнкѣ, опускаетъ лицо, нахлобучиваетъ шляпу, застегиваетъ пальто на всѣ пуговицы и подымаетъ воротникъ. Замѣтьте: воротникъ. Это особенно типично. Поднять воротникъ, — все равно, что спустить флагъ. Я надѣюсь, что портнихи Англіи никогда этого не допустятъ.

Бесѣда переходитъ на моду вообще. Мы дивимся ея живучести, — она идетъ своими стезями, какъ ни въ чемъ не бывало. Я вспоминаю, какъ въ началѣ войны даже во Франціи считали, что муза моды временно вышла въ отставку. И я имъ разсказываю сценку въ поѣздѣ. Октябрь 1914 г.; поѣздъ идетъ изъ Парижа въ Бордо; въ вагонѣ 1-го класса двѣ молодыя дамы бесѣдуютъ о пустякахъ, и одна между прочимъ говоритъ: «Хотѣла бы я угадать, что будутъ носить эту зиму». Противъ нихъ сидитъ запыленный офицеръ; онъ вмѣшивается въ разговоръ и отвѣчаетъ: «Главнымъ образомъ трауръ, mesdames». Я уже не помню, слышалъ ли я самъ эту реплику, или только вычиталъ: этотъ анекдотъ печатался въ ста газетахъ и ста варіантахъ, — и въ концѣ-концовъ ясно, что гдѣ-нибудь когда-нибудь такая бесѣда должна была произойти въ силу естественнаго хода человѣческой мысли въ тѣ мѣсяцы. На всякій случай я тутъ ее разсказываю друзьямъ въ видѣ личнаго наблюденія. Это всегда оживляетъ слогъ.

Парижскій пріятель смотритъ на меня лукаво, и, по-моему, подъ его сѣдыми усами прячется змѣя улыбки. Онъ спрашиваетъ:

— А что дамы отвѣтили?

— Э-э... — говорю я, — не помню. Кажется, смутились и ничего не отвѣтили.

— Плохо помните, другъ мой, — говоритъ онъ безжалостно. — А я помню. Вы меня не замѣтили, — я былъ въ томъ же купэ, только подъ скамейкой, и слышалъ ясно, что отвѣтили дамы этому наивному офицеру.

Я сдаюсь и говорю:

— Такъ разскажите.

Онъ излагаетъ отвѣтъ тѣхъ дамъ и реплики того офицера слѣдующимъ образомъ:

— Вы правы только отчасти, monsieur. Мы надѣемся, что далеко не всѣмъ дамамъ Франціи придется носить трауръ; мы даже думаемъ, что наша надежда — патріотическая надежда, которая раздѣляется всѣми друзьями Франціи. Больше того: можетъ-быть, вообще было бы разумнѣе отмѣнить

трауръ на время войны въ интересахъ поддержанія національной бодрости. Во всякомъ случаѣ, десятки тысячъ женщинъ, привыкшихъ одѣваться прилично, траура носить не будутъ. Слѣдовательно, передъ ними встанетъ практическій вопросъ: какъ одѣваться?

— Не понимаю, какъ можно всерьезъ говорить объ этомъ «вопросѣ» въ такое время, — отвѣтилъ офицеръ. Да надѣньте, что попало, и направьте свою мысль и энергію на что-нибудь другое, что нужно для побѣды.

— Это — совѣтъ непрактичный, онъ доказываетъ, что мужчины до сихъ поръ не понимаютъ простѣйшихъ принциповъ дамскаго гардероба. Вы говорите: надѣть, что попало. Значитъ, вы совѣтуете выбрать какое-нибудь изъ старыхъ платьевъ. Хорошо. Раскроемъ шкафъ элегантной женщины изъ зажиточнаго класса и посмотримъ, что тамъ есть. При самомъ бѣгломъ обзорѣ вы увидите, что каждое платье сшито для опредѣленной цѣли: для улицы, для дневныхъ визитовъ, для дома, для театра и т. д. При этомъ каждое сшито по модѣ; а мода, при своемъ возникновеніи, приспособлялась къ настроеніямъ того времени, когда она возникла. Даже на самыхъ простыхъ платьяхъ элегантной женщины лежитъ ясная печать тѣхъ настроеній, — настроеній до войны, когда на душѣ было весело и на небѣ ни одной тучки. Поэтому большая часть прошлогодняго гардероба теперь просто недопустима.

И первые запротестовали бы вы, мужчины. Если бы на улицѣ, въ салонахъ или даже у домашняго очага вдругъ замелькали туалеты прошлаго сезона, мужчины, при всей своей слѣпотѣ, сразу почувствовали бы, что это не соотвѣтствуетъ моменту, слишкомъ легко, слишкомъ весело, слишкомъ игриво для такого трагическаго времени. И они бы закричали въ одинъ голосъ: надѣньте что-нибудь другое, что-нибудь болѣе серьезное, болѣе réservé.... Значитъ, они сами признаютъ, что надѣть «что попало» нельзя и что дамскій туалетъ, даже теперь — особенно теперь! — долженъ быть тщательно пригнанъ къ психологіи момента. А ужъ это — цѣлая сложная задача. Платье эпохи начала великой евро-

пейской войны должно быть, конечно, серьезное и réservé; слѣдовательно, допустимы только опредѣленные цвѣта и только такіе покрои, которые не противорѣчатъ идеѣ «серьезности». Съ другой стороны, пересолить тоже нехорошо: никто не хочетъ, чтобы французскія женщины въ такой моментъ спеціально нагоняли на людей тоску. Туалетъ нашихъ трудныхъ дней долженъ выражать серьезность, но также и бодрость, вѣру въ будущее, — онъ долженъ провозглашать, что Франція серьезна, но, чортъ возьми, не разучилась еще улыбаться. И вотъ стоитъ дама передъ прошлогоднимъ гардеробомъ и должна въ немъ найти платье, отвѣчающее всѣмъ этимъ требованіямъ. Ясно, что такого платья въ ея гардеробѣ нѣтъ. Значитъ, надо его шить. Значитъ, неизбѣжно должна возникнуть новая мода.

Офицеръ развелъ руками:

— Господи! Да неужели нельзя найти въ этомъ гардеробѣ просто простое платье?

— Вы употребляете слова, лишенныя всякаго значенія. «Просто простыхъ платьевъ» нѣтъ на свѣтѣ. Всякое чѣмъ-нибудь да отличается, — и именно тѣмъ, что теперь неумѣстно. Представьте себѣ такой примѣръ. Допустимъ, во время паники въ Парижѣ мои болѣе скромные туалеты пропали; остались только бальныя платья, которыя вы сами не позволите мнѣ носить; затѣмъ случайно осталось платье моей тетки, 1895 года, съ широчайшими буфами у плечъ, да платье моей бабушки, 1862 г., съ кринолиномъ. Оба великолѣпно сохранились, и оба туалета «скромные». Вотъ я ихъ и надѣваю. Однако вы запротестуете и скажете: въ такое время, — что за маскарадъ! Я взяла нарочно примѣръ слишкомъ рѣзкій; но вѣдь разница только количественная. «Простыхъ» платьевъ нѣтъ, а есть платья съ признаками; признаки 1862 года шокируютъ васъ больше, признаки 1913 — меньше, но шокировать будутъ и они.

Офицеръ былъ посрамленъ и сдался; такъ, по словамъ нашего пріятеля, создалась новая мода. Съ тонкимъ знаніемъ дѣла онъ намъ объяснилъ, въ чемъ заключаются спеціально-военные признаки нынѣшней моды. Я не все за-

помнилъ, помню только, что маленькая шапочка выражаетъ идею Шотландіи, а широкая короткая юбка идею поддевки, въ честь великаго союзника на востокѣ. Впрочемъ, онъ прибавилъ, что и шапочка, и поддевка уже остались позади, что ихъ надо понимать лишь какъ опорные пункты или отправныя точки, а дальше, — дальше муза моды уже самостоятельно развиваетъ свои узоры.

Очень самостоятельно. Можетъ-быть, началось это, дѣйствительно, съ идеи поддевки въ честь восточнаго союзника. Хотя странно: почему и нѣмецкія дамы носятъ какъ-разъ теперь растопыренныя юбки и крохотныя шапочки? Тоже въ честь Россіи и Шотландіи? Сомнительно. Во всякомъ случаѣ что бы ни натолкнуло музу моды на это изобрѣтеніе, узоры, которые она вышиваетъ по этой канвѣ, ничего ужъ общаго съ войной не имѣютъ. Только цвѣта еще не перешли той грани, за которой начинается яркость; но во всемъ остальномъ наше поколѣніе не помнитъ еще такой задорной и бойкой моды, какъ теперешняя. По сравненію съ годами до войны, когда дамы робко и деликатно, «щепливой» походкой Дюка Степановича изъ той былины, сѣменили по путямъ міра сего, нынѣшняя поддевка и шапчонка набекрень придаютъ имъ что-то ухарское.

И дѣйствительно, эта мода идетъ самымъ удалымъ образомъ наперекоръ всѣмъ суровымъ угрозамъ жизни. Вздорожала матерія, — а на юбку нужно въ два раза больше матеріи, чѣмъ прежде. Безумно вздорожалъ мѣхъ, — никогда не носили столько мѣховыхъ оторочекъ, сколько теперь. Вздорожала кожа, — появились сапожки до колѣнъ; ихъ надо полчаса зашнуровывать, когда у каждой приличной дамы тьма дѣлъ, иногда дѣйствительно серьезныхъ, — въ госпиталѣ, въ комитетѣ шитья, въ бюро мужа, во всякомъ случаѣ больше дѣлъ, чѣмъ было прежде, когда ботинки можно было надѣть въ минуту. Сегодня въ «Times» пишутъ изъ Парижа, что съ весны предстоитъ введеніе какой-то новой формы корсажа, для чего понадобится революція въ формѣ корсета и радикальныя перемѣны во всѣхъ ненаружныхъ частяхъ туалета. Придется завести новыя trousseaux

такихъ-то и такихъ-то предметовъ, — предупреждаетъ авторъ корреспонденціи... Можно держать пари, что если завтра прекратится работа въ шахтахъ Ранда, въ Трансваалѣ, послѣзавтра появится мода носить алмазныя пуговицы. Кажется, муза моды въ этомъ году избрала себѣ девизомъ: наперекоръ.

А, можетъ-быть, муза моды во всемъ этомъ дѣйствительно слѣдуетъ духу войны, только по-своему. Одно во всякомъ случаѣ несомнѣнно: тому слою, который въ самомъ дѣлѣ стоитъ лицомъ къ лицу съ ужасомъ войны, муза моды угодила. Я говорю о военныхъ, конечно, изъ зажиточнаго класса. Пріѣзжая на недѣльный отпускъ послѣ шести мѣсяцевъ сидѣнья въ грязи пополамъ съ кровью, они жаждутъ блеска и роскоши. Съ точки зрѣнія высшихъ интересовъ націи было бы, конечно, полезнѣе, если бы они застали дома жену-Пенелопу, которая мудро сократила расходы, замѣнила постоянную прислугу приходящей, выкрутила половину лампочекъ и носитъ прошлогоднія платья. Но это — не точка зрѣнія человѣка въ хаки. Пенелопа рискуетъ показаться ему просто Ксантиппой. Ему нужна Елена Троянская, — боюсь сказать: Аспазія (понятно, рѣчь идетъ только о склонности къ внѣшнему блеску). Онъ пріѣзжаетъ не за тѣмъ, чтобы благоразумно «устроить дѣла», а за тѣмъ, чтобы наглотаться веселья, подышать шикомъ, какъ можно больше за короткую минуту. Этотъ мимолетный потребитель опредѣляетъ теперь многое въ нашей городской культурѣ. Муза моды можетъ смѣло сослаться на его санкцію. Когда моралисты корятъ ее за неумѣстное чудачество, за дико-несвоевременную расточительность, она можетъ отвѣтить: устройте объ этомъ плебисцитъ въ окопахъ. Конечно, при этомъ она имѣетъ въ виду плебисцитъ съ ограниченнымъ цензомъ: не ниже лейтенанта. Унтера и солдаты, вѣроятно, остались бы при особомъ мнѣніи, — но вѣдь ихъ дамы не считаются съ модой, и мода не обязана считаться съ ними.

Это — одинъ изъ тѣхъ сюжетовъ, о которыхъ можно написать сто страницъ; поэтому надо быть очень осторожнымъ и кончить какъ можно раньше. При желаніи тутъ нетрудно

подобрать цѣлый рядъ любопытныхъ сопоставленій. Можно, напримѣръ, заинтересоваться вопросомъ, что именно ткала Пенелопа, когда мужъ ея былъ на войнѣ, — и можно доказать, какъ дважды два, что она ткала не просто ткань, а модную ткань того года и сезона. Можно доказать то же самое относительно Сольвейгъ въ избушкѣ на горѣ. И, продолжая иными словами ту же мысль, можно вспомнить, что мысль о смерти всегда была стимуломъ къ полнотѣ жизни и что коронный гимнъ молодежи всѣхъ странъ, безсмертное Gaudeamus, построенъ на этой основѣ и т. д. Но врядъ-ли все это необходимо для того, чтобы придти опять къ выводу, который такъ настойчиво бросается въ глаза наблюдателю, присматривающемуся къ этой войнѣ съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ мѣстахъ. Этотъ выводъ гласитъ, что война и сопровождающія войну явленія говорятъ не только о столкновеніи вѣсомыхъ интересовъ человѣческихъ группъ, но и отражаютъ какой-то странный не имѣющій опредѣленной цѣли подъемъ всѣхъ вообще аппетитовъ и потенцій, зарытыхъ въ душѣ двуногой скотины. Застоялась двуногая скотина, и теперь вдругъ заиграли въ ней всѣ жилки, и заходили ходуномъ всѣ суставы, даже тѣ, которые въ военномъ дѣлѣ не надобны. И одну и ту же музыку играетъ Минерва на клавіатурѣ своихъ пушекъ и муза моды на своей швейной машинѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

